

С.Ю. Девярых

**СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ
И РОДИТЕЛЬСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ
ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК:
АНАЛИЗ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ**

Минск

РИВШ
2007

УДК 37.015.3
ББК 88.840
Д 25

Рецензенты:

Петровский В.А., заведующий лабораторией персонологии развития
Института развития дошкольного образования РАО,
доктор психологических наук, профессор, член-корр. РАО

Послесловие *В.А. Петровского*

Д 25 Девярых С.Ю. Семейные ценности и родительские ориентации юношей и девушек: анализ гендерных различий / С.Ю. Девярых, послесловие В.А. Петровского. –

ISBN

В монографии родительство рассматривается как часть личностной сферы человека – социально-психологическое образование личности, представленное системой диспозиций, - имеющее фило- и онтогенетическую историю, ориентированное на задачи рождения и воспитания детей. Предметом исследования являются брачно-семейные, в том числе родительские, ценности и установки юношей и девушек с фокусировкой на гендерные различия.

ISBN

© С.Ю. Девярых, 2007.
© РИВШ БГУ 2007.

ВВЕДЕНИЕ

Современная европейская семья переживает изменения, которые в одних случаях определяются как кризис (А.И. Антонов, Б. Бергер, В.Н. Дружинин, Д. Попеное), в других – как ее трансформация (И.С. Голод, Р. Зидер, Л.В. Карцева, Б.Н. Миронов). В России и европейских странах бывшего СССР эти процессы происходят на фоне глубокого системного кризиса, затронувшего все уровни общества, - от поведения отдельных членов и малых групп, до его ценностных оснований.

Исследователи современной семьи обычно указывают на ее структурную неустойчивость, ценностно-нормативную девиантность и некоторые другие особенности, проявляющиеся в ее малодетности, росте числа разводов, появлении сиротства при живых родителях, легитимизации внебрачных сексуальных сожительств и внесемейного родительства. Вместе с тем, отмечается, что только традиционная семья может надежным образом обеспечить воспроизводство демографической структуры общества и, если не будет достигнута ее устойчивая стабильность, это может вызвать затруднения в функционировании общества на всех его уровнях (А.И. Антонов, Б. Бергер, В.Н. Дружинин, Л.В. Карцева).

Изменения, происходящие с семьей, затронули и родительство; имеющиеся исследования этой проблемы (В.В. Абраменкова, А.И. Антонов, В.И. Брутман, А.И. Захаров, В.А. Петровский, С.Ю. Мещерякова, Н.Ю. Синягина, Г.Г. Филиппова) свидетельствуют о росте девиантного родительства.

Родительство и родительское поведение изучаются в психолого-педагогических науках в разных аспектах. И это понятно, если учесть их важность для становления личности ребенка. На уровне личности родительство рассматривается как часть личностной сферы человека, имеющая свою онтогенетическую историю и в качестве социально-психологического образования, представленного социальными установками разного уровня обобщения и конкретизациям (А.И. Антонов, В.В. Бойко, М. Браун-Галковска, М. Земска, Р.В. Овчарова, М. Пилькевич, И. Рембовски, А.Г. Харчев).

Важным этапом формирования родительства является юношеский возраст. Исследования брачно-семейных представлений и ориентаций молодежи – традиционная сфера научных интересов многих ученых. Семейные ценности были объектом исследования К.К. Баздырева, С.С. Буровой, Б.И. Говако, И.С. Голода, М.С. Мацковского, А.Г. Харчева, А.О. Янковой, гендерные и семейные образы и идеалы изучались А.И. Захаровым, Д.Н. Исаевым, В.Е. Каганом, В.Л. Ситниковым, Т.И. Юферевой; исследование семейных представлений нашло свое

отражение в работах Т.В. Андреевой, Р.В. Овчаровой, В.А. Сысенко, Б.Ю. Шапиро. Вместе с тем ощущается недостаток научных данных, раскрывающих особенности представлений юношей и девушек о родительстве, а они, вместе с тем, необходимы для разработки обучающих программ, способствующих оптимизации их будущих родительских позиций и ориентированных на формирование у молодежи ответственного отношения к родительству и супружеству, а также для нужд психолого-педагогической консультативной работы. Актуальность данного исследования определяется также тем, что в обществе трансформирующихся традиционных гендерных норм изменяются и связанные с ними гендерные роли, в том числе и родительские. В связи с этим представляется важным определить, насколько указанные изменения восприняты и отражены в сознании юношей и девушек.

ГЛАВА 1 ФЕНОМЕН РОДИТЕЛЬСТВА И ЮНОСТЬ КАК ЭТАП ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ

1. 1. ОТЦОВСТВО И МАТЕРИНСТВО КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Опыт изучения семьи в социальных и поведенческих науках позволяет говорить о ней как о необходимом компоненте социальной структуры любого цивилизованного общества [13, 105, 139, 167, 221, 255, 264, 286, 293]. Ее универсальность определяется тем, что в каждом обществе необходимо регулировать отношения между людьми так, чтобы они отвечали его потребностям. Это касается, прежде всего, регулирования сексуальных отношений между мужчиной и женщиной, деторождения и воспитания детей, производства и распределения экономических ресурсов и социализации людей, особенно детей [240, с. 165].

И отечественные, и зарубежные исследователи [10, 13, 64, 66, 139, 148, 167, 255, 273] в качестве таких специфических черт семьи, как особого феномена человеческой коллективности, указывают на ее участие в воспроизводстве как физического существования индивидов, так и определенного образа жизни. Так, согласно Дж. Масионису, семья - «социальный институт, представленный во всех обществах, объединяющий людей в группы, чтобы те смогли сообща растить и воспитывать детей» [167, с. 580].

Непосредственным семьеобразующим фактором здесь выступает социальная норма за которой стоит определенная совокупность объективных общественных и индивидуальных потребностей. Эта норма выступает по отношению к семье в качестве как внешних, так и внутренних факторов. В первом случае семья рассматривается как объективированная норма, т.е. как социальный институт, во втором – как психологическая группа [256, с. 72].

Институциональный характер семьи определяется уже тем, что своим возникновением, существованием и развитием она обязана общественному установлению, предписывающему супругам заботиться о своих детях. А.Г. Эфендиев определяет социальный институт как исторически сложившиеся, устойчивые, самовозобновляющиеся системы социальных взаимодействий, призванные удовлетворить те или иные потребности людей. Иначе говоря, социальный институт – это «процедура социальных действий, которая надежно обеспечивает регулярное и самовозобновляющееся удовлетворение жизненно важных потребностей» [185, с. 215]. Регулярность и самовозобновляемость социальных

институтов обеспечивается за счет обезличенности требований к тому, кто включается в его деятельность. Поэтому, чтобы занять место в институциональных социальных связях, надо соответствовать определенным социальным эталонам поведения, которые «представляют собой исторически отобранный наиболее эффективный вариант поведения участника институционализированных социальных связей».

Понимание семьи как малой социальной группы находит множество своих сторонников среди исследователей и, тем более, среди психологов-практиков, поскольку открывает возможности для оказания психологической помощи семье [187, с. 26].

Несмотря на все многообразие определений понятия «малая социальная группа» [19, 29, 156, 157, 228, 297], можно все же выделить основное его содержание. Так, согласно Р.Л. Кричевскому и Е.М. Дубовской, любые социально-психологические характеристики группы должны преимущественно отражать именно признаки группы как целостной микросистемы социальных и психологических отношений [156, с. 67]. Первым среди таких параметров, по мнению М.Р. Битяновой, следует назвать психологическое содержание совместной деятельности [29, с. 247]. Хотя по отношению к семье выделить общую для всех ее членов деятельность не просто, семья, вместе с тем, выполняет очень важную задачу, – задачу воспитания молодого поколения и обеспечения личного счастья каждого ее члена. Именно это, согласно А.В. Петровскому и В.А. Петровскому, характеризует общую для всех членов семьи деятельность, причем ее цели выходят далеко за рамки внутрисемейных отношений и являются социально заданными и социально ценными [192, с. 155].

Проблема функций* семьи достаточно глубоко и всесторонне изучена как в отечественной, так и в зарубежной науке [13, 50, 56, 105, 116, 139, 255, 256, 259, 264, 277, 293]. Следует отметить, что единого перечня основных функций семьи не существует: разные авторы, предлагая тот или иной их набор, исходят из своей концептуальной модели, но, при всем разнообразии трактовок и используемых терминов, выделенные ими совокупности функций достаточно схожи.

Всю совокупность функций семьи исследователи этой проблемы [13, 45, 255] подразделяют на специфические, вытекающие из самой ее сущности (именно они отражают ее особенности как социального явления) и неспецифические, – те из них, к выполнению которых семья оказалась призванной или приспособилась для их выполнения в определенных исторических обстоятельствах. При этом предполагается, что их набор и объем может изменяться и варьироваться в зависимости от социокультурной ситуации. К неспецифическим функциям семьи относят

* Под функциями мы понимаем способ проявления активности, жизнедеятельности семьи и ее членов [сравни: 21, с. 131].

накопление и передачу собственности, статуса, организацию производства и потребления, домохозяйство, отдых и досуг, заботу о здоровье и благополучии семьи, создание микроклимата, способствующего снятию напряжения, самосохранению «Я» каждого из ее членов и некоторые другие. Специфические функции семьи, к которым относят рождение, содержание и воспитание детей, сохраняются при всех изменениях общества.

По мнению Г. Навайтиса, одной из особенностей семьи является ее полифункциональность, которая являет себя в том, что каждая потребность, удовлетворяемая семьей, может быть удовлетворена и без нее, но только семья позволяет удовлетворить их в комплексе, который, в случае сохранения семьи, не может быть раздроблен или распределен между другими людьми. Такое понимание функций семьи, по мнению Г. Навайтиса, позволяет обоснованно отделить семью от других, похожих на нее по некоторым признакам малых групп (пар, поддерживающих постоянные сексуальные отношения) [179, с. 6].

На полифункциональность семьи уже при ее возникновении указывает и А.Г. Вишневский. Вместе с тем, «очевидна конструирующая роль в ее происхождении функций, связанных с продолжением рода» [48, с. 57]. Именно в силу своей полифункциональности семья объединяет индивидуальные, групповые и общественные интересы [187, с. 35].

А.Н. Елизаров, анализируя функции семьи, приходит к выводу, что здоровые отношения в семье существуют только тогда, когда группа людей, называющих себя «семьей», порождает и воспитывает детей [108, с. 48].

И действительно, хотя «ядром» семьи, по мнению А.Г. Харчева [255], является супружеский союз мужчины и женщины, но создает ее не столько отношение «мужчина – женщина» само по себе, а отношения «мать – ребенок» и «отец – ребенок», что с необходимостью предполагает и отношения «мать – отец». Причем сходной точки зрения придерживается целый ряд исследователей [28, 40, 56, 105, 139, 256]. Впрочем, само по себе рождение ребенка (в браке или вне его) не ведет к возникновению семьи: ребенок может быть и неродным, но если он воспитывается в семье, он ее член. Таким образом, мужчина и женщина только тогда становятся отцом и матерью, когда они воспитывают детей [105, с. 11]. Иначе говоря, семья – это «реализация родительской ответственности за воспитание детей» [256, с. 25].

Итак, «семья является социальным институтом, а конкретная семья институализированной социальной группой, функция которой заключается в первичной социализации детей» [105, с. 33]. Именно в воспитании детей видит С.В. Ковалев непреходящее общественное значение функций семьи [139, с. 5]. И это совершенно понятно: семья для ребенка – «главный и

основной компонент среды, в которой он живет первую четверть жизни и которую он пытается построить всю оставшуюся жизнь» [105, с. 3].

В отечественной науке понятие функций семьи соотносится с понятием семейной роли и структуры семьи. В самом простом своем определении структура семьи – это ее состав, число ее членов, а также совокупность их взаимоотношений [269, с. 21]. Анализ структуры семьи дает возможность ответить на вопрос, каким образом реализуются функции семьи: кто в семье осуществляет руководство, кто является исполнителем, как распределены между членами права и обязанности. Все это и раскрывает характер и специфику отношений членов семьи между собой.

В.Н. Дружинин полагает, что каждая культура порождает определенную нормативную модель (или группу моделей) семьи, которая включает в себя в качестве своих элементов нормативных членов семьи, отношения власти – подчинения и эмоциональной привязанности – отталкивания, а также их динамику. Структура отношений определяет особенности позиций и ролей членов семьи. Нормативная модель определяет структуру реальной семьи в данном обществе [105, с. 5].

В научном обиходе бытуют различные типологии семьи. В своем основании почти все они, тем или иным образом, учитывают характер распределения властных полномочий и связанного с ними разделения труда в семье. Так Н.Г. Юркевич [273] выделяет два типа распределения семейной власти: авторитарно-иерархический и демократический (эгалитарный), при этом, видимым индикатором распределения властных полномочий в семье является распределение ролей в ней. Для семьи авторитарно-иерархического типа характерно то, что мужчине принадлежит право не только распоряжаться общим имуществом, но и монопольное право родительской власти: он может принимать решения относительно судьбы детей. Распределение ролей в семье традиционное: жена выполняет все обязанности по дому, а муж – обеспечивает семью материально. При демократическом (эгалитарном) типе распределения власти супруги в равной степени участвуют в принятии и осуществлении наиболее важных для жизнедеятельности семьи решений. Муж помогает жене в выполнении домашней работы или, как вариант, домашняя нагрузка делится поровну. Мнения и желания детей учитываются в зависимости от их возраста.

А.Г. Харчев как подтип эгалитарной семьи вводит в свою типологию тип семьи с «персональной властью» мужа. Власть в такой семье основывается не на принуждении, а на моральном авторитете и его необходимости для сплочения и функционирования семейной группы. По мнению А.Г. Харчева, это приводит к такому состоянию, когда власть «уже не может перейти в произвол или деспотизм, не имеет традиционно-обязательного характера и предоставляет если не выбор, то согласие на нее

остальных членов семьи» [255, с. 258]. Нередко в таких семьях за формальным главенством мужа (а это может быть «данью» традиции) скрывается фактическое равенство супругов или даже преобладание воли жены в решении основных внутрисемейных проблем. Как вариант демократической семьи А.Г. Харчев указывает на семьи, в которых властные полномочия, при принципиальном равенстве прав и обязанностей, распределены супругами между собой по сферам семейной жизни. Такое распределение «сфер влияния», как правило, учитывает возможности и желания «договаривающихся сторон». Вместе с тем, их распределение – постоянная почва для конфликта. В связи с чем, И.В. Гребенников [64] такой тип распределения власти (и ролей) в семье определяет как «автономный».

А.И. Антонов и В.М. Медков выделяют «патриархальные семьи, где отец является главой семейного “государства” и матриархальные семьи, где наивысшим авторитетом и влиянием пользуется мать. Там, где нет четко выраженных семейных глав, и где преобладает ситуативное распределение власти между отцом и матерью, имеет смысл говорить об эгалитарных семьях» [13, с.71].

С.И. Голод [61] выделяет три типа семьи: патриархальный (традиционный), детоцентрический (современный) и супружеский (постсовременный).

Патриархальный тип распределения власти опирается на экономическую зависимость членов семьи от ее главы (мужа и отца). Для такой семьи характерно жесткое внутреннее распределение ролей. Доминирование мужа и общеобязательность решений, принимаемых им. Отношения родители – дети в такой семье покоятся на абсолютной родительской власти и авторитарной системе воспитания. Здесь следует отметить, что современная традиционная семья, по замечанию М.Ю. Арутюнян, «существенно отличается от модели прошлого. Она утратила свою объективную основу, которая заключалась во взаимодополнительности ролей супругов и является «скорее следствием особых взаимоотношений супругов, характеризующихся относительно низким уровнем психологической солидарности, в особенности такого ее компонента, как кооперация» [16, с. 70].

Для детоцентрического типа семьи характерно возвышение частной жизни, чувственной стороны брака и интимности. Отношения между мужем и женой более или менее равноправные. Ребенок, а его рождение, как правило, планируется, превращается в объект родительской любви, стойкой привязанности и потакания: свои интересы родители подчиняют интересам детей. Семья супружеского типа отходит от господства зависимых отношений. Так что в границах одного семейного типа возникают разнообразные отношения между полами и поколениями. Такая

семья «предоставляет возможности индивидуальной самореализации для всех» [61, с.70].

Оставаясь в рамках концепции С.И. Голода, М.Ю. Арутюнян высказала предположение о том, что каждый тип семейной организации имеет свою собственную «социализирующую специфику». Так, традиционная семья воспитывает у детей уважение к авторитету и установленному порядку, требует от них неукоснительного соблюдения требований старших. В ней основное педагогическое воздействие осуществляется «сверху – вниз» и предполагает схему отношений «требование – подчинение». В детоцентрической семье основные педагогические парадигмы – «счастье ребенка», «семья для ребенка». Основные воздействия снизу – вверх и сверху – вниз. В такой семье сложная система требований и просьб, формирующих симбиотическую зависимость ребенка от родителей. В супружеской семье отношения детей и родителей строятся на доверии, определенной степени их автономности и преобладают горизонтальные взаимодействия, в которых родители учитывают интересы ребенка [15, с. 28]

В семье обычно доминирует тот ее член, который обладает наибольшим объемом властных полномочий. При этом задача доминирующей личности состоит в обеспечении безопасности группы, координации действий ее членов для достижения групповых целей, в определении перспектив жизни и развития группы [105, с. 35].

Роль главы семьи предполагает ответственность за семью в целом: «за ее настоящее, прошлое, будущее, деятельность и поведение членов семьи, перед собой и семьей, перед общиной (ближайшим социальным окружением) и той частью мира людей (общество), к которой принадлежит семья». При этом В.Н. Дружинин особым образом подчеркивает, что «если ответственности не несет никто – это “псевдосемья”»* [105, с. 39]. Данные эмпирических исследований позволяют утверждать, что доминирование одного из супругов является одним из необходимых условий устойчивости семьи [278, с. 22-24].

Семейная жизнь, как никакая другая сфера человеческого бытия, основана на комплексе альтруистических чувств: сопереживания, бескорыстия, самоотверженности [234, с. 39]. И действительно, хотя отношения эмоциональной близости не являются необходимыми для семьи как социального института, однако, «аффилиация не считается с нормой, либо лежит в основе семьи, либо возникает в процессе ее существования». При этом знак психической эмоциональной близости не обязательно положительный: «равнодушие, отчуждение, ненависть окрашивают существование семьи в свои цвета не в меньшей мере, чем любовь, понимание и сочувствие» [105, с. 4]. По мнению А.В.

* выделено В.Н. Дружининым

Петровского, степень эмоциональной близости – это особое качество настоящей семьи: трудно представить себе другую группу, где подобное качество было бы развито в такой степени [191, с.19].

Э.Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис рассматривают эмоциональные отношения симпатии как цементирующую силу семейных отношений. Отношения симпатии вызывают нарастание интереса к объекту симпатии, который, в свою очередь, связан со стремлением помочь, совместно радоваться или огорчаться, что и обуславливает еще большую взаимную откровенность и, соответственно, нарастание эмпатии [269, с. 30]. Отсюда и то значение отношений симпатии в профилактике и смягчении межличностных конфликтов в семье [9, 40, 61, 197, 202, 226, 230, 238, 281, 283, 293, 295, 298].

Степень эмоциональной полноты и выразительности по-разному представлена в таких (с точки зрения ее структуры) типах семьи, как эгалитарная, авторитарная и переходного типа. Установлено, что из всех типов семьи, наиболее эмоционально неустойчивой является семья переходного типа [44, с. 42]. В.Н. Дружинин определяет ее как «потенциально конфликтную» [105, с. 39]. Семьи эгалитарного типа эмоционально более стабильные, что связано с высоким уровнем развития в них всех компонентов психологической солидарности [16, с. 70].

В системе внутрисемейных отношений главенствующими выступают отношения между супругами. Их состояние и характер выступает в качестве главной детерминанты, от которой зависит успех семейного воспитания. [238, с. 50]. Вместе с тем, он возможен только тогда, когда семейные отношения устойчивы; только при этом условии поведение членов семьи по отношению друг к другу становятся предсказуемыми, ожидаемыми [265, с. 187-188]. В связи с этим необходимо отметить, что вся многообразная деятельность супругов требует от них высокого уровня взаимопонимания, примерно одинаковой оценки ситуаций семейного взаимодействия, понимания и взаимного принятия целей и задач семейного союза. Хотя такая общность представлений и оценок складывается из индивидуальных представлений и ожиданий супругов, они (оценки и представления), в свое время, формируются под влиянием брачно-семейных традиций общества, усвоенных будущими супругами и родителями в процессе социализации, и, прежде всего, в прародительской семье. В.А. Сысенко, полагает, что «многие брачно-семейные нормы настолько вошли в жизнь и поведение миллионов людей, что они считаются само собой разумеющимися» [234, с. 39].

Нормы, правила и требования обычно связывают с понятиями «должен» и «не должен». По образному выражению В. Сатир, они «образуют готовый конспект, который приобретает особый смысл, как только двое или более людей начинают жить по нему вместе» [218, с. 60]. Таким образом, нормы семейной жизни существуют для того, чтобы

запустить в действие все механизмы, позволяющие людям жить вместе и прогрессировать в своем развитии.

Социальные нормы дополняются другими важными понятиями, вытекающими из разделения всего многообразия взаимных прав и обязанностей в брачной и семейной жизни – понятиями семейных ролей. В отечественной науке понятие «семейная роль» опирается на социологическое по своей сути понятие «социальной роли», и выступает как конкретизация социальных ролей мужчины и женщины, мужа и жены, сына и дочери [264, с. 137].

Социальная роль – это деиндивидуализированный образец поведения человека, занимающего определенную позицию в системе социальных связей. Роль – весьма сложное образование. Кроме норм-предуказаний в нее входит и комплекс чувств, важнейшее из которых для носителя родительской роли – любить своего ребенка. Помимо этого, роль включает в себя знание и понимание цели, к достижению которой должен стремиться ее носитель. Для родительских ролей это – воспитать своих детей, вырастить из них полноправных членов общества [269, с. 238]. Все это позволяет говорить о социальной роли как об особом типе регуляции, - «функциональной регуляции, призванной гарантированно и надежно обеспечить выполнение определенных функций в рамках конкретного социального института» [185, с. 472].

Роли в семье разделяются на супружеские, где участники – муж и жена; родительско-детские – отец – сын (дочь), мать – сын (дочь) и детские, – брат – сестра. Они всегда бывают парными: нельзя исполнять роль жены при отсутствии мужа, так же роль отца или матери, при отсутствии сына или дочери [218, с. 98]. Роль существует во взаимодействии с другими ролями, образуя систему, которая, приближаясь к непротиворечивой, может удовлетворить многие психологические потребности включенных в нее индивидов [265, с. 140].

Семейные роли мужчин и женщин включают в себя роли организатора семейной жизни (т.е. того, кто принимает решения по основным вопросам жизнедеятельности семьи), исполнителя основных видов домашних работ и роль воспитателя детей [279, с. 128].*

Н.Н. Посысоев полагает, что содержание роли ребенка в семье определяется, главным образом, той потребностью родителей, которую ребенок удовлетворяет, а именно:

- ребенок может быть компенсацией неудовлетворительных семейных отношений. В таком случае ребенок выступает в роли средства, с помощью

* В отечественной психологической литературе приводится и более пространный перечень семейных ролей. Они следующие: 1) Роль ответственного за материальное обеспечение семьи; 2) роль хозяина – хозяйки; 3) роль ответственного за поддержание родственных связей; 4) роль организатора семейной субкультуры; 5) роль организатора семейных развлечений; 6) роль семейного психотерапевта; 7) роль любовного партнера; 8) роль ответственного за уход за младенцем 9) роль воспитателя [139, 263].

которого один из родителей может усиливать свою позицию в семье. Если данная потребность компенсации и усиления позиции удовлетворяется, то ребенок занимает место кумира;

- ребенок может быть знаком социального статуса семьи, символизируя ее социальное благополучие; ребенок выполняет роль объекта социальной презентации;

- ребенок может быть элементом, который связывает семью, не давая ей разрушиться [187, с. 242-243].

Роль, которую родители «предписывают играть» ребенку во внутрисемейных отношениях, может характеризовать его положение в семейной системе, а от характера, места и функционального ее наполнения во многом зависит формирование характера ребенка [230].

Следует отметить, что процесс возникновения ролевой структуры семьи является одной из главных сторон ее становления как социальной и психологической общности, адаптации супругов друг к другу и выработки стиля семейной жизни [264, с. 137].

Рассматривая семью в части ее нормативных членов, нельзя не заметить, что они, как правило, представлены мужчинами и женщинами, мальчиками и девочками. Члены семьи выступают как два противоположных пола, каждый из которых имеет свою поведенческую специфику, свои отличительные черты. В этой связи рассмотрение семейных ролей с неизбежностью приводит нас к рассмотрению половых ролей и половой дифференциации, которая и лежит в их основании [10, 105, 122, 128, 133, 144, 149, 190, 198, 264, 281].

В строгом смысле пол – это совокупность «морфологических и физиологических особенностей организма, обеспечивающих половое размножение, сущность которого сводится, в конечном счете, к оплодотворению» [233, с. 171]. Таким образом, категория «пол» описывает биологические различия, определяемые генетическими особенностями строения клеток, анатомо-физиологическими характеристиками и функциями в деторождении.

Половая принадлежность проявляется в поведении двояко: в плане различий в «общем» поведении и в плане различий в той части поведения, которую называют «половым» и которая самым непосредственным образом соотносится с продолжением рода [142, с. 219].

Что касается половых различий в «общем» поведении, то они достаточно полно описаны, хотя данные, полученные учеными, все же продолжают оставаться достаточно противоречивыми [128, 133, 141, 144, 150, 162, 190, 198, 284, 288]. Оценивая различия в плане репродуктивного поведения Д.В. Колесов заключает: «жизненные потребности мужского и женского пола одинаковы, и поэтому принципиальных различий в их поведении быть не может. Имеющиеся же различия позволяют хорошо и полно использовать специфические их особенности в плане взаимного

дополнения, которое может иметь различные уровни, достигая наиболее высокой биологической, психологической, социальной значимости при удовлетворении потребности в продолжении рода» [142, с. 233-234].

Не следует забывать, что активность человека осуществляется в социокультурной среде: общество определяет средства и границы человеческой активности, а культура представляет собой систему знаков, посредством которых человек обозначает свои природные качества, наделяет их определенным смыслом. Таким образом, культура становится тем организующим началом и системообразующим признаком поведения, которое мы обозначаем как мужское и женское, и именно она определяет человеческие качества, которые выступают системообразующими для классификации мужских, женских и (или) нейтральных [198, с. 30]. На это указывал еще З. Фрейд, заметив, что культура ограничивает роль женщины семьей и сексом, а мужчину отчуждает от роли мужа и отца [249, с. 164].

Социальное понимание мужественности и женственности воплощается в гендерных* ролях, которые представляют собой социальные нормы, определяющие, чем должны или не должны заниматься мужчины и женщины. При этом реальное поведение, реализующее эти нормативные ожидания или ориентированное на них, определяется как полоролевое [144, с. 87].

Гендерные роли всегда связаны с определенной нормативной системой, которую личность усваивает и преломляет в своем сознании и поведении [151, с. 196]. Их можно рассматривать как внешние проявления моделей поведения и отношений, которые позволяют другим людям судить о принадлежности индивида к мужскому или женскому полу [34, с. 76]. Гендерные роли относятся к типу предписанных ролей: статус будущего мужчины или будущей женщины приобретает ребенок при рождении, а затем в процессе гендерной социализации ребенок обучается исполнять ту или иную гендерную роль [6, 198].

Гендерные роли связаны с общественным разделением труда между полами, которое обнаруживается в каждом из существующих до сих пор человеческих обществ, являясь одной из древнейших форм дифференцировки. И неудивительно, что она представляется людям вечной и нерушимой. То, что свойственно мужчинам, а что – женщинам, включает множество параметров. Среди таковых – экономические показатели, социальный авторитет, престиж, причем все они (или хотя бы их часть) могут не совпадать между собой в различных культурах. Вместе с тем, есть два момента, которые можно считать культурными универсалиями: в какой-то мере общество связывает определенные черты

* Термин «гендер» указывает на социальный статус и социально-психологические характеристики личности, которые связаны с полом и сексуальностью, но возникают во взаимодействии с другими людьми

и определенные виды работ с принадлежностью к определенному полу. [200, с. 336].

Представления об универсальности данной системы, основанной на убеждении в естественной взаимодополнительности полов, наиболее убедительно обоснованы Т. Парсонсом и Р. Бейлсом.

По их мнению, дифференцировка мужских и женских ролей в семье и общественно-производственной жизни совершенно неустранима, так как основана на естественной взаимодополняемости полов. Мужские роли и мужской стиль жизни являются преимущественно «инструментальными», а женские – «экспрессивными». Мужчина обычно бывает кормильцем, добытчиком, а в семье осуществляет общее руководство и несет ответственность за дисциплинирование детей, тогда как более эмоциональная по своей природе женщина поддерживает групповую солидарность и обеспечивает необходимое детям эмоциональное тепло. Радикальное изменение этой структуры, согласно Т. Парсонсу и Р. Бейлсу, невозможно: как бы ни вовлекалась современная женщина в общественно-социальную жизнь, женская роль продолжает корениться, прежде всего, во внутренних делах семьи, где женщина выступает как жена, мать, хозяйка дома. Роль взрослого мужчины обычно связывают с профессиональным миром, с его работой, которая обуславливает и его функции в семье – обеспечение ей соответствующего статуса и средств к существованию. Даже если окажется, что средняя замужняя женщина начнет работать, в высшей степени маловероятно, чтобы это относительное равновесие было нарушено, чтобы мужчина и женщина поменялись ролями или чтобы качественная дифференциация ролей в этих отношениях полностью изгладилась [цит. по: 144].

Теория «взаимодополнительности» мужских и женских ролей подтверждается тем, что этот тип ролевой дифференцировки («инструментальность» мужских и «экспрессивность» женских ролей) широко распространен в обществах разного типа. Это подтверждается и данными дифференциальной психологии, которые позволяют говорить о том, что женщины субъективнее и чувствительнее к человеческим взаимоотношениям и их мотивам, чем мужчины; мужчины более тяготеют к предметной деятельности, связанной с преодолением физических трудностей или с развитием абстрактных идей, тогда как у женщин сильнее выражены гуманитарные склонности [142, 288]. При этом все же не следует забывать и о том, что особое положение женщин в семье обусловлено и ее материнскими функциями, а они детерминированы биологически и не зависят от социальных условий [144, с. 88].

Однако проблема не так проста.

По мнению И.С. Кона [150], не вызывает сомнения тот факт, что характер общественных взаимоотношений между полами зависит не только и не столько от самого полового разделения труда, круга

специфических обязанностей мужчины и женщины, сколько от распределения власти, меры общественного признания, престижности мужских и женских занятий.

Именно это имел в виду А. Адлер, полагая, что условием сохранения социальной жизни есть разделение труда, а отказ от него равноценен прекращению человеческого рода. Разделение труда, будучи привнесено в половой диморфизм людей, отдано на откуп сильной половине человечества: доминирующее положение мужчины не имеет естественного происхождения. А. Адлер подчеркивает, что такое положение вещей становится необходимым только в условиях непрекращающихся войн, когда главенствующая роль выпадает на долю сильного мужчины [2, с. 239].

Заметим, что взаимоотношения полов невозможно свести к одной-единственной системе детерминант, будь то биосоциальные контакты или угнетение женщин мужчинами, как утверждают современные феминистки [281]. Вспомним, что еще Ф. Энгельс, рассматривал половое разделение труда как социально-экономическое, а не природное явление. Подчеркивая исторический факт порабощения женского пола мужским, он все же отмечал, что «разделение труда между обеими полами обуславливается не положением женщины в обществе, а совсем другими причинами» [169, с. 243].

В последние годы в исследованиях пола и гендера отмечается не только расширение теоретических взглядов, но и все большее осознание сложности этих феноменов. В психологических моделях начинают использоваться идеи из биологических, антропологических и социальных теорий. Среди наиболее значимых современных направлений следует выделить эволюционную психологию.

В эволюционной психологии функционирование человека понимается с точки зрения психологических механизмов, развивающихся как результат успешного разрешения проблем адаптации в истории вида. Поскольку мужчина и женщина выполняют различные роли в репродукции и воспитании, они сталкиваются с несколько различными проблемами. Поэтому вполне вероятно, что у обоих полов развились несколько разные психические механизмы. Эта теория предполагает радикально иной взгляд на гендер: теперь он не только социальный конструкт, формирующийся в онтогенезе через взаимодействие с культурой. В таком прочтении гендерные различия отражают раскрытие запрограммированных биологических механизмов, эволюционирующих на протяжении тысячелетий, а социальный опыт запускает эти механизмы и изменяет пороги их действия, однако он не способен изменить базовую биологическую структуру или психические тенденции, которые она порождает [3, 189, 194, 251].

При таком подходе к проблеме гендерная идентичность - осознание себя связанным с культурными определениями мужественности и женственности – это фенотип, сплав врожденного и приобретенного [144, с. 57]. И действительно, несмотря на то, что большинство фактов указывают на роль социализации в гендерной идентификации, все же нельзя сбрасывать со счетов и значение врожденной предрасположенности к выбору той или иной деятельности. По всей видимости, за недостаточностью однозначно толкуемых фактов можно согласиться с мнением Е.П. Ильина, который полагает, что «споры о роли биологического или социального в развитии и поведении человека беспредметны, если касаться человека в целом, а не отдельных его характеристик» [122, с. 88].

В основании гендерных ролей лежит гендерная идеология, представляющая собой такую систему идей, посредством которых гендерные различия и гендерная стратификация получает свое социальное оправдание. [35, с. 110]. Гендерная идеология находит свое закрепление в гендерных стереотипах – стандартизированных представлениях о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям «мужское» и «женское», существующих как на высших уровнях культуры, в рамках религиозных и философских учений, так и в повседневном обыденном сознании [144, с. 87].

Гендерные стереотипы, касающиеся закрепления семейных и трудовых ролей в соответствии с полом, относятся к одним из самых распространенных стереотипов, предписывающих стандартные модели ролевого поведения мужчинам и женщинам. В соответствии с этими стереотипами для женщины главными социальными ролями являются семейные роли (мать, хозяйка), а для мужчины – профессиональные роли (работник, труженик, добытчик). Мужчин принято оценивать по профессиональным успехам, а женщин – по наличию семьи и детей. Интересы мужчины сосредоточены за пределами семьи, а для женщины все другие интересы вторичны по отношению к семейным ролям. Для выполнения традиционной роли матери и хозяйки дома женщина должна обладать чуткостью, сострадательностью, заботливостью; от мужчин, как ориентированных на социальные достижения, требуется проявлять твердость, настойчивость и быть независимым [6, 10, 26, 27, 46, 57, 59, 117, 124, 140, 150, 167, 181, 190, 198, 212, 234, 240, 264, 277, 281, 293].

Представления о маскулинности и фемининности, распространенные в литературе, позволяют составить некий обобщенный психологический портрет мужчины и женщины. Так, мужчина «стремится сдерживать свои эмоциональные проявления, не склонен к спонтанному самораскрытию, имеет “защитный панцирь” из норм и правил; деятельностно ориентирован, для него важно ощущение субъектности, собственной роли в достижении успеха; склонен к объективизму, опирается на факты;

уважает себя или соответствует социально-желательным характеристикам». Женщина же, в отличие от мужчины, «ориентирована на межличностное общение; ей присуща способность к эмоциональному, привлекающему внимание окружающих, выразительному самоопределению; она несколько импульсивна, склонна к субъективизму; ее самоотношение более целостно, менее зависит от социальной желательности и носит самопрезентационный характер» [46, с. 99 – 100].

Заметим, что супруги в браке выступают, друг по отношению к другу, не только как муж и жена (объем прав и обязанностей), но и как отец и мать (различия в репродуктивном поведении). Во втором случае они реализуют не только свои биологически заданные различия, но и социокультурные стандарты мужественности и женственности, предписывающие мужчинам и женщинам различные типы заботы и участия в судьбе своего ребенка.

Хотя материнская и отцовская любовь могут рассматриваться в качестве составляющих целостного феномена родительства [186, с. 96], это все же не дает основания определять роль отца как аналогичную роли матери или дополнительную к ней, а чувства к детям и желание воспитывать их, как поведение, которое заложено в генетической структуре. Нельзя также утверждать, что поведение отца ничем не отличается от поведения матери или же очень похоже на него, а также и то, что дети одинаково привязаны как к отцам, так и к матерям [62, с. 60].

Э. Маккоби [287] выделяет несколько параметров, по которым различаются гендерные роли матери и отца по отношению к детям:

- 1) разделение видов ответственности за детей;
- 2) в стилях поведения как самих родителей - матери и отца – так и по отношению к полу ребенка - сын или дочь;
- 3) демонстрация в поведении типичных для своего пола черт и желание усиливать половую сегрегацию или конвергенцию по отношению к детям.

Особенности материнского и отцовского поведения по отношению к ребенку очень удачно обозначил Э. Фромм. Рассматривая их, он пишет, что материнская любовь безусловна: ребенок любим просто за то, что он есть. Это пассивное переживание, материнской любви не нужно добиваться, сама мать должна иметь веру в жизнь, не быть тревожной, только тогда она сможет передать ребенку ощущение безопасности. Любовь же отца по большей части – обусловленная любовь, ее нужно, и, что важно, можно заслужить достижениями, выполнением обязанностей, соответствием ожиданиям, дисциплиной [252, с. 101].

Исторически сложившись, модели отцовского и материнского поведения стали мощным регулятором поведения мужчин и женщин, а благодаря традиции они передаются из поколения в поколение и воспроизводятся в однотипных поступках [234, с. 12]. Так, отец

традиционно заботился о семье как экономической единице, определял ее политику, брачную стратегию, решал вопросы наследования. Выполнением этой роли и определялся престиж отца (при этом он стоял как бы в стороне от отношений «мать – ребенок») [62, с. 60]. Традиционная обязанность матери, - вести дом и растить детей [212, с. 54]. Кроме этого обычно отмечают разнонаправленность воспитания детей отцом и матерью. Психологи полагают, что отец учит ребенка тому «что», а мать тому «как», отец учит ребенка «быть кем-то», а мать – «кем-то для кого-то» [124, с. 41].

Установлено, что в поведении отца больше рассудочных элементов, повышенного контроля за своими чувствами и эмоциями. Отношения отцов к детям более рациональны, рассудочны, в то время как отношения ребенка и матери, как правило, эмоционально насыщены, проникнуты чувственностью [234, с. 21]. И. С. Кон по этому поводу замечает, что «сравнительная холодность и наличие социальной дистанции во взаимоотношениях ребенка с отцом являются скорее пережитком нравов традиционной патриархальной семьи, в которой к отцу не смели приблизиться, и сам он был обязан держаться на высоте» [148, с. 234].* По мнению Д.С. Акивис, «отцовская любовь измеряется не эмоциональными всплесками, не тем, какие слова он говорит, как прижимает к себе, а мерками мужской заботы о благополучии семьи, о том, чтобы жена и ребенок ни в чем не нуждались» [4, с. 82].

В.М. Лупандин отмечает, что роль отца (в отличие от роли матери) на разных этапах развития ребенка выражается по-разному. Отец, материально обеспечивая мать, тем самым обеспечивает длительность контакта ребенка с матерью. С возрастом его прямое влияние на детей увеличивается. Для детей дошкольного возраста отец имеет огромное значение как объект подражания, на основе которого формируется групповое поведение. В школьном возрасте социальный статус отца важен для чувства уверенности и стабильности у подростка. Таким образом, в соответствии с социальным статусом отца, ребенок знакомится с обществом, а статус матери определяет для него специфику будущей семьи, его собственной роли в ней [221, с. 90].

Таким образом, в функциональном плане отцовство и материнство предстает перед нами в качестве отдельных и различающихся между собой (как по объему прав и обязанностей, так и своими последствиями для ребенка) шаблонов социально значимых действий, которые в качестве социальных институтов, во-первых, гарантируют порождение (или усвоение), содержание и первичную социализацию детей, и, во-вторых, предоставляют мужчинам и женщинам возможность реализовать себя в

* К примеру, в болгарской семье считалось, что отец может ласкать детей, только когда они спят. В другое же время он должен предстать перед ними как человек суровый, требовательный, недоступный, не выдающий своих чувств [4, с. 42].

качестве отца или матери, исполнить тем самым не только генетически заложенную в них биологическую программу, но и социокультурные стандарты, предписывающие мужчинам или женщинам поведение, соответствующее их полу.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что отцовство и материнство много больше, чем реализация биологических различий мужчины и женщины, а поскольку это так, то родителей и детей объединяют не только кровно-родственные узы, но и сложные социально-экономические, нравственные и функциональные зависимости. Именно они диктуют смысл ради чего в ту или иную эпоху родителям нужны дети, а детям – родители. И, как отмечает В.В. Бойко, «при всем кажущемся постоянстве родительских уз они меняются вместе с общественными формациями, этапами развития социальной системы, подвержены влиянию идеологии, распространенных видов деятельности и модных человеческих качеств» [33, с. 33].

Не вызывает сомнения тот факт, что существуют огромные социально-исторические и межкультурные различия в природе и иерархии родительских ценностей, представлениях о том, чего можно и чего нельзя ожидать от детей, и какие средства ведут к достижению желаемой цели. Без учета культурно-символической стороны дела невозможно, по словам И.С. Кона, понять, как объективные потребности социума в определенном уровне рождаемости и воспроизводстве половозрастной структуры населения претворяются в мотивационные силы индивидуального поведения [149, с. 255].

В связи с этим нам представляется необходимым исследовать социокультурную эволюцию родительства как особого типа специфически человеческого поведения.

1. 2. ОТЦОВСТВО И МАТЕРИНСТВО В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ СЕМЬИ

У млекопитающих, в том числе и у человека, участие самца в выращивании потомства и дифференциация отцовской и материнской функции тесно связано с видовыми особенностями, в частности, с длительностью периода роста и созревания и экологическими условиями. Материнство, как правило, предполагает не только зачатие, но и вскармливание, выращивание потомства, а отцовство у многих видов сводится практически только к акту оплодотворения. Вместе с тем, родительские вклады самца и самки следует сравнивать не столько количественно, сколько качественно. У высших животных отец, если он вообще участвует в выращивании потомства, в отличие от матери, осуществляющей физический уход, выхаживание и заботу о детях,

выполняет функцию защиты от внешней опасности, и в большей или меньшей степени, отвечает за жизнеобеспечение [155, с. 463]. У человека также существует выраженное неравенство между двумя полами в отношении минимального вклада, необходимого для продолжения рода. Если наименьший вклад женщины в репродукцию равен девяти месяцам (продолжительность беременности), то минимальное время, необходимое мужчине для продолжения рода, может ограничиться несколькими минутами. Обязательная часть репродуктивной функции мужчины заключается лишь в эякуляции спермы во влагалище фертильной женщины и ни в чем более.

Однако в тех условиях, в которых жили наши далекие предки, женщина должна была потратить намного больше девяти месяцев, чтобы быть уверенной в жизнеспособности своего потомства. Уже в примитивной обстановке для воспитания потомства было характерно хотя бы несколько лет заботы и ухода, а затем – еще больший срок содержания на иждивении [189, с. 152]. Кроме того, из-за длительной зависимости и уязвимости детей у гоминид, выживание потомства подвергалось большому риску, если образовавшийся с матерью пару самец не снабжал их продовольствием [185, с. 173].

Вполне вероятно, что в ходе развития человека из гоминид существовало давление эволюционного отбора в сторону предпочтения тех форм, которые вносили больший вклад в заботу о потомстве. Можно предположить, что уже в переходный к возникновению человека период длительная привязанность ребенка к матери (т. е. матрилинейная социальная связь, которую можно обнаружить уже у шимпанзе) в результате постепенного включения в семью мужчины нашла свое завершение в семейном союзе брачного типа. Такого рода семейно организованный союз родителей и детей сделал возможным просоциальное инвестирование в свое потомство. Это инвестирование, сочетавшееся с тесной и длительной привязанностью к родителям со стороны детей, создало предпосылки для более длительного периода детства и юности, в ходе которого осваиваются способности, отличающие *Homo sapiens* от других видов, - такие, как способности к представлению и мышлению, речевому общению и представлению о времени [258, с.548].

По меньшей мере два обстоятельства способствовали включению предмужчин в материнско-детскую группу.

Во-первых, наши древние предки жили социальными группами. Жизнь в группах выполняет защитную функцию и обеспечивает ресурсами. Однако эти функции первобытное стадо могло выполнять только в условиях относительно бесконфликтного существования внутри группы. Вместе с тем, в первобытном стаде предлюдей существовал промискуитет, т.е. имели место неупорядоченные половые отношения, когда самцы спаривались поочередно с разными самками [189, 220, 264].

Кроме того, число взрослых самцов в стаде превышало число взрослых самок, поэтому значительная часть конфликтов имела своей основой соперничество из-за самок. Пока у самок был эструс, они не могли выбирать время спаривания. Им был безразличен состав и число партнеров. С исчезновением эструса предженщины получили возможность выбирать время спаривания, отвергать домогательства партнеров или уступать им [220, с. 111]. Предмужчины доминировали над предженщинами, последние нередко выступали как простые объекты удовлетворения потребностей первых, поэтому образование пар было не чем иным, как монополизацией самок доминирующими самцами [там же, с. 115].

Другое обстоятельство связано с разделением труда по признаку пола. На протяжении многих тысяч лет люди вели образ жизни охотников и собирателей. Собирательством обычно занимались женщины, находясь поблизости от опорного пункта, а охота была прерогативой мужчин, и могла потребовать передвижения в течение нескольких дней или даже недель [189, с. 173].

Совершенствование деятельности по добыванию пищи имело своим следствием увеличение значения охоты, которая постепенно стала превращаться в основной источник пищи для формирующихся людей.

Развитие охоты неизбежно сопровождалось увеличением зависимости ее результатов от сплоченности первобытной общины. Так как главным источником столкновений были анонимные отношения между полами, то фактором, препятствующим полному уничтожению сообщества предчеловеков, стало введение норм, регулирующих половые отношения и создание устойчивых парных связей [220, с. 119]. Впервые такие нормы возникают с появлением группового брака, представляющего собой союз двух родов, который обеспечивал половые отношения между ними [105, с. 42].

Формой общежития первобытного человеческого сообщества являлась родовая коммуна, включающая, помимо мужской и женской, и детскую группу [220, с. 152]. Заметим, что отношения в такой коммуне еще не были персонифицированы: существовали отношения не «личность – личность», а «группа – группа» [105, с. 42]. Постепенно в условиях группового брака постепенно возникали права и обязанности по обеспечению потомства и воспитанию детей и подростков. Все дети находились в женской группе, и лишь повзрослев, мальчики переходили в группу мужчин. Ведущая роль в таком союзе принадлежала женщинам, впрочем это было связано не с их главенством, а с многофункциональностью их роли в поддержании стабильности группы и ее воспроизводстве [286, с. 87].

Отличительной чертой человеческих сообществ является то, что их жизнь управляется не инстинктами, а адаптивными нормами

жизнедеятельности, которые усваиваются в процессе социализации. В условиях группового брака приобщение потомства к этим нормам осуществляли не кровные родители: функция родительства распространялась на весь род-племя, на старших представителей рода [13, с. 95]. При этом детей поощряли считать себя принадлежащим к группе как целому. В таких условиях, по мнению И.С. Кона, «исключительно индивидуальная привязанность между ребенком и его физическими родителями ... не может возникнуть и поддерживаться» [149, с. 253]. Потребовалась длительная эволюция для выделения и детализации социальных ролей матери и отца, других родственных уз. Хотя уже в первобытных обществах отношения между взрослыми его членами и детьми представляли собой достаточно сложную и весьма устойчивую систему, и, не смотря на всю их зависимость от внешних регуляторов, они были точно «подогнаны» к условиям жизни тех или иных первобытных населений [48, с. 54].

Следует обратить внимание на то, что в примитивных человеческих обществах особым образом проходил переход юношей в мужскую психологическую группу. «Во всяком случае, он проходил сложнее и болезненней, чем переход девушек в группу взрослых, если учитывать структуру психологической близости мужской, женской и детской группы» [105, с. 42]. По мнению М. Мид, это было связано с тем, что требовались особые социальные усилия, чтобы мужчина выполнял обязанность кормить семью и детей, поскольку у этой социальной обязанности нет биологического механизма, между тем как материнская обязанность к ребенку природная. Поэтому каждое поколение молодых мужчин должно было учиться родительскому поведению: их биологическая роль дополняется социальной, выученной родительской ролью [171, с. 321].

Несколько позднее сложилась пуналуальная семья - групповой брак, охватывающий братьев с их женами или группу сестер с их мужьями; затем сформировался полигамный брак: многоженство, многомужество. Следующим этапом развития брачно-семейных отношений явился моногамный брак, однако для возникновения семьи было необходимо наличие экономики и собственности, отношений власти и подчинения, укорененных в сложно-иерархической социальной структуре [13, с. 97].

Значение экономики как главного фактора, определяющего изменение форм брака и семьи, наиболее ярко проявляется при переходе от полигамии к единобрачию [255, с. 86].

С возникновением частной собственности и меновой торговли постепенно на первый план выдвигается мужчина. Если в парной семье и мужчина, и женщина участвовали по мере своих сил в создании материальных и бытовых благ, то теперь постепенно женщина утрачивает свое положение, и мужчина захватывает бразды правления в свои руки.

Задача женщины сводится к рождению детей, которые будут наследовать имущество отца [264, с. 51].

Ф. Энгельс высказал предположение, что моногамная семья «основывается на господстве мужа с определенно выраженной целью рождасть детей, происхождение которых от определенного отца не подлежит сомнению, эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети со временем в качестве прямых наследников должны вступить во владение отцовским имуществом» [169, с. 65]. Следовательно, возникновение моногамной семьи было прямым последствием возникновения частной собственности: ведь материнство всегда достоверно известно, а отцовство – нет. Единственный «надежный» способ для мужчины получить в наследники своего собственного ребенка – жестко контролировать и ограничивать женщину [264, с. 51]. И хотя подчиненной стороной в собственническом моногамном браке является женщина, - мужчина соединен с ней как супруг, но противостоит ей как господин [255, с. 87], - однако патриархат, по своей психологической сути «выражает не власть мужа, а власть отца, поскольку связан с наследственным правом» [264, с. 52].

Таким образом, решающую роль в победе семьи сыграла возможность расширения сферы личной собственности в условиях производящей экономики и превращения семьи в самообеспечивающуюся хозяйственную единицу, возникновения наследуемого имущественного неравенства, эксплуатации человека человеком, неизвестных родовому строю. Однако семьей, в современном смысле этого слова, она стала только тогда, когда объединила в себе все этапы воспроизводства поколений от зачатия до смерти [48, с. 67-58].

При рабовладельческом строе семья включала в себя не только парную семью с домочадцами, но и рабов, и имущество, домашних животных. Являясь полифункциональной (при этом ядром широкого круга выполняемых ею функций все же было воспроизводство населения), она была чуть ли не единственной формой бытия личности: производство, обучение, отдых – все совершалось в семье. Даже физическое выживание зависело от принадлежности к семейному клану, так что весь строй жизни определял ориентацию личности на семью, ибо только она обеспечивала индивидуальное благополучие [13, с. 98].

Возникновение городской цивилизации, развитие навыков письма и чтения привели к появлению (сначала в Вавилоне и Египте) письменных законов о браке. Письменные памятники свидетельствуют о том, что уже в те времена он носил экономический характер; романтические отношения, хотя и играли в браках определенную роль, все же в первую очередь учитывались финансовые соображения [264, с. 54]. В Древнем Израиле мужчина в семье нередко был деспотом, но женщина имела огромное влияние на воспитание ребенка, она полностью посвящала себя семье.

Дети считались благословением, а сознательный отказ от деторождения приравнивался к преступлению [160, с. 209].

Отказ от паритета во взаимоотношениях мужа и жены происходил постепенно: если сначала брак имел открытый характер, а женщина обладала определенными правами и свободами, то уже в Афинах классического периода жена считалась юридически и финансово зависимой от мужа. В ее обязанности входил уход за детьми и поддержание «в чистоте» семейного рода. Муж имел право убить жену, если она ему изменила. Значение женщины принижалось, а супружеская любовь нередко предавалась осмеянию [103, с.34]. В греческой системе воспитания мать должна была следить за младенцами и воспитывать девочек, а мальчика с 7 лет забирали из-под ее опеки. Отец мало внимания уделял сыновьям, вместо этого он отправлял их на воспитание к другому мужчине, отношения к которому у мальчика были более близкими, чем с родителями [239, с. 375]

Согласно законам древнего Рима, женщина, соединяясь с мужчиной узами законного брака, становилась частью его имущества. Мужья обладали над ней всей полнотой власти, и им предписывалось управлять своими женами как необходимым своим имуществом. Женам же полагалось полностью приспособляться к характеру своих супругов. Законы Рима гласили, что брак существует исключительно ради деторождения, при этом все дети, рожденные в браке, составляли собственность отца. В республиканском Риме отец семьи (*pater familias*) по-настоящему считался воспитателем ребенка лишь с семилетнего возраста, тогда как в раннем детстве все заботы о ребенке ложились на плечи матери [160, с. 209].

В.Н. Дружинин предположил, что модель семьи, принятая в обществе, определяется типом религии в нем господствующей: язычество или христианство. Согласно его модели отношения «родители – дети» в дохристианской (языческой) семье выглядели следующим образом: родители (отец и мать), хотя и находились в различных между собой отношениях,^{*} они, как целое, все же противостояли детям, а дети – всегда находились у них в подчинении [105, с. 52-53]. Причем отношения «дети – родители» в дохристианской культуре напоминали отношения «раб – господин» [102, с. 36].

Долгое время убийства детей родителями считались нормой, но уже на исходе язычества детоубийства осознаются как недопустимо грубые, варварские. Хотя практика их еще продолжалась, однако, они уже не носили массовый характер, как во времена варварства, и рассматривались скорее как социальная девиация, чем как норма [48, с. 58].

* Доминирования – подчинения или отрицания – конфликта. В первом случае были возможны патриархальный и матриархальный варианты, а во втором случае имело место равенство, но как результат противоречия разных сущностей, их борьбы.

Христианство радикально изменило многие законы о браке, доставшиеся ему в «наследство» от языческого Рима. Оно рассматривало человека как образ и подобие Божие, обладающего неотчуждаемым достоинством богосыновства в силу самой своей принадлежности к человеческому роду. Такой взгляд распространялся и на личность ребенка. В связи с этим, за детьми закрепляются определенные права, которые становились священными и в глазах отца. Возникает другое начало в отношениях родителей и детей, - на первый план выдвигается их охрана и защита. Ко времени Юстиниана относится постановление, в силу которого дети отца, который забывает свои обязанности или принимает дисциплинарные меры не в интересах детей, могут быть эмансипированы против воли родителей. Это постановление исходит из убеждения в том, что ребенка необходимо воспитывать, и именно этим утверждает отцовскую власть над ним. Причем власть эта может быть оправдана только в пределах неопытности и незащитности ребенка [132, с. 82].

В период Средневековья происходит постепенная либерализация брака: становятся возможными браки, основанные на добровольной основе. Однако на женщину все еще продолжали смотреть, следуя Аристотелю, как на испорченный вариант мужчины, но уже не как на вещь, в связи с чем детей воспитывают в большем почтении к отцу, чем к матери [103]. Зависимость детей от родителей продолжает носить жесткий характер, в родительском доме они всего лишь послушные и верные вассалы [268, с. 297]. Это, впрочем, не означает, что «человеку прошлого были чужды какие-либо чувства к детям, но эмоциональная сторона отношений родителей к детям не была развита» [48, с. 190]. Дело в том, что семья в доиндустриальном обществе не была автономной структурой, а включалась в более широкие социальные структуры, - родовые, общинные, цеховые. Она была более институтом производства, чем воспроизводства. По мнению М.Р. Рабжаевой, «социализация детей не только не была основной функцией семьи, но зачастую не являлась семейной функцией» [205, с. 167]. При этом поведение человека было «жестко запрограммировано и ориентировано не на конечный результат, а непосредственно на определенный образ действия, который был для него одновременно и целью, и средством» [48, с. 172].

Дальнейшая эволюция семьи была связана со становлением капитализма, развитие которого не только породило относительную доступность материальных и духовных благ, но и принесло с собой невиданную ранее дифференциацию человеческой деятельности, что, в свою очередь, вело к непрерывному возникновению и развитию разнообразных потребностей. Был создан мир, в котором каждому поступку должен был предшествовать выбор одной из многих, зачастую конкурировавших между собой возможностей. Все это способствовало тому, что поведение, в основе которого лежит непреложное следование

традиционному образцу, вытесняется поведением, в основе которого лежит рациональная мотивация каждого поступка [48, с. 64].

Постепенно семья утрачивает свою ведущую роль в качестве основной производственной ячейки общества, а «индустриализация и промышленное производство, втягивает всех членов семьи из лоно семейного производства в сферу наемного труда» [13, с. 99].

При капитализме (особенно на ранних этапах его развития) все еще сохраняется «потребность в неравноправном и подчиненном положении женщины как гарантии прочности и неизменности собственнической семьи» [168, с. 168]. Это было связано с тем, что сохранялась зависимость наследственного права с деторождением. Поэтому строгое соблюдение замужней женщиной сексуальной верности мужу и добрачное целомудрие девушки рассматривалось как условие отцовского попечения над ее детьми и как условие законного закрепления брака. Такая идеология сексуального контроля мужчины над женщиной являлась выражением экономических интересов, господствующих в обществе мужчин [207, с. 68].

С XVII и особенно в XVIII веке усилился индивидуализм, что привело к нуклеаризации семьи, которая представляла теперь ячейку, состоящую из мужа и жены и находящихся на их иждивении детей. В основу браков все чаще полагалась романтическая любовь, а отношения между супругами и детьми стали теснее, с оттенком домашней уединенности [59, 103, 105, 117, 240, 241, 264, 293]. В обществе укрепляются представления о женщинах как «естественно опекающих» и о мужчинах как о «кормильцах» [240, с. 181]. Капитализм, нуждаясь в дешевой рабочей силе, все энергичнее вовлекал женщин в производство, тем самым закладывая основы их экономической независимости [255, с. 94]. Постепенно дети перестают играть свою экономическую роль, утрачивают смысл в качестве рабочей силы и трудовых ресурсов для семьи [13, с. 99]. Удлиняется период их социализации. Детство и подростковость окончательно закрепляются как социальные феномены [18, с. 409]. Увеличиваются экономические затраты родителей на детей, они все чаще рассматриваются как «финансовые обязательства» - в противоположность «экономическому активу», который они представляли в обществах, где использовался детский труд. Изменяется их статус внутри семьи, и если раньше они были собственностью отца, то постепенно на них стали смотреть как на иждивенцев, нуждающихся в заботе и защите [240, с. 164].

Новая этика и новый эмоциональный строй отношений родителей и детей были одним из итогов многообразных процессов, преобразовавших европейское общество по мере того, как оно все дальше уходило от средневековья. Если раньше родительские чувства не воспринимались как добродетель, а их проявление зачастую считалось неприемлемым, то теперь развивается детоцентрическая ориентация семьи и общества,

выдвигающая на первый план ответственность родителей за судьбу детей и это становится частью этического кодекса [48, с. 194].

Для России, как и для Европейского Запада, языческая семья явилась исторически первой формой брачно-семейных отношений.

По мнению В.Я. Стоюнина, древнерусская языческая семья не составляла отдельной, независимой единицы. «Она была частью целого рода, который состоял из многих семей, тесно связанных между собой общностью происхождения от одного предка. Главой семьи был, как правило, старший мужчина, он же представлял интересы своих домочадцев перед внешним семье миром, т. е. родом. Род умерял неограниченную власть отца над семьей. У каждой семьи кроме своих семейных интересов был еще интерес жизни общей, родовой, потому что каждый имел значение не сам по себе, как личность, а по своему роду. Кто не хотел подчиниться общим требованиям, тот должен был оставить свой род, - он извергался из его среды и ни к какому роду не мог пристать, потому что везде оказывали честь чужому человеку только по его роду. Таким образом, каждая семья была в зависимости от своего рода, каждый член семьи воспитывался в уважении к роду, который составлял одну общину по отношению к той земле, какой владел» [232, с. 26].

По мнению В.Г. Иваницкого, разделение между мужскими и женскими функциями в древнерусской семье происходило не по ролям, а территориально. Мужчина отвечал за внешнее природное и социальное пространство, а женщина доминировала во внутреннем пространстве, в доме и семье. Власть мужчины в семье как мужа и отца ограничивалась еще и тем, что фактическое руководство семьей принадлежало большухе, - наиболее трудоспособной и опытной женщине, обычно жене отца или старшего сына, ей подчинялись все младшие мужчины семьи [120, с. 162]. При этом одно поколение противостояло другому и боролось с ним [105, с. 54].

Большинство исследователей полагают, что развитие брачно-семейных отношений на Руси происходило от больших семей, в VI – VIII вв., к экономически и юридически самостоятельным малым семьям в XI – XII вв. [266, с. 218]. По всей видимости, уже к XII – XIII вв. начинается вытеснение большесемейных отношений. Исследователи говорят о появлении семьи малого типа как среди княжеских и боярских семей, так и среди свободных общинников и полузависимых крестьян [204, с. 86].

Как и на Западе, структура индивидуальной семьи, ее внутренняя организация в эпоху средневековья складывалась под воздействием развивающегося христианства, а генезис супружеских и детско-родительских отношений в семье регулировался нормами христианской морали [219, 267].

Основу православной церковной концепции семьи составлял тезис о святости супружества. Однако брак рассматривался как непреодолимое и

неизбежное зло, а целомудрие преподавалось как путь ко спасению души. В связи с чем в теологическую концепцию семьи постепенно проникала идея аскезы, как идеала супружеских отношений [247, с. 66]. Церковь не только внедряла в повседневную жизнь венчанное единобрачие и постепенный отказ от практики разводов [213, с. 200], она пыталась ограничивать генитальные контакты между супругами [204, с. 88].

Принятие христианства привело к установлению патриархата, - господства мужчины в семье, когда отец семейства становился властителем своей жены и детей [232, с. 26]. Власть мужа над женой и детьми представлялась как идеал. Женщина в супружеской чете должна была быть покорной, тихой, безмолвной [204, с. 87].

Хотя процесс христианизации Руси был долгим и болезненным, в городах он завершился уже к началу XVI века. Это нашло свое отражение в московском памятнике семейно-бытовой мысли «Домострое» [104]. Его автор - Сильвестр* - представляя семью, оперирует понятием «дом», как неким единым хозяйственным и психологическим целым, члены которого, хотя и находятся в отношениях господства-подчинения, но равно необходимы для нормальной жизни домашнего организма. Обязанность главы дома – забота о благосостоянии дома и воспитании, в том числе и духовном, его членов. Жена обязана сама заниматься рукодельем и знать всю домашнюю работу с тем, чтобы учить и контролировать слуг. Кроме этого она занимается воспитанием и обучением дочерей (воспитание и обучение сыновей – обязанность отца). Хотя отец семейства является «господином дома», все решения, связанные с «домовым строением», муж и жена принимают совместно, причем семейные проблемы они должны обсуждать ежедневно и наедине. При всем этом жене рекомендуется «мужу уноровить», т. е. поступать сообразно с его желаниями и представлениями.

Согласно Сильвестру, дети – дар Божий, которых надо любить. Любовь к детям автор рассматривает как вполне естественное чувство. Вместе с тем, по своему положению в семье они ближе к слугам, чем к родителям. Главная обязанность детей «угождать родителям своим во всяком добром замысле» [104, с. 88]. Основа отцовского воспитания – страх Божий, а лучшими воспитательными средствами признаются запреты: «воспитывай детей в запретах и найдешь в них покой и благословение» [там же, с. 86]. Отношения родителей с детьми должны быть умеренно жесткими, но равными: «в малом послабишь – в большем пострадаешь, скорбя» [там же]. Детей, в случае их грубых провинностей*, предписывалось наказывать физически: «не жалея, младенца бия: если железом накажешь его, не умрет, но здоровее будет» [там же]. Вместе с тем, бить предписывалось только за большую вину, наедине и притом

* Он был современником Ивана Грозного и умер в 1566 году.

* Сквернословие, срамословие, ярость, гнев, злопамятство.

«примолвить» и «пожалеть». Жена в Домострое является регулятором эмоциональных отношений в семье: ей отводится роль «заступницы» за детей перед строгим «государем».

Уже к концу XVII в. внимательные, доверительные и уважительные отношения между родителями и их «чадами» считаются нормой, что характеризует зачатки нарождающегося в России индивидуализма и гуманизма [268, с. 331]. С первой половины XVIII в. и вплоть до начала XX в. формы семейной жизни во всех сословных группах постепенно менялись. Сначала дворянство, а затем и мещане прошли путь от составной сложной семьи к малой (нуклеарной) семье, так что к концу XIX в. малая семья в России стала основной и единственной формой массовой организации семейной жизни в городе [205, с. 167].

С середины XIX в. в России происходят интенсивные и глубокие изменения общественной жизни, которые отразились и на жизни семейной, прежде всего, в городах. Теперь отцам приходится больше работать и меньше времени проводить в семье. Детей стали отдавать в школу; они меньше времени стали проводить с родителями и в большей степени подвергаться внешним воздействиям. Все это приводит к тому, что от внимания родителей ускользает период перехода их в юношеский возраст. Постепенно возрастает внесемейная активность женщин. У каждого из членов семьи «появляются свои интересы, свое общество, свои избранники и друзья, все труднее становится собрать всю семью за общим столом» [188, с. 145]. Уже в те времена власть отца была значительно ограничена общественным мнением, однако юридически он продолжает оставаться главой и распорядителем семьи, хотя ввиду служебной занятости все меньше является ее руководителем; кроме того, он фактически был отлучен от детей, так что женщина становится центром семьи: «тон семейной жизни, ее уклад определяется женщинами» [132, с. 84]. Вместе с тем ее положение в семье, с правовой точки зрения, продолжало оставаться недостаточно ясным, что, по мнению П.Ф. Каптерева, препятствовало установлению правильных отношений с детьми. Общественное мнение рассматривало отца как представителя закона, авторитета и строгости, а матери – нежности, снисходительности и любви: «поэтому симпатия детей на стороне матери, а боязливость и недоверие нередки в отношениях к отцу» [там же, с. 99].

Если городская семья трансформировалась в соответствии с устоявшимися к тому времени европейскими культурными стандартами, то крестьянская семья, по образному выражению Б.Н. Миронова, длительное время была как бы «законсервирована» [174, с. 226]. Исследователи, анализируя ее историческое развитие, пришли к выводу о том, что в течение XVII – начале XX в. крестьянская семья не претерпела существенных изменений. [158, 173, 205] Незначительные перемены затронули лишь некоторые губернии с развитым отходничеством, которые

лежали вблизи столиц и крупных городов и были связаны с ними тесными экономическими, торговыми и культурными отношениями [173, с. 101].

Дело в том, что русская крестьянская семья жила в рамках и под опекой крестьянской общины (мира), которая, представляя собой малую социальную группу, имела сравнительно большую численность. По мнению Б.Н. Миронова, к важным особенностям общины следует отнести громадную роль общественного мнения и эффективную систему неофициального социального контроля, поглощенность личности общиной, принудительность и жесткая регламентация его хозяйственной и прочей жизни – все это в совокупности служило главным регулятором поведения крестьян [там же, с. 220].

Крестьянская семья была как бы «слепком» с общины: преобладала большая отцовская семья, включающая три поколения. Она была не только родственным, но, что не менее важно, хозяйственным союзом, основанным на разделении труда по половозрастному признаку. В этом союзе главе семьи принадлежало доминирующее положение. Внутрисемейные отношения основывались на принципах иерархизма и неравенства: все принижены перед главой семьи, женщины – перед мужчинами, младшие – перед старшими, дети – перед взрослыми. В семье господствовал принудительный коллективизм и централизм, общие интересы семьи, в понимании их главой семьи, а индивидуальные интересы отдельных членов семьи в расчет не принимались. Женщина не имела голоса в семье и должна была беспрекословно слушаться своего мужа, он же относился к ней как работнице [там же, с. 216]. Насилие признавалось совершенно нормальной и главной формой воздействия. Физически наказывались дети, особенно часто маленькие; но розга не обходила вниманием и взрослых детей. Страдали от побоев и женщины. В крестьянских семьях отношения между родителями и детьми были, как правило, авторитарные [там же, с. 231]. В крестьянском мировоззрении отсутствовал пункт об ответственности родителей перед детьми, зато ответственность детей перед родителями существует в преувеличенном виде [там же, с. 215]. Отношения между поколениями в традиционной русской общине характеризовались довольно сильной напряженностью, иногда переходящей в открытый конфликт [39, с. 170].

Впрочем, такой взгляд на отношения детей и родителей в традиционной крестьянской семье разделяют не все исследователи. Так Н.А. Миненко полагает, что его следует признать тенденциозным, и замечает: «без взаимной доброты и привязанности невозможен был бы плодотворный труд, воспроизводство полноценного потомства, накопление и передача от поколения к поколению трудовых и культурных традиций» [172, с. 138]. Автор обращает внимание на то, что в крестьянской среде существовало, уходящее своими корнями в глубокую древность, требование народной этики – родителям содержать,

воспитывать и довольствоваться своих детей: «Даже находясь в “совершенном” возрасте дети, по народным воззрениям, имели право на материальную поддержку со стороны родителей» [там же, с. 139].

Уважение к старшим по возрасту – к родителям, дедам и прадедам, к старшим в общине – было тем фундаментом, на котором строилось воспитание в крестьянской семье [172, 173, 174, 205]. Воспитательные функции семьи сводились, прежде всего, к привитию детям трудовых навыков. Уже с восьми лет, а иногда и раньше, на ребенка возлагались хозяйственные заботы: «мальчику поручаются хозяйственные работы вне дома, девочке – в доме. Ее рано усаживают дома прясть, ткать, вязать чулки, исполнять кухонные работы, ухаживать на дворе за скотиной, часто ухаживать за маленькими братьями и сестрами» [127, с. 57]. Помимо этого, отцом и матерью решалась задача воспитания в ребенке определенных нравственных качеств – в основном силой собственного примера [172, с. 139]. Здесь следует заметить, что уже к концу XVIII и особенно в XIX веке в крестьянской среде заметно ослабевает авторитет старших [65, с. 143].

Только к концу XIX в России формируется «пролетарский» тип семьи. Хотя ряд авторов [21, 110] полагают, что она представляла собой высший демократический тип семьи в дореволюционной России, однако воспитание детей в семьях рабочих вызывало особую тревогу уже у современников. В таких семьях отец и мать ежедневно покидают своих детей, оставляя их на время фабричной работы попечением отдаленных родственников, а нередко и без всякого попечения. Нередко родители-рабочие оставляли своих детей не только без образования, но и без воспитания: многие дети были безнадзорны. Жилищная скученность, бедность, усугубляющаяся пьянством, оставляли мало возможностей для стабильной и счастливой жизни. Положение усугублялось еще и тем, что многие женщины-работницы были вынуждены прирабатывать проституцией [146, с.169]. По этому поводу А.Ф. Кони заметил, что с городом связаны и «преждевременное половое развитие отроков и искусственно вызываемый им разврат юношей, под влиянием дурных примеров товарищей, своеобразного молодечества и широко развитой проституции, а также вредные развлечения, по большей части недоступные сельской жизни» [152, с. 465].

Уже к концу XIX века сложилась ситуация, которую П.Ф. Каптерев обозначил как «кризис российской семьи», проявившийся в том, что «исчезают ранние браки, они становятся все более и более поздними. Кроме того, в обществе крепнет убеждение в необходимости легализации разводов, звучат мнения в ненужности семьи» [130, с. 209]. Сходные тенденции были обнаружены и Р. Зидером в состоянии западноевропейской семьи на пороге XX века [117, с. 206].

Институт семьи в развитых странах Западной и Восточной Европы (включая страны бывшего СССР) и США, особенно после окончания

второй мировой войны, претерпел значительные метаморфозы: возникли новые семейные структуры, перераспределились акценты в выполнении социальных и индивидуально-личностных функций, уменьшились позиции в отношении числа детей, изменились тенденции таких брачно-семейных отношений, как моногамия. Произошла смена концепций семейной жизни с традиционной на модернистскую; все это - на фоне ускоряющегося промышленного развития и урбанизации [13, 28, 57, 59, 66, 129, 195, 257, 259].

Согласно традиционной концепции семейной жизни, женщина является той стороной, которая несет главную ответственность за воспитание детей и уход за ними, по крайней мере, до того времени, как они начинают учиться в школе. В соответствии с этой концепцией считается, что, сколько бы времени отец ни проводил с детьми, это имеет второстепенное значение по сравнению с тем, сколько женщина проводит на работе и, следовательно, вне дома. Отсюда следует, что отец может работать, а мать – нет, исключением может быть занятость женщины неполный день; она должна оставить профессиональную деятельность, если этого потребует семья [208, с. 188]. Эта четкая схема устойчивых стереотипов стала стремительно трансформироваться, особенно с конца 40-х и начала 50-х годов прошлого века. Свершившимся фактом можно считать предоставление женщинам доступа к образованию на равной основе с мужчинами. Кроме того, в развитых странах появилось множество профессий в равной степени доступных и мужчинам, и женщинам. Все это привело к изменению числа работающих женщин, причем сроки их трудовой деятельности в рамках общего периода их семейной жизни на всех ее этапах увеличились. Об этом свидетельствует ряд как зарубежных, так и отечественных исследований [36, 117, 167, 136, 155, 156, 278, 281, 293]. В условиях развитой профессиональной ориентации женщин, с повышением для них внесемейных ценностей, потребность в материнстве в известной мере деградирует [234, с. 84]. Это проявилось в массовой малодетности и одноплодности современной семьи, Отказ от рождения большого числа детей в браке затронул все индустриально развитые страны, хотя в системе ценностей современной женщины семья и работа связаны [177]. Это не значит, что здесь не обходится без определенных противоречий; они проявляются в том, что работа женщин все же отрицательно сказывается на их воспитательных функциях – современная женщина, меньше, чем ее предшественница в XIX веке, проводит с детьми: обычной практикой стала передача детей раннего возраста на попечение дошкольных учреждений для того, чтобы женщина имела возможность вернуться на работу [155, 281, 293].

Данные исследований позволяют сделать вывод о том, что все большее число женщин намеренно продолжают работать, несмотря на брак и материнство. Однако, если в 20 – 30-е или в 50-е годы работающая

женщина была четко ориентирована на семью, то в 70 – 80-е годы на передний план все очевиднее выходят личные мотивы: женщины заявляют, что своей работой хотят обеспечить собственный доход, относительную независимость от мужа, расширить свои социальные контакты [117, с. 245]. Вместе с тем, в семье все еще продолжает сохраняться традиционное разделение труда (причем это не зависит от того, работает женщина, или – нет). Жена, как правило, занята приготовлением еды, ежедневным обслуживанием детей, организацией семейных торжеств и заботой о престарелых членах семьи. Типичный мужчина все еще чувствует себя главным добытчиком в семье, ответственным за внешнюю сферу ее деятельности. В доме он занимается необходимым ремонтом или заботится об автомобиле или домашней бытовой технике [167, 195, 293].

Современная женщина уже не может быть только «добродетельной матерью и верной супругой». Ее самоуважение имеет кроме материнства много других оснований – профессиональные достижения, социальную независимость, самостоятельно достигнутое социальное положение. Однако это не отменяет ценность материнской любви: женщины все же продолжают нести большую часть нагрузки по уходу и воспитанию детей. И хотя современные отцы проводят со своими детьми несколько меньше времени, чем матери (при этом, лишь незначительная его часть расходуется на уход за ними), они, в этом отношении, не только не уступают прежним поколениям, но даже превосходят их. [149, с. 273]. Вместе с тем, проблема детской и подростковой безнадзорности стоит весьма остро: даже в полных семьях оба родителя обычно целый день на работе, а это значит, что подростки предоставлены сами себе в период после школы и до прихода родителей с работы [155, с. 612].

Взросшая профессиональная занятость женщин, а с ней – и возросшая их экономическая самостоятельность – выступают, по мнению А.Г. Харчева и З.А. Янковой, в качестве главных факторов, от которых зависит преобразование семьи [256, с. 8]. Современная семья отходит от функционирования в качестве эффективно действующего социального института с жесткими нормами и четко заданными образцами поведения и превращается в общность, где доминирующее значение имеют признаки социально-психологической группы [256, с. 109]. Повышаются требования к выполнению семьей ее социально-психологических функций, таких как поддержание в своих членах чувства защищенности и безопасности, возможности самоутверждения и личностного роста, то есть интимность становится востребованным элементом современной семьи [116, с. 85]. Для значительной части вступающих в брак основным мотивом становится мотив любви в сочетании с другими эмоциональными чувствами, а это, наряду с положительными, имеет и негативные последствия. В массовом сознании устанавливается твердая связь между любовью и браком, при

этом зачастую прекращение любви рассматривается как повод для прекращения брака [243, с. 134]. Гедонистическое отношение к браку значительно снижает социальный контроль не только на стадии формирования семьи, но и на всех этапах ее развития. В связи с этим постоянно увеличивается число разводов, главным мотивом которых является «прекращение любви». Таким образом, если для традиционной семьи был вполне обычен стабильный брак при полной неудовлетворенности супругами своими отношениями, то в современной семье подобная неудовлетворенность может привести к разрыву отношений даже при наличии детей [255, с. 86].

Кроме того, урбанизация и связанные с ней массовые миграции населения, вызванные промышленным развитием, привели к ослаблению социального контроля над личностью со стороны семьи, соседей и других стабильных социальных групп. Произошло принятие женщинами сексуальных норм (ранее свойственных только мужчинам), разрешающих добрачную половую жизнь. Что, несомненно, стало одним из главных факторов увеличения внебрачной рождаемости. «Декриминализация» внебрачной рождаемости (когда дети, рожденные вне брака, приравниваются в правах с детьми, рожденными в браке) и заключение брачных союзов на основе индивидуальной любви привели к тому, что все больше браков заключаются по правилам «временной моногамии». Все это привело к тому, что развитие семьи в последние десятилетия выявляет наглядные признаки ее небрачности, при этом все большее число детей растет вне семейного круга [37, с. 200].

Трансформация семьи привела и к изменению характера детско-родительских отношений: на протяжении прошедшего века они претерпели значительные метаморфозы. Так, если в руководствах по воспитанию детей, опубликованных в начале прошедшего столетия, родителям советовали не вступать в излишне теплые отношения со своими детьми – на том основании, что это может ослабить их родительский авторитет, – то позднее получил развитие взгляд, согласно которому родители должны поддерживать тесные эмоциональные связи с детьми, в то же время предоставляя им определенную автономию [57, с. 116]. И, если в течение 50-х и в начале 60-х годов педагоги призывали родителей воздерживаться от применения строгих, подавляющих волю детей, дисциплинарных мер, то в литературе 70-х и 80-х годов, напротив, указывалось на то, что детям необходим определенный внешний социальный контроль, последовательность и твердость требований родителей. В 90-е годы сохранилась тенденция к более жесткому родительскому контролю [155, с. 445]. По словам Дж. Масиониса, за последние сто лет ребенок из источника дохода (от себя добавим – объекта любви и заботы), превратился в «платежное обязательство» [167, с. 593]. При всем этом состояние детско-родительских отношений позволяет

говорить о явно обнаруживающихся тенденциях, враждебных детоцентризму [149, с. 273].

Развитие детско-родительских отношений в XX веке принесло с собой не только переориентацию на более гуманные способы подчинения и управления детьми, но привело к появлению феномена влияния детей на родителей [155, с. 32], - детско-родительские отношения перестали быть «улицей с односторонним движением» [252, с. 34].

Развитие семьи в СССР, кроме общих с европейским Западом и США, имело и свои черты, которые связаны, прежде всего, с особенностями исторического развития страны в последние сто лет. Так, главная из них, по мнению А.И. Антонова, заключается в том, что система наемного труда с внеэкономическим принуждением к труду, сопровождаемая социальным однообразием жизни и тотальным отчуждением личности, явилась в самой общей форме главным барьером к участию людей в процессах социальной активности, в том числе и в семейной сфере жизни. В личных потребностях все меньше присутствовало общественного интереса, человек привыкал «халтурить», что явилось реакцией на неподлинность существования, отчужденность от ценностей, навязываемых обществом. Привыкая «халтурить», человек втягивал в процесс отчуждаемого восприятия и подлинные ценности, такие, как ценность существования человеческого рода, к которым отчужденный человек стал относиться не как к своим собственным, а словно к навязанным извне. И результат этой трансформации ценностей не замедлил сказаться: «массовая малодетность семей – вот ее итог» [11, с. 18].

По мнению В.Н. Дружинина, семья как независимый агент социализации, не вписывалась в тоталитарную систему. За социализацию детей в традиционной семье отвечает, как правило, отец. Вся политика советской власти была направлена на то, чтобы свести роль отца к нулю, а всю ответственность за воспитание детей переложить на «общество». Однако общество не справлялось с этой задачей. Весь груз ответственности за семью и детей лег на плечи матери. Кроме того, в современной семье «женщина хочет безраздельно и полностью доминировать, а мужчина не в состоянии обеспечить ее, и, соответственно, быть образцом для подражания» [105, с. 105].

Широкое вовлечение женщин в общественное производство не могло не сказаться на воспитании детей. Так, в 60-е годы в СССР произошел массовый переход к малодетной семье, а в 70-е годы малодетность стала обычным явлением. Кроме того, в результате появления новых, более сложных потребностей происходит своеобразное «выталкивание» одних жизненных ценностей другими. В частности, брак и супружество, как жизненные ценности, испытали серьезное давление со стороны таких ценностей, как карьера, образование, престижные виды отдыха или место жительства [236, с. 15]. Среди различных мотивов в решении рождения

первенца значительное место занимают психологические факторы: подражание, стремление выглядеть «как все», неудобство перед близкими людьми и родственниками, страх перед абортом и «перспективой» бесплодия [234, с. 133].

Так же, как и на Западе, превращение внедомашнего оплачиваемого труда женщин из вынужденной необходимости в массовое общественно одобряемое явление привело к отмиранию «традиционных» внутрисемейных отношений. Исследования 70-х – 80-х годов фиксируют устойчивую тенденцию к изменению структуры семейной власти от традиционной к эгалитарной и, в связи с этим, изменение ролей мужа и жены в семье [13, 57, 117, 149, 255, 259, 281, 293]. Вместе с тем, распределение домашней работы между супругами по-прежнему происходит на традиционной основе, объективная тенденция такова, что распределение семейной нагрузки между мужем и женой становится более равномерным, хотя основная часть ее все же продолжает оставаться на плечах женщины [236, с. 86]. Среди определенной части мужчин появляется «эксплуататорский» подход к организации семейной жизни. Он находит свое выражение в том, что женам дается право на равное с мужем участие в общественном труде наряду с исключительным «правом» на домашний труд [16, с. 58].

В связи с этим, обратим внимание на факт, отмеченный в исследованиях О.В. Митиной и соавторов: женщинам хотелось бы, чтобы мужчина в доме выполнял мужскую работу, однако мужчины видят свою роль в домашнем хозяйстве, скорее, в качестве помощника женщины, выполняющего ее поручения [176, с. 174].

Вопреки традиционной культуре, согласно которой финансовая политика семьи связана с мужчиной, сложилась совершенно иная практика. Женщина не только тратит выделенные средства на личные и семейные нужды, но планирует бюджет, определяет семейную финансовую стратегию, в то время как мужчины являются добытчиками денег. В постсоветской семье складывается парадоксальная ситуация, когда главный добытчик семьи не контролирует ее финансовую ситуацию: доходы мужчины становятся доходами семьи, а со стороны женщины устанавливается неусыпный контроль над рациональным использованием средств [140]. Иначе говоря, распоряжается и контролирует средства не тот, кто зарабатывает, а тот, кто имеет доступ к непосредственному их использованию, обеспечивая себе более выгодные условия по сравнению с зарабатывающим. Это приводит к тому, что мать доминирует и в семье, и в домашнем хозяйстве и в целом несет основную ответственность за семью [10, с. 97].

Заметим, что рост ответственности женщин за все стороны семейной жизни способствовал еще большему повышению ее роли как воспитателя детей в семье. В этой связи мужчина не только лишился абсолютного

главенства в семье, но и в какой-то мере утратил свой отцовский авторитет и влияние [62, 105, 129, 149, 153, 165, 174, 222, 230, 231, 236, 257, 279]. Как правило, матери помогают детям делать уроки, следят за их посещением школы и внешкольным поведением, представляют интересы ребенка в школе, посещают родительские собрания; обычно матери выступают «экспертами» при выборе профессии, причем в большей степени для девушек, чем для юношей. Юноши же предпочитают советоваться с друзьями, и очень редко – с отцами [14].

Т.С. Лыткиной было установлено, что, несмотря на практически единодушное, отражающие нормы традиционного уклада, мнение жен и мужей о том, что воспитывать детей должны оба родителя, в повседневной практике воспитанием детей все же чаще занимаются жены. Хотя разделение обязанностей по воспитанию детей в семье происходит согласно традиционному разделению труда по половому признаку и является его продолжением, однако случаев активного отцовского участия в воспитании детей немного, что приводит к еще большей оторванности отцов от семейной жизни, формирует чувство отчужденности между отцами и детьми. В связи с чем их отношения во многом зависят от психологического климата, созданного матерью, и от того, в какой степени женщина приучила мужа ухаживать и заботиться о своем ребенке. Поэтому отцы любят своих детей «через» мать, а отношения отца и ребенка являются скорее отражением семейных отношений, а не проявлением отцовского чувства [165, с. 87].

Зачастую дети не воспринимают родителей как целое, они строят свои коммуникации отдельно с отцом и с матерью [182, с. 144]. И хотя отец, как правило, уважаем детьми, но с ним они имеют меньший эмоциональный контакт. Большинство детей подросткового возраста утверждают, что мама их любит больше, чем папа, а при конфликтах в семье дети принимают сторону матери [105, с. 106]. Происходит своеобразное «вытеснение» отцов на периферию детско-родительских отношений. Этому способствует и то, что мужчины, в большинстве своем, ориентированы на профессиональную и общественную деятельность. Так, до 30 – 35 лет отцы заняты своим социальным становлением, а общению с ребенком не уделяют должного внимания. Иначе говоря, развитие отца и ребенка, по словам В.В. Бойко, идет «по конкурирующему типу» [33, с. 44]. Естественно ожидать и соответствующую реакцию детей – они стали менее привязаны к отцам. Можно говорить о лучшей, по сравнению с мужчинами, адаптации женщин к исполнению родительской роли в условиях продолжающейся социально-культурной эволюции семьи. Возможно объяснение этого и в рамках разрабатываемой в биологии развития теории половой дифференциации, согласно которой, адаптация женских особей, их приспособленность к существующим условиям и требованиям среды совершеннее, чем мужских, что обеспечивает

женскому полу более высокую пластичность. При этом, изменчивость женского пола направлена на то, чтобы, придерживаясь нормы, последовать за ее изменениями [55].

Говоря о детско-родительских отношениях, следует отметить, что авторитарная система воспитания детей в нашей стране в целом утратила свое значение [182, с. 151]. Еще в 1984 г. И.С. Голод [61], в концепции исторических типов семьи, как актуальный для современности, выделил детоцентрический ее тип. Автор приводит его основные черты: поведение родителей по отношению к детям мотивировано интимно-эмоциональной привязанностью к ним; дети становятся главным смыслом жизни родителей, которые стремятся дать им образование и специальность, всячески избавляют их от трудностей социального роста, взяв их на себя. Вместе с тем, гипертрофия долга родителей по отношению к детям может приводить и к неблагоприятным последствиям для ребенка: дети становятся эгоистичными и требовательными, не понимают своего долга перед родителями. Кроме того, детоцентризм семьи порождает отношения опеки со стороны родителей по отношению к детям: они навязывают ребенку свое мнение, блокируют проявления его самостоятельности.

Анализ установок матерей в сфере межличностных отношений с детьми, проведенный Т.А. Гурко, неким образом подтверждает положения, высказанные С.И. Голодом. Так, более половины матерей, опрошенных Т.А. Гурко, имеют максимальные показатели по шкале «концентрация на ребенке», однако, только у трети матерей зафиксированы высокие показатели по шкале «партнерство», при этом, почти каждая пятая от числа всех опрошенных ориентирована на дистанцирование во взаимоотношениях с ребенком [69, с. 75].

Здесь следует заметить, что семья в России, а, равно как и в других славянских республиках бывшего СССР, не просто модернизируется, но находится в системе, которая переживает кризис, в условиях которого она не может чувствовать себя нормально и легко принимать происходящие перемены. Модернизация семьи привела и к изменениям в характере детско-родительских отношений. [129, с. 71]. Необходимость поиска заработка, перегрузки на работе и сокращение в связи с этим свободного времени приводят к ухудшению физического и психического состояния родителей. По мнению Н.Ю. Синягиной, практически каждую семью сегодня по той или иной причине можно отнести к разряду неблагополучных. Данные, полученные ею в ходе исследования характера взаимоотношений родителей и детей, позволяют говорить о наличии разных, часто противоположных типов детско-родительского взаимодействия. Автор выделяет несколько типов детско-родительских отношений: положительный тип (19,7 % от всех опрошенных), который характеризуется устойчивым эмоциональным контактом между детьми и родителями, почти полным отсутствием конфликтов; амбивалентный тип

взаимоотношений (56,1 % от всех опрошенных), для которого характерна противоречивость, непоследовательность, чередование близких контактов с отчужденностью и конфликтностью; отрицательные взаимоотношения (о них сообщили 24,2 % от всех опрошенных), которые связаны с частыми и острыми конфликтами, приводящими к полному нарушению эмоционального контакта детей и родителей [222, с. 14].

Исследователи сообщают о том, что для современных отцов и матерей характерна значительная вариативность в сфере представлений о родительстве. Так, среди молодого поколения мужчин и женщин, в сравнении с «советским», гораздо реже встречаются такие стереотипы, как «долг каждой женщины быть матерью, а мужчины – отцом», а также осуждающие супругов, которые не хотят иметь детей. При этом межпоколенные различия оказываются более существенными, нежели различия по полу. Все это может свидетельствовать о том, что трансформация социокультурных ценностей происходит достаточно интенсивно даже в таких консервативных институтах, как семья и родительство [68, с. 96]. Таким образом, можно говорить о том, что родительство стремительно эволюционирует от социального института, с жестко заданным типом поведения, к психологическому отношению широкого спектра вариативности.

В целом, изменения в различных сторонах семейной жизни, происходившие в последние десятилетия в Европе (включая Россию, Украину, Беларусь и страны Балтии) свидетельствуют о девальвации традиционной формы совместной жизни – семьи, возникающей на основе заключения брака. При этом все большее одобрение получают мнения, что для роста и развития ребенка необязательно наличие обоих родителей, а женщина, если она этого желает, вполне может растить ребенка одна, хотя, при этом, семейная жизнь – во всех ее формах – остается в сознании большинства людей естественным образом жизни. Следует также отметить, что ценность детей в жизни семьи снизилась, хотя для большинства людей она все еще остается достаточно высокой [177, с. 72]. Однако парадокс состоит в том, что ценность детей тесно связана с ограничением рождаемости, когда малодетность объясняется супругами тем, что они ограничивают рождение детей в связи с тем, что не могут обеспечить им высокий стандарт потребления [49, с. 25].

Несомненно, процессы трансформации семьи оказывают влияние и на становление будущих отцов и матерей, сегодняшних юношей и девушек.

1. 3. РОДИТЕЛЬСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Родительство как институционализируемая ответственность мужчины и женщины перед обществом за «воспроизводство и наращивание эффективности общественной жизнедеятельности» [256, с. 34], реализует свои функции не только как средство удовлетворения общественных или групповых потребностей, но и потребностей индивидуальных. Какова же природа потребности личности быть родителем?

Потребности выступают, прежде всего, как объективная необходимость, то есть, объективная нужда организма в чем-то внешнем, во внешних условиях, которые служат как бы дополнением живых систем [161, с. 410]. Они представляют собой синтез заложенной в индивиде программы жизнедеятельности и возможностей конкретной окружающей среды. В программе жизнедеятельности потребность черпает свой биологический импульс, обретает силу жизненной необходимости. Вместе с тем, потребность формируется и удовлетворяется в конкретной среде, приобретая форму и конкретное содержание, обусловленное этой средой [185, с. 93].

Потребности – источник активности человека. Существенные черты человеческих потребностей – это объективность и исторический характер их происхождения, зависимость от практической деятельности, социальная обусловленность [199, с. 189]. Во всем своем многообразии они традиционно подразделяются на две основные группы – биологические и социальные [116, 138, 142, 199, 216, 227].

Проблема потребности в детях детально и достаточно глубоко изучена демографами и социологами, изучающими воспроизводство населения, педагогами и психологами, исследующими детско-родительские отношения. Полученные ими данные позволяют утверждать, что законы, побуждающие человека становиться родителем, заботиться о потомстве, лежат в сфере социального [12, 13, 24, 25, 32, 36, 48, 49, 70, 123, 183, 186, 244, 255, 256, 264, 277].

Так, В.А. Борисов [36] считает бездоказательными положения о существовании биологических «инстинктов продолжения рода», «материнского инстинкта», «инстинкта родительства», отмечая, что часто за этими понятиями не скрывается никакого иного значения, кроме половой потребности. Вместе с тем, для такого отождествления нет достаточных оснований, даже напротив: потребность в детях и половая потребность – это два самостоятельных вида потребностей, обусловленных различными мотивами, ценностями и отношениями [13, 123].

К. Обуховский, указывая на то, что опыт отцовства и материнства может вызывать у человека определенные переживания, которые могут стать важными для формирования его личности, вместе с тем полагает, что вопрос о том, необходим ли они человеку, объективно остается открытым [184, с. 113].

По мнению Л.Б. Шнейдер, не существует биологических законов, заставляющих человека иметь детей: если бы такие законы существовали, то каждая беременность заканчивалась бы родами [264, с. 50].

А.Г. Харчев понимает родительство как «социальный по своей сути, но имеющий корни в природной, генетической связи между ребенком и родителем феномен» [255, с. 68]. И уточняет, что это особый тип поведения, «определяемого в основном двумя моментами: родительской любовью и социальным долгом» [Там же, с. 315]. В таком его понимании родительство предстает перед нами как сплав биологического и социального, но соотношение этих элементов у мужчины и женщины различное. Обсуждая природу этих различий обычно указывают на то, что строение тела женщины определяет ее способность к репродукции, в то время как в мужском жизненном цикле нет аналога такому событию как роды. Женщина-мать значительно теснее отца связана со своим ребенком. В связи с чем обычно подчеркиваются биологические детерминанты материнской роли. И действительно, ребенок и мать образуют тесную, взаимную, биологически обусловленную связь, которую следует рассматривать как базовый компонент человеческой природы [38, с. 101].

Но есть ли основания говорить о биологическом по своей природе «материнском инстинкте»? Так, А.И. Захаров, выделяя факторы, способствующие его становлению, называет следующие: прообраз матери; желание иметь детей, установка на них; положительный отклик на беременность; нежность к зарождающейся жизни; чувство жалости и сострадания к ребенку; чувство близости с ним; эмоциональная отзывчивость матери [113, с. 20-21]. Заметим, что даже простое их перечисление позволят не только усомниться в исключительно биологическом характере «материнского инстинкта», но и искать в его основании широкие социальные основания. И этому есть эмпирические подтверждения. Так, обследование женщин, отказавшихся от своих новорожденных, выявило у них помимо психологической незрелости, эмоциональной неустойчивости, неспособности к позитивной связи с ребенком и социальную незрелость, а отказу от ребенка предшествовали личная социальная нестабильность и угроза распада семьи [41, с. 35-36]. Г.Г. Филиппова, оценивая особенности формирования потребностно-мотивационной сферы женщин, указывает на то, что современные тенденции изменения роли женщины в семье и обществе могут осложнять процесс развития ее материнской сферы [244, с. 217].

Отцовская любовь лишена видимой биологической основы, на которой покоится любовь материнская. По мнению В.А. Сысенко, «мужчина в большинстве случаев начинает любить ребенка потому, что он любит свою жену» [234, с. 19]. Д.А. Акивис замечает по этому поводу: «У мужчин – особенно если он молод, а первой рождается девочка, – отцовское чувство может быть менее ярким, чем у матери, но это вовсе не

значит, что так будет всегда» [4, с. 82]. Вместе с тем было установлено, что если отец берет на себя основную заботу о ребенке, он склонен вести себя так, как это делает мать [285].

По мнению Я.И. Рубина, «потребность в детях за время существования человечества подверглась коренному, качественному преобразованию. В начале она была близка к простому инстинкту сохранения вида, то есть больше склонялась к биологической потребности. По мере того, как семья становилась все более необходимой общностью не только для рождения детей, но и для их воспитания, подготовки к самостоятельной жизни, потребность в детях все больше приобретала социальный характер, которым стала выражаться ее сущность [214, с. 39]. Таким образом, совершенно отрицать биологические основания родительства невозможно. Так М. Босанац указывает на то, что биологические законы продолжают действовать, а человек «лишь пытается приспособиться к ним, извлекая как можно больше пользы для себя» [37, с. 24].

Нам представляется вполне обоснованным и не потерявшим своей актуальности замечание А.Г. Харчева о том, что проблема соотношения природного и социального моментов в родительской любви, в специфике ее выражения, в практике реализации отцовства и материнства в зависимости от биологических свойств мужчины и женщины, а также и от характера выполняемых ими социальных ролей, продолжает оставаться нерешенной. [255, с. 69]. Можно согласиться с мнением Я.И. Рубина, полагающего, что если «сущность потребности в детях по отношению к ее объекту – социальная, то содержание этой потребности – социально-биологическое» [214, с. 24].

Определяя понятие «потребность в детях» А.И. Антонов делает в нем акцент на том, что эта потребность относится к явлениям социально-психологического порядка [12, с. 112]. В.В. Бойко уточняет, что потребность в детях, как устойчивое социально-психологическое явление, имеет сложный характер; она представляет собой структуру, включающую в себя элементы как общественного, так и индивидуального планов. С одной стороны, как социально-психологическое образование в личности, родительство представлено комплексом установок, соответствующих сложившемуся социально-историческому типу семьи. Эти установки определяют не только отношение к ценности детей, их численности в семье, но также и подходы к их воспитанию. С другой стороны, - это та или иная степень чадолюбия, свойственная индивиду как носителю усвоенных общественных норм, установок по отношению к детям вообще; чадолюбие отражает историю развития каждой конкретной личности. При этом потребность в детях проявляется в том, что без детей человек испытывает затруднения в самореализации себя как личности [32, с. 62]. Она не исчерпывается фактом их рождения, ибо само «воспроизводство

населения не тождественно его биологическому воспроизводству» [255, с. 291]; и сопряжена с процессом их воспитания, отдачи времени, передачи общественно значимых ценностей, т. е. социально значимым поведением по отношению к ним.

В этой связи, возникает необходимость исследовать социально-психологические механизмы на уровне личности, обеспечивающие родительское поведение.

В зарубежной и отечественной социологии и психологии сложилось устойчивое мнение о том, что родительство, как социально-психологическое образование в личности, представляет собой иерархически организованную систему социальных установок разного уровня обобщения и конкретизации [13, 32, 186, 255, 256, 264, 283, 289, 290, 291, 298].

Впервые понятие «аттитюд»^{*} использовали в своих трудах У. Томас и Ф. Знанецкий. Они же и дали первое определение аттитюда. Они трактовали этот феномен как «состояние сознания, регулирующее отношение и поведение человека в связи с определенным объектом в определенных условиях, и психологические переживания им социальной ценности, смысла объекта» [цит. по: 9, с. 265]. В этом определении авторы исходили из положения о том, что исследования взаимоотношений личности и общества должно основываться на анализе социальных ценностей самого общества и отношения к нему со стороны индивидов. Только с этих позиций можно объяснить их поведение. Аттитюд же, согласно У. Томасу и Ф. Знанецкому, является процессом индивидуального сознания, который детерминирует как актуальную, так и потенциальную, деятельность человека в социуме. И, поскольку, аттитюд всегда направлен на объект, он может определяться как чье-то состояние ума по отношению к ценности. И если ценность это объективная сторона установки, то, следовательно, аттитюд есть субъективная сторона социальной ценности.

Г. Оллпорт, проанализировав и обобщив их, предложил свое определение: «аттитюд есть состояние психической готовности, складывающийся на основе опыта, и оказывающий направляющее и (или) динамическое влияние на реакции индивида относительно объектов или ситуаций, с которыми он связан» [280, с. 37].

М. Смит выделил в структуре аттитюда три элемента, которые он обозначил как когнитивный компонент (он обнаруживается в виде мнений, утверждений относительно объекта установки; знания о свойствах, назначении, способах обращения с объектом), аффективный компонент (он обнаруживается в виде отношения к объекту, выражаемому на языке

^{*} Аттитюд – attitude - от латинского «apitudo», что означает «пригодность» [34, с. 71]. Этот термин в литературе на русском языке либо переводится как «социальная установка», либо употребляется как калька с английского «аттитюд» [29, с. 357].

непосредственных переживаний и чувств, которые он вызывает; оценки («нравится – не нравится» или амбивалентное отношение) и конатативный компонент (он проявляется в готовности индивида к осуществлению конкретного поведения по отношению к объекту аттитюда) [296, с. 171].

Являясь обычными и широко распространенными психическими регуляторами, аттитюды, по мнению Ф. Зимбардо и М. Ляйппе, «направляют когнитивные процессы и процессы восприятия, служат готовыми обобщенными оценками, определяют нас самих, поскольку по отношению к наиболее важным предметам могут являться значительной частью нашего восприятия собственного “Я” и нашей самооценки» [118, с. 49].

Основателем отечественной теории установки является Д. Н. Узнадзе. В своем подходе к проблеме он исходил из того, что человек, так же как и вообще все живое, достигает наличной в каждый данный момент ступени своего развития лишь в процессе взаимодействия со средой, причем в активное взаимодействие с действительностью вступает сам субъект, а не отдельные акты его психической деятельности [242, с. 39]. При этом необходимы два условия, без которых акты поведения невозможны: это, прежде всего, наличие какой-то потребности у субъекта поведения, а затем и ситуация, в которой эта потребность могла бы быть удовлетворена, Это – основное условие возникновения всякого поведения, и, прежде всего, установок к нему [там же, с. 43]. Наличие потребности и ситуации вызывает особое состояние, которое характеризует спонтанность, направленность, готовность совершать определенные действия [там же, с. 165]. Это состояние и есть установка: модификация живого существа, соответствующая объективному ходу вещей, как особое состояние личности, модус ее в конкретных условиях. Это – личностный фактор, конкретная определенность личности в каждый данный момент [там же, с. 187]. Установка не представляет собой специфически человеческой особенности [там же, с. 150], но самую примитивную, и вместе с тем самую существенную форму реакции живого организма на воздействие окружающей среды [там же, с. 151].

Хотя универсализация понятия установки как бессознательного делает невозможным применение этой теории к регуляции наиболее сложных, высших форм человеческой деятельности, вместе с тем, в способности к объективации, отмеченной Д.Н. Узнадзе, заложен выход за пределы личного, в сферу другого человека.

Способность к объективации, наряду с установкой, Д.Н. Узнадзе относил к главным формам психической активности человека. Акт объективации включает в себя идентификацию того, что переживается сейчас, с тем, что переживалось только что перед этим, сознание их тождества, закреплённого актом номинации в речи; в нем закреплёно познавательное отношение к миру; он равнозначен механизму сознания

[там же, с. 162]. Предметами объективации являются: душевный мир, который помогает индивиду выделить в процессе поведения мешающие ему предметы, а также социальные требования и «Я» [там же, с. 164]. Именно здесь у Д.Н. Узнадзе начинается переход от психологии личности к социальной психологии личности. Этот переход, был осуществлен Ш.А. Надирашвили, который подчеркивал, что личные ориентации личности создаются у человека под воздействием индивидуальных потребностей и нужд, тогда как социальные ориентации обуславливаются требованиями других людей [227, с. 174].

Ш.А. Надирашвили дополнил двухуровневую характеристическую психическую активность человека, данную Д.Н. Узнадзе, введением третьего уровня. На этом уровне в сферу потребностей человека включаются и социальные потребности, а также процессы мотивации, воображаемое, приемлемое поведение, автопортрет. Процесс принятия решений на основе этих психологических образований приводит к формированию установки социального поведения. Психическая активность на этом уровне реализуется в социальном поведении [180, с. 63]. Выражением потребностной составляющей поведения на этом уровне являются личные потребности человека как социального существа. Кроме того, автор включает сюда же и ценности, социальные и моральные ориентации, социальные оценки. Центральное место в концепции Ш.А. Надирашвили занимает анализ социальной установки. Он пишет: «Установка, определяющая социальное поведение и представляющая собой его психологическую основу, является социальной установкой, т.к. в ее формировании наряду другими факторами участвуют и факторы социальные. Социальная установка создается на третьем уровне, а осуществляемое на ее основе поведение дает личности возможность действовать в социальной среде в качестве члена социальных взаимоотношений» [там же, с. 68]. Основная функция социальных установок – регуляция социального поведения человека: система индивидуальных социальных установок обеспечивает возможность его ориентации в социальной действительности [263, с. 281].

Разработанные Д.Н. Узнадзе и его школой идеи послужили отправными моментами в создании диспозиционной концепции В.А. Ядова [274]. Он полагал, что главное в проблеме внутренней регуляции социального поведения – вопрос о структурировании личности как объекта деятельности. Представление о целостной структуре личности предполагает выделение определенного системообразующего признака или системообразующего отношения, поскольку наиболее существенное в личности – ее отношение к условиям деятельности, сформировавшееся благодаря предшествующему опыту [там же, с. 90]. В.А. Ядов предположил, что существуют устойчивые диспозиционные механизмы регуляции социального поведения личности, которые правомерно

рассматривать в рамках некой общей диспозиционной структуры личности как целостного субъекта деятельности. Системообразующим признаком, единым для этой целостности, должны быть различные состояния и различные уровни предрасположенности человека к восприятию условий деятельности, его поведенческих готовности, направляющих деятельность, которые так или иначе формируются в личностной структуре в результате онтогенеза [там же, с. 92].

Приняв за основу положение Д.Н. Узнадзе о том, что установки представляют собой ценностно-личностные состояния готовности, настроенности на поведение в данной ситуации, В.А. Ядов проанализировал все основные части этой системы.

Потребности, ситуации деятельности и диспозиции образуют иерархические системы. Им выделяются потребности низшего уровня – психофизиологические (витальные) и потребности более возвышенные – социальные. Кроме того, потребности структурируются по уровням включенности личности в различные сферы социального общения, социальной деятельности [там же, с. 93]. Основанием здесь служит как бы последовательное расширение границ активности личности, источник которой со стороны субъекта – потребность или нужда в определенных и расширяющихся условиях полноценной жизнедеятельности человека.

Условия деятельности (ситуации), в которых могут быть реализованы те или иные потребности личности, также образуют некую иерархическую структуру. В качестве основания их структуризации принимается длительность времени, в течение которого сохраняется данная ситуация деятельности. Низший уровень – предметные ситуации; следующий уровень – условия группового общения; самый высокий – «общесоциальные» ситуации активности [там же, с. 94].

Рассматривая иерархическую систему диспозиций, В.А. Ядов к низшему ее уровню относит элементарные фиксированные установки (установки в понимании Д.Н. Узнадзе). Они формируются на основе витальных потребностей и в простейших ситуациях и не становятся предметом осмысления. Второй уровень диспозиционной структуры – социальные фиксированные установки. В отличие от элементарных поведенческих готовности социальные установки обладают сложной структурой с выделением в ней эмоционального (оценочного), когнитивного (рассудочного) и собственно поведенческого аспектов. Факторами формирования их выступают социальные потребности, связанные с включением индивида в первичные контактные группы и соответствующие социальные ситуации.

Следующий диспозиционный уровень – общая направленность интересов личности на ту или иную сферу социальной активности, или базовые социальные установки. Установки этого уровня фиксируются на основе более сложных социальных потребностей приобщения к

определенным сферам деятельности и включение в эту деятельность как доминирующую среди других. Предполагается, что социальные установки этого уровня тоже содержат три компонента [там же, с. 94-95].

Поведение как третий элемент диспозиционной системы имеет ряд уровней развития. В.А. Ядов выделяет: 1) специфические реакции субъекта на актуальную предметную ситуацию; реакции на специфические и быстро сменяемые друг друга условия среды (поведенческие акты); 2) поступок (привычное действие), который как бы компонуется из целого ряда поведенческих актов. По В.А. Ядову, поступок – есть элементарная социально значимая «единица» поведения, и его цель – установление соответствия между простейшей социальной ситуацией и социальной потребностью; 3) целенаправленная последовательность поступков образует поведение в той или иной сфере деятельности, где человек преследует существенно более отдаленные цели, достижение которых обеспечивается системой поступков; 4) целостность поведения в различных сферах и есть собственно деятельность во всем ее объеме [там же, с. 97].

Можно заключить, что система диспозиций представляет собой систему социальных установок (за исключением установок в понимании Д.Н. Узнадзе), близких по своей психологической сущности, но различных по значимости их социальных объектов. Важнейшей функцией диспозиционного механизма личности является «психическая регуляция социальной деятельности, социального поведения личности» [Там же].

Применительно к родительству*, как к социально-психологическому образованию в личности, диспозиционная система социальных установок может иметь следующий вид:

1) на уровне базовых социальных установок, в системе ценностных ориентаций личности - позиции таких ценностей, как «семья», «родительство», «ребенок»; система семейных и родительских ценностей; вся совокупность семейных и гендерных идеалов;

2) на уровне социальных фиксированных установок: сценарии реализации родительства, супружеские и родительские ожидания, репродуктивные установки и установки на воспитание детей (на детско-родительское взаимодействие). Во всей их совокупности и взаимосвязи они и составляют систему установок личности на родительство.

Различные элементы диспозиционной структуры, образованные как разными ее подсистемами (когнитивной, эмоциональной и поведенческой), так и разными уровнями (от элементарных фиксированных установок до ценностных ориентаций) следует рассматривать как механизм функционирования диспозиционной системы в целом. [274, с. 101]. Поэтому родительские и репродуктивные установки, ожидания, семейные

* В отечественной литературе имеется опыт приложения диспозиционной теории регуляции социального поведения к поведению репродуктивному [12].

идеалы и ценности не являются отдельными актами сознания субъекта, поскольку они - лишь модус его состояния как целого. [32, с. 123]

Хотя человек рождается со многими биологическими задатками, формирование его личностных свойств обуславливается социальными взаимодействиями и закономерностями. Потребности человека, его сознательные и бессознательные отношения к действительности, личностные взаимосвязи должны рассматриваться как феномены, являющиеся результатом дифференцировки и конкретизации закономерностей системы социально культурных ценностей [227, с. 171].

В самом обобщенном виде под ценностями понимается: «субъективно-объективный феномен, раскрывающий универсальное взаимодействие явлений; основа значимого отношения человека к окружающим, имеющего форму общих принципов; элементы общественного сознания, выполняющие по отношению к социальному субъекту нормативные и регулятивные функции» [209, с. 80].

Содержание ценностей обусловлено культурными достижениями общества. Мир ценностей – это сфера духовной деятельности человека, его нравственного сознания, его привязанностей – тех оценок, в которых выражается мера духовного богатства личности [196, с. 30].

Существование ценностей связано с таким восприятием действительности, которое опосредуется социальными чувствами и которое возвышается над миром непосредственных потребностей и интересов. Ценностное восприятие действительности порождает и мотивацию действий и поступков, основанную на ценностных отношениях, дополняющую и обогащающую мотивацию, основанную на потребностях [115, с. 165].

Существуют общепринятые ценности: универсальные (любовь, справедливость, свобода), внутригрупповые (семейные, религиозные, политические) и индивидуальные (личностные). Они организованы в системы, которые носят синтетический характер; в такой системе переплетаются все результаты духовной деятельности общества [там же, с.170].

В психологии под ценностями понимаются разделяемые обществом или социальными группами убеждения по поводу целей, которые необходимо достичь, и тех основных путей и средств, которые ведут к этим целям: и ценности базовые, терминальные и ценности-средства, инструментальные [155, 199]. Ценности, составляя единую нормативную иерархически организованную систему, регулируют поведение людей и социальных групп в обществе. Являясь частью сознания, как отдельного человека, так и общественного сознания в целом, они становятся ориентирами при выборе способа действий, именно они проверяют и отбирают идеалы, выстраивают цели, содержат способы достижения этих

целей [199, с. 256]. По замечанию Б.Г. Ананьева, «образуют первичный класс личностных свойств» [7, с. 146].

В отличие от ценностей, ценностные ориентации – особое субъективное, индивидуализированное и мотивированное отражение в психике и сознании человека или социальной группы ценностей общества на конкретном этапе его исторического развития [157, с. 608]. Если ценности выражают некоторые абсолютные нормы, цели, идеалы, которым следует все общество и которые оно свято чтит, то ценностные ориентации относительно и индивидуальны: они описывают индивидуальное отношение к ценностям или выбор конкретных ценностей в качестве нормы своего поведения.

С.Л. Рубинштейн отмечал, что ценностные ориентации, наряду с направленностью личности, проявляются в динамических тенденциях, которые «в качестве мотивов определяют человеческую деятельность, сами, в свою очередь, определяясь ее целями и задачами» [216, с. 519]. Иначе говоря, система ценностных ориентаций помогает человеку классифицировать все многообразие явлений и предметов действительности с точки зрения их полезности, необходимости; позволяет организовать, систематизировать самую разнообразную информацию, которую человек получает от окружающего мира для удовлетворения своих собственных потребностей, желаний и намерений.

Ценностные ориентации играют главную роль в регуляции социального поведения человека, определяя его диспозиции [274], установки [111, 180], мотивы [19], интересы [107] и «смысл жизни» [184].

По мнению И.С. Кона, ценностные ориентации – это «целая система установок, в свете которых индивид (группа) воспринимает ситуацию и выбирает соответствующий образ жизни» [151, с. 36)]. Сходного мнения придерживается и С.К. Рощин. Он отмечает, что ценностные ориентации включают в себя не только знание и оценку ценностей конкретного общества, но и соответствующее им поведение. При этом они «отличаются от других социальных установок лишь наиболее высокой социальной и (или) личностной значимостью своих объектов, а по своей психологической природе они ничем не выделяются из общей системы социальных установок» [228, с. 93].

Система ценностных ориентаций обладает сложной структурой, компоненты которой прослеживаются в конкретных видах общественных отношений. По замечанию Б.Ф. Ломова, «ценностные ориентации, как и любую психологическую систему, можно представить как многомерное динамическое пространство, каждое измерение которого соответствует определенному виду общественных отношений и имеет у каждой личности различные веса» [164, с. 36].

В структуре ценностных ориентаций личности обычно выделяют три интегративных компонента: 1) когнитивный, - который характеризуется

тем, что информация в нем находится на уровне убеждений. Это убеждения в приоритетности каких-либо целей, типов и форм поведения, а также убеждения в приоритетности каких-либо объектов в некоторой иерархии; 2) эмоциональный, который характеризуется направленностью эмоций по отношению к той или иной ценностной ориентации и реализующийся в эмоциональной окраске и оценочном отношении к наблюдаемому. Именно аффективный компонент определяет переживания и чувства человека, показывает значимость той или иной ценности; 3) поведенческий, который может быть как рациональным, так и иррациональным; главное в нем – направленность на реализацию ценностных ориентаций, достижение значимых целей, защиту той или иной субъективной ценности. Каждый из этих трех компонентов, участвуя в формировании ценностных ориентаций, может иметь и самостоятельное значение, как по содержанию, так и по степени проявления. [9, 29, 119, 217, 228, 262].

По мнению Р.В. Овчаровой, ценностные ориентации являются мощным интегрирующим фактором для семейной системы – как на уровне взаимодействия супругов друг с другом, так и на уровне взаимодействия родителей с детьми. Они определяют динамику семьи в целом и родительства в частности [186, с. 12].

Семейные ценности относятся к групповым ценностям и составляют один из элементов фундамента всей культуры. Ценности семьи определяют активность ее членов, функционирование семьи как целостного организма. Ценности каждой семьи уникальны сами по себе. В каждой семье – свой набор ценностей, их структуры могут различаться как в количественном, так и в качественном, планах. Однако многие из них повторяются. Число ценностей в семье зависит от многих факторов: потребностей и целей ее членов, стажа супружеской жизни, степени важности для семьи тех или иных ценностей. [60].

М.С. Мацковским [170] был проведен предметный анализ ценностей и ценностных ориентаций семьи, в результате которого он выделил три основных класса семейных ценностей: ценности, касающиеся непосредственно самой семьи (направленность на семью), ценности, представляющие связи с более широкими социальными системами (направленность на общество), ценности, отражающие связи и отношения семьи с включенными в нее индивидами (направленность на личность).

Особенностью семейных ценностей есть то, что они, по сути, представляют сплав эмоций, чувств, убеждений и поведенческих проявлений. Семейные ценности являются основополагающими для остальных компонентов родительства и реализуются в направленности личности родителя и направленности его поведения [186, с. 24]. Их сходство отражает совпадение, ориентационное единство взглядов и отношений членов семьи к общечеловеческим нормам, правилам,

принципам формирования, развития и функционирования семьи как малой социальной группы. [264, с. 123].

Ценности представляют собой обобщенные понятия для таких явлений духовной жизни как идеал [115, с. 170]. Именно ценности формируют идеалы [185, с. 388].

Человеческая фантазия, мышление обеспечивает создание идеальной картины мира, общества, отдельных его групп и личностей, которых, как таковых, нет, но которые возможны, хотя и не обязательно станут реальностью. В идеале всегда есть переконструирование действительности, когда отбрасывается несущественное и элементы несовершенного, подчеркивается прекрасное, совершенное, превозносится то, чего нет, но что превосходит разум как возможное в будущем [138, с. 182]. Появление таких идеальных картин связано с тем, что «вещи и люди, нас окружающие, явления действительности, события, происходящие в мире, так или иначе, затрагивают потребности и интересы отражающего их субъекта» [215, с. 236]. Все ценное и в этом смысле привлекательное в них становится лично значимым, собственными убеждениями человека. Именно это отражается в идеалах – «образах, которые служат образцами» [216, с. 531]. В идеале, как бы в концентрированном виде проявляются убеждения человека, его жизненная позиция [138, с. 181], в них ярко проявляется общая направленность личности [216, с. 532].

Идеалы атрибутируются на основании предшествующего опыта межличностного взаимодействия, именно в них представлены самые важные для данного типа взаимодействия личностные свойства отраженного человека. Вместе с тем, основное их содержание формируется социокультурными факторами. В идеалах, по замечанию С. Рубинштейна, «время и среда, дух эпохи воплощает наиболее значимые черты» [215, с. 236].

Способность ценностей фиксировать не только предпочтения тех или иных личностных качеств человека, но и предпочитаемый характер отношений между людьми, связывает их с социальными ожиданиями и социальными установками личности [217, с. 48].

Каждый член семьи имеет свои представления и ожидания о самых разнообразных сторонах семейной жизни: «о необычных и каждодневных событиях, о прошлом и будущем, о желаниях и реальностях, о себе и других членах семьи, об их чувствах и мыслях, привычках, планах» [269, с. 83].

Такие предчувствия и ожидания могут представлять собой своеобразный сценарий развития и реализации себя в качестве родителя. Будучи внутренне принятым, он составляет часть ее ценностных ориентаций. Межличностное общение придает ему социально-значимый смысл, - выступает как мотив поведения [157, с. 513], помогает ориентироваться в происходящем, предвидеть, каких событий следует

ожидать, с какими проблемами и трудностями можно столкнуться [269, с. 84].

Эти сценарии представляют собой комплекс социальных установок достаточно высокого уровня обобщения, в них, следуя Р.В. Овчаровой [186, с. 16], можно выделить несколько разноуровневых планов:

- социальный план; - как ответ индивида на потребности общества в воспроизводстве социальной структуры. Этот уровень ориентирует индивида на весь комплекс чувств и обязанностей, связанных с воспитанием нового человека;

- социально-психологический - как ответ индивида на реальное (предполагаемое) его взаимодействие в специфически человеческой микрогруппе – семье;

- личностно-смысловой план, - как ответ индивида на потребность в самоактуализации.*

Л.Б.Шнейдер указывает, что «установки супругов на воспитание детей представляют собой своего рода готовность действовать тем или иным образом, указывают, что каждый из супругов не только отражает окружающую действительность, но и эмоционально переживает ее, осмысливает и предпринимает определенные действия для выполнения ее требований в психических свойствах и качествах ребенка. Они обозначают субъективные ориентации индивидов, как членов малой социальной группы по отношению к тем или иным объектам или людям, ценностям, обуславливающим определенные нормы поведения своих детей» [264, с. 313].

Я. Рембовский, отмечал, что родительские модели поведения связаны с определенными установками, образами действий по отношению к ребенку, которые являются относительно постоянным элементом их личности. Он определил родительские установки как «тенденции родителей к характерным поступкам по отношению к своим детям». [290, с. 310].

По мнению М. Земской, способ взаимодействия родителей с детьми зависит от того, как они относятся к самому факту своего родительства, т.е. к своей материнской или отцовской роли. Родительские установки, по М. Земской, - «приобретенные познавательные-направленные структуры, которые определяют поступки родителей по отношению к ребенку». Некая модель поведения может называться родительской только тогда, когда закрепиться тенденция реагировать на ребенка определенным образом [298, с. 25].

С.В. Ковалев, рассматривает установки на воспитание детей в качестве структурного элемента системы репродуктивных установок личности; он указывает, что они не более чем специфические формы

* А. Маслоу.

социальных установок вообще, полностью подчиняются всем, открытым для этих установок закономерностям. Как и любые социальные установки, «установки на воспитание детей состоит из трех, выделенных еще Смитом компонентов: когнитивного, аффективного и конатативного» [139, с. 83].

Наличие сложной структуры родительских установок указывает на невозможность ее одномерного истолкования и подчеркивает ее суть как психологического регулятора поведения, когда все три компонента находятся во взаимодействии, в согласовании либо расхождении. Это показывает уже внутренний источник противоречивости индивидуального поведения, подчеркивает упрощенность толкования поведения в рациональном духе. [12, с. 116].

Когнитивный компонент родительских установок определяет своеобразие того типа объектов и явлений социального мира, по отношению к которым сформирована установка, и представляет собой комплекс знаний, позволяющих отличить друг от друга различные объекты. Когнитивный компонент выражается во мнениях относительно данного объекта [там же, с. 118].

В своем когнитивном компоненте родительские установки связаны с представлением о том, какие изменения произойдут в жизни семьи в связи с рождением ребенка, какие положительные и отрицательные моменты связаны с воспитанием детей в семье, что нового вносит ребенок во взаимоотношения супругов и т.д. [256, с. 192]. Кроме того, они содержат знания и представления о репродуктивной норме общества, о распределении родительских ролей, идеальном и реальном образе ребенка, способах взаимодействия с ним в различных контекстах [186, с. 26].

Объекты окружающего мира вызывают различные чувства, и эти негативные и позитивные чувства, связанные с рождением и воспитанием детей, образуют аффективный компонент установки [12, с. 118]. Он отражает эмоциональное отношение к детям независимо от конкретных условий. Это отношение может по-разному проявляться у мужа и жены, связываться с их образовательными представлениями о ребенке и взаимоотношением с ним на различных этапах жизни семьи, с теми или иными выражениями как родительской потребности воспроизводить себя в детях, покровительствовать им, так и желания поддержки с их стороны. [256, с. 192]. Кроме того, они могут включать доминирующий эмоциональный фон в реализации родительских установок и ожиданий [186, с. 26]. По мнению А.И. Антонова, именно психологические переживания, связанные с детьми, «проливают свет на отнюдь не рационалистическую природу родительских установок» [12, с. 118].

Различие между когнитивным и аффективным компонентами состоит в том, что рационально индивид может ориентироваться на те или иные способы взаимодействия с детьми, однако события семейной жизни или другие жизненные обстоятельства, повлекшие изменения его

эмоциональных состояний, могут существенно изменять способы взаимодействия с детьми «теоретически оформленные» в когнитивном компоненте родительских установок. Это дало основание А.Г. Харчеву и М.С. Мацковскому отметить, что «рациональный компонент установки достаточно устойчив, в то время как эмоциональный возникает лишь в связи с соответствующим настроением и может относительно быстро исчезнуть» [256, с. 192].

Нетрудно заметить, что когнитивный и аффективный компоненты родительских установок накладываются друг на друга, причем характер связи между ними остается еще недостаточно выясненным, однако можно утверждать, что чувства не просто сопровождают отдельные представления, но и обладают относительной самостоятельностью [12, с. 118].

Конатативный компонент родительских установок относится к силе готовности совершать соответствующие действия и характеризует интенсивность побуждений от действительной активности до благих пожеланий [там же, с. 119-120]. Он включает в себя формы и способы поддержания контакта с ребенком, форм контроля, воспитание взаимоотношениями путем определения дистанции общения [186, с. 16].

Индивидуальное сознание избирательно и отношение к объекту на рациональном уровне может существенно изменяться в зависимости от его эмоциональной оценки. Под воздействием последствий индивид склонен, во-первых, производить соответствующий отбор преимуществ и недостатков принимаемого решения, а во-вторых, определять относительную важность каждого из них. Поэтому при позитивном эмоциональном отношении к объекту установки индивид будет акцентировать внимание на преимуществах и необязательно принимать во внимание все недостатки. При негативном же отношении будет наблюдаться обратная картина. Существует и обратное влияние когнитивного компонента на аффективный, поскольку эмоции – всегда результат не только непосредственного воздействия объекта или его образа, но и рационального познания их сущности, свойств, характеристик. [256, с. 193].

Хотя репродуктивные и родительские установки обладают определенной степенью устойчивости [229, 256], они, как структуры динамические, способны изменяться [291, с. 310]. Так, например, рост сознательности родителей, означающий критическое отношение к себе как к члену семьи и воспитателю, ведет к изменению и углублению родительских установок [298, с. 17]. Родительские установки могут изменяться по мере того, как изменяется ребенок. Свидетельством этого может служить изменение стиля взаимодействия родителей с детьми, что выражается в характере предоставляемой ребенку свободы, формы

контроля за его поведением, способов физического и психического контакта с ним [там же, с. 25].

Вместе с тем, К. Роджерс, на основе многолетней практики пришел к выводу, что прямое обучение не дает эффективных результатов в коррекции родительских установок, так как они характеризуются необыкновенной устойчивостью и повышенной сопротивляемостью к изменениям [211, с. 327].

Последователь К. Роджерса, Т. Гордон указывал, что родителям трудно избавиться от догматической системы ценностей, полученной в наследство от собственных родителей, трудно изменить свое отношение к детям, поэтому изменение родительских установок и повышение родительской эффективности требует не только значительных усилий, но и специально организованного обучения родителей под руководством опытных педагогов [63, с. 583].

Роль родительских установок заключается в интеграции различных потребностей индивида, реализуемых в семейной жизни и родительстве, в придании им обобщающего смысла в контексте либо контекстах жизненных обстоятельств личности, либо в воображаемой ситуации. И в том, и в другом случае установки упорядочивают потребности, взгляды и поведение человека, связанное с рождением и воспитанием детей [32, с. 122].

Синонимично понятию «родительские установки» зачастую используются такие понятия, как «родительское отношение» и «родительская позиция». Целесообразно сохранить термин «родительское отношение» для установок и соответствующего поведения, которые не связаны именно с данным ребенком, а характеризуют отношения к детям вообще. Родительская позиция скорее связывается с сознательно принятыми, выработанными взглядами, намерениями; установка – не так однозначна.

Понятие «родительская позиция» предложила А.С. Спиваковская для анализа реального взаимодействия родителей с конкретным ребенком, под которой она понимает реальную направленность поведения родителей по отношению к ребенку, в основе которого лежат сознательные или бессознательные оценки ребенка, выражающиеся в способах и формах взаимодействия с ним [229, с.39].

Описаны различные параметры родительских установок, родительского отношения, родительских позиций.*

* М. Арутюнян [15], М. Браун-Галковска [283], Дж. Боулби [38], А.Я. Варга [197], В.И. Гарбузов [54], А.И. Захаров [114], М. Земска [298], Л. Каннер [по 105], В. Ковальский [по 231], Л. Ковар [по 105], А.Е. Личко [163], Д. Макаровиц [по 231], Е. Маккоби [287], М. И.М. Марковская [166], Пилькевич [289], А. Рое [292], Е.Т. Соколова [225], П. Слатер [по 281], А. Спиваковская [230], М. Фитс-Симонс [по 231], А. Фрейд [248], Г. Хоментаскас [261], Е. Шефер [294], Р. Шпиц [265], Н. Штирман [по 105], Э.Г. Эйдемиллер [269].

Чаще всего в психолого-педагогических исследованиях для определения и анализа родительского отношения используются два критерия: степень эмоциональной близости, теплоты родителей (любовь, принятие, тепло или эмоциональное отвержение) и степень контроля за поведением ребенка (высокая – с большим количеством ограничений, запретов; низкая – с минимальными запретительными тенденциями). При этом учет сочетания крайних вариантов проявления этих факторов позволяет более точно охарактеризовать родительское отношение и соответствующее поведение по отношению к ребенку [202, с. 89]. В целом содержание родительского отношения противоречиво, так как в нем сосуществуют в различной пропорции противоположные элементы эмоционально-ценностного отношения [230].

Система родительских диспозиций личности в совокупности с направленностью личности, как обобщенной, относительно устойчивой мотивационной тенденцией, занятой по отношению к партнеру общения, образуют стиль родительского отношения, или стиль воспитания [202, с. 89]. Являясь своеобразной квинтэссенцией остальных структурных компонентов родительства, он наиболее очевиден, доступен для внешнего наблюдения. В силу своей очевидности он важен, прежде всего, для самого ребенка, так как он детерминирует родительскую роль и в целом оказывает влияние на развитие ребенка и его становление как личности.

В настоящее время наиболее популярна классификация стилей родительского воспитания Дианы Бомринд [282], которой следуют многие, как зарубежные, так и отечественные авторы [10, 139, 161, 187, 191, 200, 202, 206, 264, 296]. Д. Бомринд экспериментально выделила несколько стилей родительского воспитания. Так, авторитарный стиль предполагает, что главное – обеспечить абсолютное послушание ребенка. Различают две разновидности авторитарного стиля: а) авторитарный – неотвергающий, когда родители строго следят за соблюдением правил, не поощряют независимость и индивидуальность ребенка, не скрывают гнева и требуют конформизма, и авторитарный – отвергающий, когда они не только авторитарны, но вдобавок отвергают своих детей и предпринимают весьма незначительные попытки стимулировать развитие детского ума; б) авторитетный стиль, который характеризуется тем, что родители устанавливают строгие правила, но меняют их по договоренности с ребенком. Они ценят индивидуальность и точку зрения своего ребенка. в) либеральный стиль, для родителей, которые его практикуют, главное – обеспечить детей всем необходимым и удовлетворить все их желания. Такие родители не стремятся наказывать ребенка и принимают его своеволия и считают, что он сам должен регулировать свое поведение.

Вместе с тем, А.И. Антонов и В.М. Медков отмечают, «фиксация лишь внешних фактов поведения недостаточна, надо учитывать и внутренние факты, социально-психологические структуры – ценностные

ориентации личности, ее установки, мотивы и потребности» [12, с. 210]. Дело в том, что родительское поведение выражается не только во внешних поступках, событиях детско-родительских отношений, но и в изменении внутренних структур личности родителя. Следовательно, структура родительского поведения с необходимостью включает в себя и всю совокупность его регуляторов, в том числе и на уровне личности, и их взаимодействие между собой.

На наш взгляд, концепция диспозиционной регуляции поведения, предложенная В.А. Ядовым, разрешает задачу моделирования структуры поведения, в том числе и родительского. Ее, в самом общем виде, можно представить следующим образом: потребности – диспозиции – ситуация.

В центре этой модели – система диспозиций (предрасположенности личности к восприятию условий деятельности), благодаря которой оцениваются ситуации повседневной жизни с точки зрения возможности удовлетворения потребности, специфической для данного вида поведения.

Применительно к родительскому поведению такой специфической потребностью является потребность в родителстве. Ситуация либо способствует, либо препятствует ее удовлетворению, но не прямо, а через систему диспозиций и конкретно – через систему ценностных ориентаций. Оценка обуславливает принятие того или иного решения и последующее за ней поведение.

Заметим, что в ситуацию реализации родительства включен самый широкий круг макро- и микросоциальных факторов: социально-экономическая ситуация развития общества, материальное положение конкретной семьи, состояние супружеских отношений, число детей в семье и их возраст и многие другие [222, с. 15]. Таким элементом ситуации становится и пол ребенка. При этом различия в поведении обнаруживаются не только между мужчинами (отцами) и женщинами (матерями), но и по отношению к полу ребенка – мальчик (сын) или девочка (дочь). Как полагает Т.В. Бендас [26, с. 320], эти различия могут обнаруживаться в следующем:

- в использовании инструментального или экспрессивного лидерского стиля;
- в степени грубого физического взаимодействия;
- в различной сенситивности к проявлениям эмоций у детей;
- в проявлении либо взаимности, либо властной ассертивности при предъявлении требований;
- в конфронтации и дисциплине;
- в обучении и информировании детей.

В качестве иллюстрации кратко рассмотрим только некоторые из этих положений.

Так, на протяжении первого года жизни отцы, в отличие от матерей, почти не взаимодействуют ни с сыновьями, ни с дочерьми [155, с. 323]. В

течение первых месяцев жизни матери чаще находятся в физическом контакте с мальчиками, однако с девочками они больше разговаривают. После шестого месяца в этих отношениях наступают изменения: у матерей увеличивается физический контакт с девочками. При этом мальчиков отучают от физического контакта раньше, чем девочек [105, с. 277]. В старшем возрасте матери уделяют больше внимания дочерям [234, с. 174], а отцы проявляют большую активность во взаимоотношениях с сыновьями [22, с. 177].

Отмечают, что родители более требовательны к сыновьям, чем к дочерям. Вследствие этого сыновья более дистанцированы от родителей, чем дочери [6, с. 78]. Известно, что отцы больше контролируют сыновей. А матери – дочерей [22, с. 177]. Кроме того, отцы предпочитают физические наказания, а матери – непрямые и психические. При этом мальчиков чаще подвергают физическим наказаниям, чем девочек [105, с. 282]. Родители поощряют дочерей выражать свои чувства, а сыновей – контролировать эмоции. Дочерей воспитывают так, чтобы они умели устанавливать хорошие отношения с окружающими, а сыновей учат быть независимыми [27, с. 103].

Все это, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что отношения родителей и детей носят гендерно-ориентированный характер.

Таким образом, на уровне личности родительство предстает перед нами, и как социально-психологическое образование в личности – система диспозиций - выражающих готовность действовать в отношении ребенка тем или иным образом в совокупности с соответствующей мотивацией и как реальное поведение родителя по отношению к ребенку, наиболее зримо являющее себя в стиле родительского воспитания.

1. 4. ЮНОСТЬ КАК ЭТАП СТАНОВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЬСТВА

Родительство, по мысли А.И. Антонова, суть «подлинно бастион человеческого существования ‘Я’» [11, с. 15]. В высшем своем проявлении – родительской любви – оно не является врожденным, инстинктивным свойством, а формируется в течение жизни человека [47, 186, 211, 230, 252, 270, 298]. Основания родительских чувств закладываются еще в детстве самого потенциального родителя. По мнению Г. Розинаёвой, освоение родительской роли начинается практически со дня рождения ребенка [212, с. 48] и является неотъемлемым компонентом социализации, процесса, в результате которого ребенок «усваивает поведение, навыки, мотивы, установки и нормы, свойственные его культуре, считающиеся в ней необходимыми и желательными» [199, с. 252]. Следовательно, чтобы стать отцом или матерью каждое новое поколение молодых мужчин и женщин

должно учиться родительскому поведению: их «биологическая роль дополняется социальной, выученной родительской ролью» [105, с. 44].

Р.В. Овчарова выделяет два больших этапа в формировании родительства. Первый этап относится к добрачному периоду, еще до того, как мужчина или женщина станет отцом или матерью. Здесь существует лишь его образно сконструированное содержание, которое может включать в себя «образы эмоций, связанные с процессом воспитания детей, отдельные и общие когнитивные схемы: планирование уклада жизни в условиях родительства, планирование воспитательного процесса и др., а также образы отдельных поведенческих актов и всего поведения в целом» [186, с. 54]. На этом этапе закладывается сама возможность стать родителем.

С рождением собственного ребенка начинается следующий этап формирования родительства, - этап реализующегося родительства, - продолжающийся в течение всей жизни человека [10, 13, 32, 186, 187, 202, 289]. Факт рождения ребенка, по мысли Э. Эриксона, знаменует критический период в развитии личности взрослого и его социализации [270, с.83], а И.В. Шаповаленко полагает, что «формирование родительской позиции означает окончательное приобщение к взрослому поколению» [202, с. 95].

Вместе с тем и предшествующий его этап – это этап, когда родительство существует лишь на «теоретическом» уровне, в его ментальной репрезентации - важен для становления будущего родителя, так как фантазии, мечты, образы-представления, являясь мощными мотивирующими факторами, могут предопределить его будущее «лицо» [123]. Этот этап можно условно разделить на два больших периода. Первый начинается с самого рождения и продолжается до начала пубертата. Второй приходится на позднее отрочество и продолжается в юности. Эти периоды различаются по «весу» в их формировании двух основных факторов. Первый из них можно обозначить как «Фактор семьи и внесемейного окружения». Если в первый период ребенок преимущественно взаимодействует с родителями и другими членами семьи, то во втором он начинает испытывать значительные влияния самого широкого круга агентов социализации. Второй фактор можно определить как «Фактор полового созревания». Именно на фоне полового созревания происходит становление личности ребенка и формирование его гендерной идентичности.

В юности происходит процесс перестройки взаимоотношений ребенка с родителями, да и со взрослыми вообще [147, 155, 200, 203, 206, 296]. Молодые люди приступают к освоению профессии, значительно увеличивается их автономия от семьи, а с ней и мера ответственности за свою собственную судьбу. Однако в социальном плане юность все же представляет собой некое маргинальное состояние [159].

К 19 – 20 годам в основном завершается рост тела, всех органов и систем организма. К концу этого периода человек почти вплотную приближается к рубежу полной физической зрелости. Вместе с тем половой зрелости женский организм достигает на 4 – 5 лет раньше – соответственно к 20 (женщины) и 25 (мужчины) годам [133, 200, 295, 284]. В юношеском возрасте происходит интенсивное развитие когнитивных способностей человека. Мышление его становится интроспективным, то есть он приобретает способность анализировать свои мысли, а для решения проблем и выведения заключений может применять правильные формально-логические рассуждения. Человек начинает пользоваться индуктивным и дедуктивным мышлением, может думать не только о том, что есть, но и о том, что могло бы быть, проецируя себя в будущее и строя на него планы [193]. Все это указывает на то, что юность – это возраст перехода к взрослому типу мышления [23].

Все эти изменения происходят на фоне главного новообразования переходного возраста. Так, согласно Л.С. Выготскому, теперь «в драму развития вступает ... новый качественно своеобразный фактор – личность самого подростка... Социальное развитие, которое приводит к образованию личности, приобретает в самосознании опору для своего дальнейшего развития» [52, с. 238].

Значительное влияние на теоретические проблемы юности оказал Зигмунд Фрейд, который описывал ее как период сексуального возбуждения, тревожности, а иногда и личностных отклонений. Именно в юности, по мнению З. Фрейда, в период полового созревания происходит кульминация серии изменений, цель которых – привести сексуальную жизнь ребенка к окончательной форме, нормальной для взрослого человека [250]. С половой зрелостью приходит лучшее понимание противоположного пола, исчезают неприязненные чувства по отношению к нему, устанавливаются эмоциональные контакты. Содержание половых гормонов в подростковом и юношеском возрасте обычно выше, чем у взрослых. Это обстоятельство обуславливает усиленные половые желания подростков - юношескую гиперсексуальность [133, 283].

С созреванием внешних и внутренних половых органов появляется сильное желание разрядить возникшее сексуальное напряжение. Для этого необходим объект любви: как утверждает З. Фрейд, юношей и девушек привлекают представители противоположного пола, способные разрядить их сексуальные напряжения. Поэтому юность, согласно З. Фрейду, это период, когда завершается переход от аутоэротического способа достижения сексуального удовольствия, именно в юности процесс «поиска объекта» приходит к своему завершению [250, с.182].

И действительно, если в подростковом возрасте чувство к человеку противоположного пола находит свое выражение в возрастающей тяге к общению, жадном интересе к объекту любви и своеобразном фетишизме,

то в юношеском возрасте привязанность девушек и юношей друг к другу носит уже почти «взрослый» характер, ибо основывается на тяге к глубокой личной интимности, стремлении познать личность объекта любви [145]. В целом следует отметить, что самые общие тенденции сексуальной жизни современной молодежи вызывают определенные опасения: произошло снижение, по сравнению с прошлыми поколениями, возраста сексуального дебюта и уменьшение разницы в этом между юношами и девушками, сужение сферы запретного и рост терпимости по отношению к необычным и девиантным формам сексуальности [59, 112, 146].

Половое созревание и опыт сексуально-окрашенного взаимодействия с противоположным полом способствует завершению формирования гендерной идентичности молодого человека. Э. Эриксон [271] описывал идентичность, пользуясь общим понятием Я-концепции. Она состоит из многих компонентов: психических, сексуальных, социальных, профессиональных, моральных, идеологических и психологических качеств, совокупность которых образует целостную личность. Выделив восемь жизненных этапов развития человека, он полагал, что главная задача индивида заключается в том, чтобы, переходя с одного из них на другой, обрести личную идентичность, формирующуюся в процессе эволюции Я, постепенно принимающую окончательную форму путем последовательного и многократного синтеза, длящегося на протяжении всего детства. При этом юность, согласно Э. Эриксону - период «нормативного кризиса»; когда подросток стоит перед задачей сформировать чувство идентичности. Чем успешнее индивид проходит в юности через кризис идентичности, тем легче он справляется с подобными переживаниями в последующем. В юношеском возрасте происходит объединение всех элементов самосознания. Это долгий и сложный процесс, обеспечивающий непрерывность прошлого, настоящего и будущего индивидуума, помогающий ему узнать свое место в обществе и определиться с направлением и целями жизни. [270, с. 250].

Э. Эриксон придавал большое значение формированию однозначной идентификации с тем или другим полом, которая в будущем станет основой для гетеросексуальных интимных отношений и четко определенной идентичности. Более того, он был уверен в необходимости поляризации по признаку пола, полагая, что только тогда общество сможет нормально функционировать, когда мужчины и женщины будут стремиться принять на себя соответствующие их полу роли.

Я.Л. Коломинский и М.Х. Мелтсас в своей обзорной статье [143] отмечают, что половая идентичность делится большинством авторов на две составляющие: 1) половая идентичность как понимание принадлежности себя к определенному полу: единство сознания и

поведения индивида, относящего себя к тому или иному полу; 2) половая идентичность как знание и усвоение ролей мужчины и женщины.

Ш. Берн [27] описывает четыре стадии усвоения половой идентичности; гендерную идентификацию (отнесение ребенком себя к тому или иному полу); гендерную константность (понимание, что гендер постоянен, и изменить его нельзя); дифференциальное подражание (желание быть самым лучшим мальчиком или девочкой) и гендерную саморегуляцию (ребенок сам начинает контролировать свое поведение, используя санкции, которые он применяет сам к себе).

По мнению В.Л. Ситникова, пол – первая категория, в которой ребенок осмысливает свое Я. «Гендерная социализация начинается буквально с момента рождения ребенка и формируется у него к полутора годам, составляя наиболее устойчивый, но изменяющийся с возрастом элемент его самосознания» [223, с. 87]. Гендерная идентичность формируется в контексте стереотипных культурных представлений о различиях между мужским и женским полом. Уже в первые два года жизни у детей складываются стереотипы, связанные с мужским и женским началом [201, с. 334]. Двухлетний ребенок знает свой пол, но еще не умеет обосновать эту атрибуцию. Младшие дошкольники уверены, что форма одежды, фасон стрижки, вид деятельности могут привести к тому, что мальчик станет девочкой, а девочка – мальчиком [254, с. 426]. До 2 – 3 лет большинство мальчиков пробуют надевать мамины туфли, играть с ее косметикой. Однако когда мальчики достигают гендерной константности, такие игры прекращаются [122, с. 81].

В три года дети уже осознанно различают пол окружающих людей, но часто ассоциируют его со случайными внешними признаками. [223, с.87], а 4-летние дети в процессе игры дифференцируют свое поведение в зависимости от того, с кем – мальчиком или девочкой – они имеют дело [155, с. 426]. Между тем, отчетливая у 4-х летних девочек эмоциональная дифференциация понятий «Мальчик» и «Девочка», становится достоверной у мальчиков лишь на шестом году жизни. Как было установлено в исследовании В.Е. Кагана, для мальчиков возраст 4 - 6 лет является кризисным периодом гендерной идентификации [125].

К 6 – 7 годам половая идентификация формируется практически у всех детей [122, с. 82]. В этом возрасте начинается период бурной половой дифференциации, которая способствует кристаллизации и осознанию половых различий и устойчивому проявлению их в выполнении соответствующей гендерной роли [223, с. 88].

Было установлено, что мальчики раньше девочек приходят к осознанию половых различий. Так, в возрасте от 5 до 11 лет мальчики оказывают более решительное предпочтение мужской роли, чем девочки – женской. Мальчики предпочитают типичное для их пола поведение и

отвергают нетипичное. Девочки тоже предпочитают типичное для их пола поведение, но при этом не отвергают и нетипичное [122, с. 84].

До 7 – 8 летнего возраста дети, как правило, придерживаются жестких поло-ролевых стереотипов, затем их влияние несколько ослабевает [254, с. 430]. В подростковом возрасте стереотипы «маскулинности» и «фемининности» вновь поляризуются особенно резко, а потребность соответствовать им становится как никогда остро. Это распространяется не только на внешность, но и на многие социальные и психологические качества. Старшеклассники еще сохраняют подростковую узость и стереотипность ролевых предписаний, но в то же время уже чувствуют, что индивидуальность не вписывается в жесткие рамки дихотомии, что женские и мужские качества не обязательно альтернативны, а сочетание их может быть разным [147, с. 115].

Обычно завершение формирования полоролевых позиций связывают с юношеским возрастом [122, 124, 147, 200, 203, 206, 296], однако Д. Пайнз полагает, что кризисной точкой в поиске своей идентичности у женщин является беременность. Однако автор ничего не говорит об аналогичной точке у мужчин. Е.П. Ильин, проводя аналогию с женщинами, полагает, что такой кризисной точкой в поиске идентичности у мужчин может стать их первый половой акт [122, с. 83]. С этим можно согласиться, если учесть, что у мужчин-гомосексуалистов первый гетеросексуальный акт зачастую не только предшествует первой гомосексуальной связи (исключая препубертатные и начала пубертата), но и служит своеобразным «ключом», к осознанию собственной гомосексуальности [137, с. 174].

Гендерная идентичность является одним из результатов гендерной социализации – процесса усвоения норм, правил поведения, установок в соответствии с культурными представлениями о роли, положении и предназначении мужчины и женщины в общества [198, с. 85]. Особенности этого процесса в конкретных социально-исторических условиях зависят от положения и характера деятельности мужчин и женщин. В современном социуме изменились роли мужчин и женщин в производственных отношениях и семье, изменилась структура половой стратификации, а, следовательно, и характер социализации мужчин и женщин, с соответствующими им базовыми гендерными критериями [53, с. 99]. Особенно ярко это проявляется на примере изменения гендерных стереотипов мужской успешности: теперь, чтобы добиться жизненного успеха, нужно быть не смелым, а хитрым, не гордым, а сервильным, не самостоятельным, а конформным [176, с. 175].

Изменение привычного гендерного порядка связано, прежде всего, с изменением социального положения и деятельности женщин. Именно они выступают носителями изменений в сфере гендерного сознания, так как их социальная позиция, а с ней и социальная роль, меняется быстрее и радикальнее, нежели позиция мужчин [57, с.187]. Так, в исследовании О.В.

Митиной и соавторов, посвященном изучению современных гендерных стереотипов, было установлено, что женщины, по сравнению с мужчинами, в меньшей степени поддерживают традиционные нормы гендерного поведения и в большей степени – нетрадиционные [176, с.174].

К числу наиболее важных факторов гендерной социализации традиционно относят институты образования, семью и группы сверстников [122, 124, 150, 206, 296].

XX век стал веком не только всеобщего, но и совместного обучения девочек и мальчиков, что по мнению В.В. Гаврилюк, во-первых, не только уменьшает половую сегрегацию, но и создает предпосылки для психологически комфортных последующих взаимоотношений мужчин и женщин: если классический канон воспитания мускулинности сводился к формированию самообладания у мальчиков (а это предполагает отрицание нежности и чувствительности); во-вторых, предполагается, что совместное обучение приводит к тому, что ожидания взаимопонимания и бережного отношения со стороны девочек повлияют на формирование соответствующих норм и стереотипов мужского поведения, а взаимоотношения между мальчиками и девочками распространяются и на взаимоотношения между мальчиками, юношами, мужчинами, что, в свою очередь, вызывает смещение структуры гендерных отношений в обществе [53, с.100].

Смеем усомниться в этих выводах автора. Дело в том, что наша школа пропитана сексизмом – убеждениями, что человеческие полы имеют различия, определяющие их жизнь [240, с. 264]. Этому способствуют два обстоятельства: во-первых, подавляющее большинство педагогов начальной и средней школы – женщины; во-вторых, образование (в том числе и школьное) сложилось как система, основанная на мужских ценностях, преподающая воспитанникам мужскую историю и мужскую культуру.

Школьные годы – возраст наиболее чувствительный для усвоения гендерных норм. Для школьника учитель нередко становится значимым в большей степени, чем родители. Вместе с тем, школа лишает мальчиков (да и девочек тоже) моделей мужского поведения, а учителя-женщины нередко практикуют, ставший, впрочем, традиционным для отечественной школы, авторитарный стиль педагогического руководства, так мало имеющий общего с традиционным стереотипом женственности.

Проблема еще состоит в том, что содержание учебных планов и учебных предметов имеет явно технократическую и естественнонаучную направленность, т.е. в основном мужской уклон. Преподают же эти предметы в основном женщины, что ставит девочек в более выгодное положение, так как женщины лучше выполняют задания, типовые требующие усердия и тщательности. При этом, предварительное объяснение задания исключает этап поиска, который присущ мужскому

интеллекту, что ставит мальчиков в несколько более худшие образовательные условия [122, с. 301]. Затрудняется и гендерная социализация девочек: установившийся взгляд на науку как на мужское дело, способствует формированию у них определенных внутренних состояний-барьеров, затрудняющих личностную и профессиональную ориентацию. К ним можно отнести: боязнь неудачи, боязнь утраты женственности, недостаток настойчивости в достижении цели, боязнь общественного отвержения [223, с.112].

Еще одно обстоятельство затрудняет процесс гендерной социализации в школе. Более раннее половое созревание девочек приводит к явному рассогласованию их психологических установок и ожиданий с установками мальчиков: девочки уже хотят, чтобы к ним относились не как к бесполом существам, у мальчиков же эти пожелания и требования не находят понимания и соответствующего ответа, так как они остаются в половом отношении физиологически инфантильными, хотя формально могут признавать половую дифференциацию и специфику взаимоотношений между полами. Более того, у мальчиков в предпубертальном возрасте появляется тенденция не только к избеганию общения с девочками, но и к полному с ними размежеванию [122, с. 300].

Все это не только затрудняет гендерную социализацию мальчиков и девочек, но и не способствует установлению между ними отношений сотрудничества и кооперации, т.е. только увеличивает гендерную сегрегацию, которая может распространяться и на будущие их взаимоотношения. Впрочем это последнее положение еще ждет своей эмпирической проверки.

Еще одним фактором гендерной социализации является семья. Отношения, связывающие ребенка с родителями, являются, по словам М. Земской, полными, поскольку функционируют во всех сферах: эмоциональной, социальной, религиозной и т.д. Это приводит к тому, что семья становится для ребенка первой школой, в которой возникают и развиваются его социальные установки [298, с. 34]. Степень влияния этого института сопоставима с влиянием образования, хотя в конце XX столетия повсеместным стало утверждение о значительном ослаблении воспитательного воздействия семьи, о самоустранении родителей из процесса социализации детей [11, 53, 105, 149, 195].

Формирование социальных установок ребенка в семье в значительной степени зависит от взаимодействий между членами семьи, и, в немалой степени, между отцом и матерью. Исследователи отмечают, что гендерные отношения между супругами в семье определенно противоречивы: их установки в сфере разделения семейных ролей более эгалитарны, чем их поведение. Это приводит к тому, что у современных подростков формируются традиционные установки в сфере разделения супружеских ролей, несмотря на эгалитарные установки большинства их родителей.

Дело в том, что дети воспринимают и усваивают в своем поведении образцы поведения родителей в большей степени, чем их установки, а у родителей сфера сознания в этом вопросе определяет сферу практической деятельности [182, с. 150].

Еще одна трудность гендерной социализации в семье обусловлена ослаблением мужского влияния на социализацию мальчиков и сверхдоминированием матери. Самоустранение отцов от воспитания сыновей проиллюстрировано в исследованиях О.В. Митиной и соавторов. Отцы как бы передают сыновей на «поруки» матери: отвечая на вопрос анкеты о своей занятости в домашнем труде, они полагают, что их не следует обременять домашними заботами, а помочь матери по дому должен ... сын [176, с. 174].

В другом своем исследовании О.В. Митина [175] отмечает, что провозглашенное в стране равенство требовало от мужчины и от женщины подчинения усредненным правилам. Но, поскольку, традиционно и имплицитно подразумевалось, что дом и семья – это среда преимущественного обитания женщин и детей, а общество и производство – мужчин, то женщинам вне семьи приходилось подчиняться правилам маскулинного поведения, а мужчинам в семье доставалась роль ребенка. Автор говорит о наличии своеобразных «ножниц» между требованиями, предъявляемыми обществом к мужчинам и возможностями этим требованиям соответствовать в семье [176, с. 175].

В целом следует отметить, что маскулинный тип гендерной социализации, предполагающий, что мужская модель поведения предпочтительна не только для мальчиков, но и для девочек, сменилась на инверсивный, т.е. маскулинный для девочек и фемининный для мальчиков [1].

Особенности гендерной социализации современных юношей и девушек отражаются и в их гендерных идеалах, которые получают интенсивное развитие в подростковом и юношеском возрасте. Гендерный идеал – это не обязательно какая-либо конкретная личность, это может быть и обобщенный образ желаемых человеческих черт, присущих представителю того или иного пола. По мнению Б.В. Кайгородова, идеал для подростка выступает общим смыслообразующим устремлением личности растущего человека [цит. по 201]. Именно в юности они становятся ориентирами в практической деятельности, хотя, как замечает И.С. Кон, для идеалов юности свойственны элементы иллюзорности [145, с.175].

Хотя формирование эталонов мужественности и женственности начинается с первых дней жизни ребенка, но именно в юношеском возрасте оно происходит наиболее интенсивно, когда усвоенное на предшествующих стадиях начинает проверяться и уточняться в ходе интенсивного общения с лицами противоположного пола [6, 10, 143, 150,

198, 223, 246]. При этом практически единственной сферой жизнедеятельности, в которой формируются представления подростков об образах мужественности и женственности, являются взаимоотношения с противоположным полом [272, с. 90].

По мысли В.Л. Ситникова, в основе психологического механизма социализации лежит система образов: «образов-эталонов», «образов-отражений», «образы-ориентиры», и «образов-идей» мужчин и женщин разного возраста, а также «образов маскулинное/фемининное-Я». Их взаимодействие организует и процесс идентификации, и социальные подкрепления, и осознание половой социальной роли, и социальные ожидания. Кроме того, все эти образы выполняют ориентировочно-корректировочную функцию, в результате которой происходит закрепление наиболее адекватных черт и линий поведения, а «образы-эталоны», создавая систему гендерных приоритетов, несут ценностно-мотивационную функцию [223, с. 115].

Согласно данным Т.И. Юферевой, девушки, характеризуя мужчину как мужа и отца, выделяют его роль как помощника жены. В то же время к сфере семейных отношений относится наибольшее число негативных характеристик мужчины. Описания юношей практически идентичны описаниям девушек, но отличаются от них отсутствием негативных характеристик. Кроме того, качества, связанные с традиционным пониманием мужественности, в представлениях старшеклассников обоего пола занимают самый высокий ранг. Для юношей женщина выступает как жена, мать. Она должна любить мужа, воспитывать детей, быть хорошей домохозяйкой. Описания женщин у девушек более детальны, разносторонни. Все они признают роль женщины в семье, однако отношения девушек к этой роли неоднозначное: наряду с положительным у значительной части испытуемых имеется и отрицательное отношение к ней [там же, с. 88].

В.Е. Каган установил, что портрет отца в восприятии юношей высокодостоверно маскулинен, а в восприятии девушек он оказался фемининным. Портрет будущей жены у юношей по всем показателям ярко фемининен, а свой портрет как будущего мужа – столь же ярко маскулинен. В автопортретах девушек как будущих жен отрицание маскулинности преобладает над утверждением фемининности. Портрет же будущего мужа в восприятии девушек более фемининен, чем маскулинен. Таким образом, «в установках юношей муж и жена подобно отцу и матери контрастны: он – маскулинен, она – фемининна. В установках девушек муж и жена подобно отцу и матери скорее фемининны, чем маскулинны» [126, с. 58]. Все это, по мнению В.Е. Кагана, свидетельствует о том, что на формирование установочных знаний о поле и семье у девушек большее влияние оказывает ситуация демократизации половых и семейных ролей,

тогда как у юношей скорее влияние традиционных стереотипов [там же, с.60].

Р. Муксинов, исследуя образы родителей у 17 - 18-летних девушек и юношей установил, что для них мать и отец прежде сего являются воплощением доброты и хорошего отношения к детям. И хотя для большинства из них мать и отец авторитетны в равной степени, все же мать в жизни ребенка играет более значимую роль, чем отец [178, с. 132].

Т.В. Андреева, в исследованиях предбрачных предпочтений студенческой молодежи установила, что у юношей рассогласованы образы партнерши, с которой они хотели бы общаться, и будущей женой. Качества последней оказались для юношей менее определенными, что, по мнению Т.В. Андреевой, может указывать на общую неопределенность их представлений о семейном будущем. Кроме того, в ответах девушек просматривается тенденция чрезмерной требовательности как к партнеру по общению, так и к будущему супругу. Обобщая результаты своих исследований, Т.В. Андреева заключает, что для молодежи в целом «характерно расхождение качеств желаемого спутника жизни и партнера по повседневному общению, из круга которого этот спутник в общем-то и должен выбираться» [10, с. 33].

В связи с этим уместно напомнить результаты опроса 16 – 17-летних девушек. Им было предложено распределить по степени важности мужские и женские качества. Опрошенные девушки воспитанность в мужчине поставили на 12-е – 13-е места, мужественность – на 10-е - 11-е места. Среди мужских качеств на первые два места было выдвинуто уважение к женщине, но уважение к мужчине среди необходимых женских качеств получило 13-е – 14-е места. Среди женских качеств на первые места попали гордость, сила воли, в то время как хозяйственность и аккуратность были отнесены на последние места и соседствовали с уважением к мужчине. Д.Н. Исаев и В.Е. Каган объясняют это тем, что «многие девушки и женщины жестоки, эгоистичны и грубы, а многие юноши безвольны, инфантильны, неблагородны» – то есть разрушением традиционных гендерных моделей [124, с. 94].

Юность традиционно связывают с развитием эмоциональной сферы и ее влиянием на поведение взрослеющих мальчиков и девочек. Так А. Фрейд характеризовала юность как период внутреннего конфликта, психической неуравновешенности и неустойчивого поведения [248]. Вместе с тем, как полагает Б.И. Додонов, именно в юношеском возрасте происходит формирование общей эмоциональной направленности личности, то есть закрепление иерархизации собственной ценности тех или иных переживаний. Тип общей эмоциональной направленности личности, «выступая в качестве одного из системообразующих факторов всей психологической структуры, накладывает отпечаток на многие особенности эмоциональной сферы человека. Эмоциональная сфера, в

свою очередь, оказывает свое воздействие на восприятие человеком окружающей действительности, на его мечты и планы, на выбор деятельности, друзей, любимых, на творчество, на представления о счастье» [цит. по 203, с. 343]. Причем основной содержательной характеристикой эмоций и чувств в юношеском возрасте является будущее. Доминируют эмоции, связанные с ожиданием будущего, «которое должно принести счастье» [276].

Л.И. Божович обращала внимание на развитие мотивационных структур личности в подростковом и юношеском возрасте. Она полагала, что целостная структура личности определяется, прежде всего, ее направленностью, «в основе которой лежит устойчиво доминирующая система мотивов, где основные, ведущие мотивы, подчиняя себе все остальные, характеризуют строение мотивационной сферы человека. Возникновение такого рода иерархической системы мотивов обеспечивает наивысшую устойчивость личности» [31, с. 237].

Центральным звеном в формировании личности является развитие мотивационной структуры человека: его потребностей, желаний, стремлений и намерений. В старшем школьном возрасте потребности ребенка не только увеличиваются в своем числе, но и сами развиваются: они из непосредственных превращаются в опосредованные, приобретая сознательный и произвольный характер. Возникновение опосредованных потребностей (т.е. побуждений, исходящих от сознательно поставленной цели) делает для юноши возможным сознательное управление своими потребностями и стремлениями. Изменения в потребностной сфере происходят на фоне становления морального мировоззрения школьника, которое в юношеском возрасте начинает представлять собой такую устойчивую систему нравственных идеалов и принципов, которая становится постоянно действующим побудителем, опосредствующим всё их поведение. При этом основным новообразованием в мотивационной сфере юношества является то, что «по содержанию на первое место выдвигаются мотивы, связанные с жизненными планами ученика, его намерениями в будущем» [30, с. 418].

В этот период впервые появляется и становится предметом сознания и переживания новая и могучая биологическая потребность – половое влечение. Она, так же, как и все биологические потребности человека, приобретает в процессе развития иной, опосредованный характер, являя себя в форме человеческой любви. Войдя в структуру уже существующих новообразований (интересов, нравственных и эстетических чувств, взглядов и оценок), она формирует отношение к другому полу.

По мнению Л.И. Божович, депривация половой потребности не играет определяющей роли в кризисе подросткового возраста, который, по мнению автора, связан с возникновением в этот период нового уровня самосознания, характерной чертой которого является появление у человека

способности и потребности познать самого себя как личность. Это и порождает у подростка стремление к самоутверждению, самовыражению и самовоспитанию [32, с. 241].

Еще одним важным отличительным признаком юности являются преобразования в сфере самосознания. Так, А.Б. Ананьев пишет: «Преобразование мотивов деятельности и их перспективное «выдвижение» далеко вперед текущей деятельности превращает самосознание подростка и юноши в осознание *будущего* жизненного пути, *будущей* самостоятельной общественно-полезной деятельности, *будущего* характера и таланта» [7, с. 209]*.

Л.А. Регуш экспериментально изучала содержание отражения и переживания будущего в юношеском возрасте. Ею было установлено, что будущее осознается и переживается юношами и девушками как проблема, причем степень переживания будущего как проблемы у молодых людей варьируется от низкой до высокой. При осознании препятствий для реализации значимых событий в будущем молодые люди испытывают разные эмоциональные переживания, такие, как страх, неприятие, сожаление, желание, надежду, решительность. В своей совокупности эти переживания определяют качественный состав переживания будущего как проблемы.

Во временной перспективе значительно преобладает дальняя перспектива – начало взрослой жизни, причем самое большое количество ожиданий приходится на третье десятилетие жизни.

Содержательная наполненность образов будущего отличается преобладанием ориентации на себя, свою личную жизнь, которую они рассматривают как главную ценность: переживания будущего напоминают набор признаков «удачной жизни», которые не связаны между собой, не отражают внутренние стремления и склонности молодых людей. Кроме того, у них отсутствуют представления о способах реализации желаемого. [210, с. 241 – 244].

Подростковый и юношеский возраст традиционно рассматривается как период интенсивного формирования ценностных ориентаций личности. При этом обычно указывают на то, что именно на данном возрастном этапе складываются необходимые предпосылки для их формирования: молодой человек овладевает понятийным мышлением, накапливает достаточно морального опыта, занимает определенную социальную позицию [136, с. 30].

С.С. Бубнова отмечает, что структура ценностных ориентаций в юношеском возрасте чрезвычайно динамична и подвергается качественному изменению каждые 1,5 – 3 года. И если у 17-ти летних в число значимых ценностей входят «стремление к уважению своей

* Выделено Б.Г. Ананьевым.

личности», «познание нового» и «любовь близких», то у 19-ти летних в структуру наиболее значимых ценностей входят «здоровье», «общение» и «любовь». Структура ценностных ориентаций этой возрастной группы не зависит от профессиональной «принадлежности» испытуемых [42, с. 43]. Вместе с тем, в иерархии жизненных планов молодежи дети занимают далеко не первое место. Так по данным Б.И. Говако, только 15 % девушек-студенток считает появление малыша наиважнейшим событием в их ближайшем будущем, при этом данный показатель у них в два раза выше, чем у студентов-юношей [58, с. 136].

Было установлено, что юноши в большей степени ориентированы на такую ценность, как профессиональная карьера, чем семью. Девушки – в равной степени и на ценность семьи, и на ценность профессиональной карьеры [246, с.17]. Многие исследователи отмечают, что ценность «счастливая семейная жизнь» является приоритетной в ряду других жизненных ценностей и для юношей, и для девушек, вместе с тем, ее значимость все же выше для девушек, чем для юношей [42, 200, 203]. По мнению И.В. Дубровиной, ценностные ориентации девушек имеют более сложный сюжет, который определяется их «двойной» ориентацией: на социокультурные традиции, признающие особую важность супружества и материнства для женщин, и на принцип равноправия мужчины и женщины, в том числе, и в выборе профессии [244, с.64].

В.С. Собкин и Н.И. Кузнецова, исследуя ценностные ориентации юношей и девушек, установили, что за пять лет, прошедших между опросами 1991 и 1996 гг., ценность воспитания детей у юношей и девушек практически не изменилась, то значимость счастливой семейной жизни резко снизилась у девушек, а у юношей осталась на том же уровне. Обсуждая полученные результаты в целом, авторы говорят о том, у молодежи 90-х доминируют индивидуалистические ценности, в отличие от юношей и девушек 50-х и 60-х, которым были присущи ценности коллективистского характера [цит. по 200, с. 81-82]. Кроме того, в современной семье в отношении семейных ценностей наблюдается две тенденции. Первая – поляризация ценностных ориентаций среди членов семьи - детей и родителей. Вторая – деформация семейных ценностей и появление отличных от традиционно сложившихся целей, идеалов, убеждений и ожиданий членов семьи. Каждая из этих тенденций оказывает дестабилизирующее воздействие на психологическое здоровье семьи и оказывает влияние на формирование брачных ожиданий и семейных представлений юношей и девушек [264, с. 123].

Последним было посвящено исследование Р.В. Овчаровой, которая установила, что у юношества произошли существенные изменения во взглядах на супружество: в их представлениях уменьшается значимость любви для устойчивости брака. И хотя иерархия факторов успешности брака у юношей и девушек несколько различается, общая направленность

их все же едина. Из ценностей семейной жизни, на первое место молодые люди ставят взаимное уважение, затем – доверие и взаимопонимание, а любовь – лишь на четвертом месте [186, с. 50]. К похожим выводам приходит и И.В. Дубровина с соавторами, однако она несколько сдвигает границу возраста, в котором происходит смена идеальных представлений о семейной жизни на более реальные, в сторону его уменьшения, относя его к 16 – 17 годам [244, с.63].

Р.В. Овчарова полагает, что представления о родительстве юношей отличаются от представлений девушек. Так, в представлениях девушек на первых местах фигурирует любовь, ответственность, внимание и трудности воспитания детей. В представлениях юношей на первых местах находятся проблемы обеспечения будущего для ребенка, затрат времени на воспитание и родительского авторитета. Однако испытуемые не говорят о том, какие личностные качества им придется в себе развить, как нужно работать над собой. И в этом, по мнению автора, отражается узость представлений молодежи о родительстве [186, с. 64].

Оценивая брачно-семейные представления современной молодежи в целом, Т.В. Андреева отмечает в них две негативных особенности: во-первых, молодые люди разделяют и противопоставляют понятия любовь и брак, воспринимая семью как помеху своим чувствам; во-вторых, брачно-семейные представления молодежи характеризует их явная потребительская нереалистичность [10, с. 32].

Необходимо отметить, что в установках многих молодых людей брак ассоциируется только с любовными отношениями и отвлеченной перспективой рождения ребенка, при этом молодые люди не подготовлены к выполнению всего комплекса функций, необходимых в семье [256, с. 85]. Так, по данным Б.И. Говако, у значительной части молодых людей отсутствуют самые элементарные знания и навыки по уходу за маленькими детьми, особенно за грудными [58, с. 135]. Мало того, многие молодые мамы не умеют ухаживать за новорожденными, не могут организовать его питание, диету, ежедневного ухода и нуждаются в помощи [234, с. 207]. А.И. Воднева, обобщая результаты исследования готовности юношей и девушек к выполнению домашних обязанностей, пришла к выводу, что осознанная неподготовленность к семейной жизни и уходу за детьми и их воспитанию существует у двух третей опрошенных юношей и девушек [51, с. 34]. Кроме того, исследователи [43, 51, 112, 146] говорят о том, что репродуктивные установки подростков и юношей являются в основном продуктом стихийно сложившегося, неуправляемого процесса.

Заметим, что определенный опыт родительства, образцы поведения будущие отцы и матери получают в родительской семье и от усилий родительской семьи во многом зависит успешность выполнения юношами и девушками будущей родительской роли. Вместе с тем, матери довольно

редко разговаривают с дочерьми на темы их будущей супружеской и родительской жизни, а отцы крайне редко обсуждают эти вопросы с сыновьями [234, с. 175]. Родители практически освободили детей (особенно в городах) от участия в домашней работе, что еще больше усугубляет их неподготовленность к будущей семейной жизни [221, с. 37]. К.К. Баздырев приводит результаты опроса юношей и девушек 17 и 20 лет, посвященного готовности молодежи к ведению семейного хозяйства: только треть опрошенных ответила, что умеют планировать бюджет семьи и рационально вести домашнее хозяйство [21, с. 72].

Здесь следует заметить, что формирование юношей и девушек – будущих родителей – происходит не только под влиянием родителей, но и общества в целом, вместе с тем, в обществе ширится убеждение о том, что оно не несет ответственности за воспитание человека и формирование системы его ценностных ориентаций, в том числе, и ориентаций семейных. И если во второй половине 80-х и начале 90-х гг. в СССР преподавался курс «Этика и психология семейной жизни», его отсутствие современных в школьных программах негативно сказывается на уровне подготовленности молодежи к семейной жизни [43, с. 42]. Вместе с тем, планирование, разработка и осуществление курса семейно-педагогической тематики не может состояться без точной и достоверной информации о состоянии супружеских и родительских ориентаций подростков и молодежи.

Исходя из всего изложенного выше, можно сделать следующие выводы:

1. Родительство как отцовство и материнство, хотя и имеет корни в биологической природе человека, выступает как средство удовлетворения общественных потребностей, как социальный институт, характер функционирования которого изменяется вместе с изменением общественных формаций.

2. На уровне личности родительство, как социально-психологическое образование представлено системой социальных установок разного уровня обобщения и конкретизации, являющихся частью социальных диспозиций личности.

3. Наиболее доступным для наблюдения компонентом родительства является стиль родительского отношения, который проявляется как реальное поведение родителя по отношению к конкретному ребенку, при этом отношения «родитель – ребенок» носят гендерный характер.

4. В каждом конкретном случае родительство имеет свою онтогенетическую историю, а освоение родительской роли связано с достижением личностью гендерной идентичности; при этом важным этапом его становления является юношеский возраст.

ГЛАВА 2

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И РОДИТЕЛЬСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

2. 1. План эмпирического исследования и его организация

Исходя из сформулированной цели и задач исследования, нами был разработан план эмпирического исследования, апробирован и использован набор психодиагностических методов, процедур и методик.

План эмпирического исследования. Смысл статистических измерений в психологии заключается, по мнению А.В. Либина, в том, чтобы делать предсказания в отношении того, как «поведет» себя та или иная измеряемая переменная, а прогноз в психологии связан с анализом вероятности проявления определенного типа поведения или обнаружения определенного соотношения свойств [162, с. 27]. Такой прогноз возможен только тогда, когда исследователь установит, какой стимул и каким образом влияет на испытуемых и вызывает их ответную реакцию.

Результат поиска такого стимула формулируется в терминах переменных. Под переменной в математике понимается величина, которая может по условиям задачи принимать разные значения, т.е. изменяться или варьироваться. Причем независимой переменной называют ту, которая не зависит от изменений значений других переменных; ею экспериментатор может манипулировать. Зависимой переменной называют любую переменную, значение которой в принципе является результатом изменений в значениях одной или более независимых переменных.

В экспериментальных условиях независимая переменная играет роль предикта, а зависимая – выступает в роли предсказываемой (ожидаемой) реалии [там же, с. 78]. Пол, по мысли В.Н. Дружинина, является «организменной переменной» и относится к числу неизменяемых характеристик испытуемых, т.е. тех, на которые нельзя воздействовать, но которые можно учесть [106, с. 98]. Однако в исследованиях, предполагающих выявление различий, связанных с полом испытуемых, он превращается в основную независимую переменную. Однако, если следовать строгому определению Д. Кемпбелла, исследования, в которых происходит сравнение статистических групп (а к таковым автор относил и группы, выделенные по признаку пола), относятся к исследованиям доэкспериментального плана [134, с. 61]. Вместе с тем, частичный контроль внешних переменных приближает его к квазиэксперименту, которым является «любое исследование, направленное на установление причинной зависимости между двумя переменными» [106, с. 134]. По

мнению Дж. Гудвина, пол, как субъективная переменная, является такой характеристикой, которой исследователь непосредственно управлять не может; но он может организовать процедуру отбора так, чтобы группы испытуемых различались по полу, но по другим показателям уравнивались [67, с. 178]. В таком исследовании основными статистическими показателями «является не мера центральной тенденции, а показатели вариации зависимой переменной» [106, с. 150]. При этом, если в ходе исследования будут обнаружены различия между группами, мы не сможем сказать, что их причиной является субъективная переменная, но сможем говорить о том, что группы различаются по зависимому показателю [67, с. 180]. Для того, чтобы говорить о причинно-следственной зависимости в исследованиях, использующих независимые субъективные переменные, необходим достаточный контроль всех известных к моменту проведения исследования возможных объяснений полученных различий в психологических показателях. Для таких исследований обычно используется схема квазиэксперимента «с контролем после». Главное в нем, - выделить те побочные переменные, которые могут исказить основной исследовательский эффект [154, с. 322].

Таким образом, независимой переменной в исследовании выступал пол испытуемых: мужской или женский. Зависимой переменной – некоторые социально-психологические личностные феномены (диспозиции), обеспечивающие внутреннюю субъективную регуляцию поведения индивида как родителя (в данном случае – будущего).

Для проверки гипотезы исследования нами была использована схема на основе квазиэкспериментального плана «с контролем после». Несмотря на некоторую неэквивалентность групп, сходство их все же подтверждалось результатами предварительного опроса: в состав групп отбирались только те юноши и девушки, которые видят себя в своих жизненных планах и супругами, и родителями. Кроме того, предварительно выяснялось согласие / несогласие испытуемых принять участие в исследовании. В состав групп были включены только те юноши и девушки, которые добровольно и сознательно решили принять в нем участие.

В пилотажном исследовании было установлено, что испытуемые, не имеющие базового образования, плохо ориентируются в задании, - поэтому они были исключены из исследования. Кроме того, из исследования были исключены юноши и девушки, воспитывающиеся в неполных семьях, т.е. те из испытуемых, родители которых проживают отдельно или отсутствуют.

Схема исследования позволила контролировать переменные, представляющие угрозу внутренней валидности: естественное развитие, эффект тестирования, инструментальную погрешность, состав групп, выбывание. Переменная «взаимодействие состава групп с естественным

развитием» не представляла угрозу внутренней валидности ввиду того, что начало существования обеих групп совпадало по времени с отборочным (предварительным) тестированием. Переменные, обусловленные взаимодействием тестирования, а также реакция испытуемых на эксперимент, представляющие угрозу внешней валидности, частично контролировались экспериментальными условиями.

В качестве испытуемых были отобраны лица юношеского возраста. При этом, для девушек возрастные рамки были определены в 16 – 20 лет, а для юношей, - в 17 – 21 год. Все, принявшие участие в исследовании юноши и девушки, на момент исследования являлись учащимися или студентами различных учебных заведений. Возраст и социально-профессиональный статус испытуемых представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Возраст и социальный статус испытуемых, чел.

Возраст испытуемых	Юноши, 127 человек			Всего, в %	Девушки, 130 человек			Всего, в %
	Школа	ССУЗ	ВУЗ		Школа	ССУЗ	ВУЗ	
16	—	—	—	—	4	14	—	13,8
17	12	24	2	29,9	17	27	4	36,9
18	4	26	15	35,4	1	12	18	23,8
19	—	6	13	14,9	—	3	19	17,0
20	—	3	12	12,0	—	—	11	8,5
21	—	1	9	7,8	—	—	—	—
Всего, в %	12,6	47,2	40,2	100	16,9	43,1	40,0	100

По нижеследующим параметрам испытуемых просили определить социально-экономический статус своих семей:

	Юноши	Девушки
- денег хватает только на продукты питания, семье время от времени приходится залезать в долги;	14,9 %	13,1 %
- денег хватает только на необходимые вещи, в долг не берем;	65,5 %	64,6 %
- семья может позволить себе летний отдых на море, покупку дорогих вещей (компьютер, видеокамера);	19,6 %	20,0 %
- семья может позволить себе покупку дорогих вещей (например, новой автомашины), поездку за границу.	--	2,3 %

Испытуемых просили оценить свои жилищные условия. Оказалось, что 92,1 % семей юношей и 87,7 % семей девушек проживают в отдельной квартире или собственном доме только своей семьей; 7,1 % и 10,8 % семей соответственно проживают с прародителями (бабушками и/или дедушками); 0,8 % и 1,5 % семей соответственно проживают в общежитии.

Наибольшее число испытуемых происходит из двухдетных семей – 68 юношей (53,5 %) и 67 девушек (51,5 %); из однодетных семей происходит соответственно 45 (35,4 %) и 49 (37,6 %); из семей трехдетных происходит 9 юношей (7,1 %) и 12 (9,2 %) девушек; наименьшее число испытуемых

происходит из семей с более чем тремя детьми: 5 (4 %) юношей и 2 (1,7 %) девушек.

Организация и проведение исследования. Основное исследование проводилось нами в апреле 2003 года на базе Витебского государственного университета, Витебского политехнического колледжа и Средней школы № 4 г. Витебска. Для уточнения данных, полученных в результате основного исследования, в сентябре 2004 г. нами было проведено дополнительное исследование, в котором приняло участие 121 юноша и 124 девушки в возрасте 18-19 лет, студенты Витебского государственного университета и Витебского станко-инструментального колледжа. Исследование было направлено на выявление гендерных различий в структуре ценностных ориентаций и семейных ценностей юношей и девушек.

2. 2. МЕТОДЫ, МЕТОДИКИ И ПРОЦЕДУРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Приступая к подбору и апробации методов и методик исследования, мы руководствовались положением о том, что общественное сознание, общественные и психологические отношения людей поддаются всестороннему изучению и анализу с помощью специальных методов и методик исследования, разработанных социально-психологической наукой [154, с. 15].

Учитывая сложность таких социально-психологических образований личности как идеал, социальные представления и социальные установки и то, что пока еще нет универсальных методик, которые позволили выявить все их компоненты, при конструировании и подборе методик исследования мы прибегли к сочетанию в них различных методов социально-психологического исследования, позволяющих выявить их вербальную проекцию.

Методика изучения гендерных идеалов и образов семьи представляла собой сочетание методики «Порождения прилагательных» с процедурой контент-анализа.

Методика «Порождения прилагательных» представляет собой модификацию приема «Контрольного списка» (в отечественной практике известного как метод «Подбора черт»). В отличие от последнего, где испытуемому предъявляется список прилагательных, из которых следует выбрать понравившиеся, здесь испытуемый сам составляет список прилагательных, при помощи которых он и описывает предъявленный ему стимул. Методика оказалась эффективной при изучении социальных стереотипов. Она позволяет избежать «включения у испытуемых контролируемого когнитивного процесса, вызванного предъявлением стимула, при котором «человек активно думает о том, укладывается ли определенная черта в схему его представлений» [181, с. 167].

Анализ документов можно представить как процесс осмысления информации о социально-психологических явлениях и процессах, которые содержатся в различного рода источниках, что предполагает изучение через содержание сообщений социально-психологических особенностей их создателей (как отдельных индивидов, так и групп), в том числе скрытых (порой неосознаваемых) тенденций, дающих о себе знать лишь кумулятивно, раскрывающих себя в потоке сообщений [261, с. 224]. При этом процедура контент-анализа, позволяет перевести в количественные показатели текстовую информацию с последующей статистической ее обработкой [274, с. 123].

Использованный нами «Метод умножения прилагательных» позволил получить от испытуемых описания предложенных им слов-стимулов без предварительного навязывания определенной модели изложения, фиксируя только способ изложения. Этим, как нам думается, удалось добиться определенной «естественности» их ментальных построений в вербализированной их проекции. Здесь следует заметить, что испытуемые не ограничивались только прилагательными: в целом ряде работ были использованы различные их эквиваленты: существительные, отдельные словосочетания, фразеологические словосочетания и предложения.

Полученный материал подвергся процедуре контент-анализа, причем к каждой гендерной паре была приложена своя особенная схема описания, включающая в себя несколько тем, объединяющих прилагательные (или их эквиваленты) сходного смыслового значения. Тема, вернее, ее представленность у того или иного испытуемого служила единицей счета в процедуре контент-анализа. Здесь заметим, что представленность той или иной темы в описании каждого образа-идеала, по нашему мнению, во-первых, как бы «маркирует» личностно значимые сферы жизнедеятельности и те ситуации межличностного общения, в которых она проявляется; во-вторых, выстраивает систему гендерных предпочтений юношей и девушек; в-третьих, определяет те принципы и критерии оценивания, которыми руководствуются юноши и девушки, как в отношении самих себя, так и в отношении представителей определенных гендерных групп, – их потенциальных партнеров по взаимодействию; в-четвертых, являют, хотя и неявным образом, те источники, из которых лица юношеского возраста могут формировать свои идеалы и, в том числе, брачно-семейные.

Анализ экспериментального материала шел как в отношении содержания того или иного критерия (темы), так и в отношении его количественной представленности. Представленность темы определялась числом испытуемых, использовавших ее в своих описаниях. При этом «структура» коллективно построенного образа высчитывалась в процентах представленности данной темы по отношению к общему объему тем, поданных испытуемыми по каждому образу-идеалу.

Различия между группами испытуемых, а также внутри групп по отношению к полу объекта описания, устанавливались при помощи многофункционального критерия Фишера «ф». Помимо процентной, для каждого образа устанавливалась и ранговая структура; при этом высший ранг – первый – присваивался теме, набравшей наибольший объем от общего объема тем, поданных испытуемыми по данному образу-идеалу, и, соответственно, наименьший ранг присваивался теме, набравшей наименьший объем.

В целях определения согласованности гендерных идеалов юношей и девушек, ранговые структуры одноименных образов сравнивались между собой при помощи коэффициента конкордации (W) М. Кендалла и Б. Смита.

Испытуемым была дана инструкция: «К каждому слову-стимулу подберите прилагательные (или их эквиваленты), которые обозначают качества, которыми должны обладать, с вашей точки зрения, их носители». Время выполнения задания и его объем строго не лимитировалось.

Методика изучения представлений о родительстве представляла собой сочетание методов неформализованного опроса и анализа документов; она предлагала контент-анализ сочинений испытуемых на тему: «Быть родителем... Что это значит лично для меня».

Для исследования структуры родительских воспитательных установок была использована анкета Г.В. Акопова «Моя семья», которая основана на принципе проекции [5]. Особенностью проективных процедур есть то, что стимулирующая ситуация приобретает смысл не в силу ее объективного содержания, но по причинам, связанным с субъективными наклонностями и влечениями испытуемого, т.е. вследствие субъективированного, личностного значения, придаваемого ситуации испытуемым. Испытуемый как бы «проецирует свои свойства в ситуацию» [225, с. 21].

Анкета «Моя семья» представляет собой опросник, включающий две серии незавершенных предложений, по 10 в каждой. Каждая из серий структурируется в шесть блоков суждений. В первом блоке определяются желаемые (нежелаемые) формы поведения детей (родительская индивидуально-психологическая интенция «Я хочу, чтобы мой сын /дочь/...»); во втором – целевые установки в их социально-психологической интенции («Для меня, важно, чтобы сын /дочь/...»); в третьем, – эмоционально значимые сферы детско-родительских взаимоотношений («Я расстроен (рад), когда сын /дочь/...»); в четвертом – воспроизводится реакция родителей на ситуации затруднения у детей («Если моему сыну будет трудно, то я...»); в пятом – моделируются ситуации несогласия детей и выявляются соответствующие формы встречной активности родителей («Если мой сын будет не согласен со мной, то я ...»). И, наконец, в шестом блоке незаконченных предложений

моделируется реакция родителей на поведение детей, не одобряемое ими (Когда сын /дочь/ сделает что-то не так, то я...»). Таким образом, в вербальной проекции родительских установок содержится все три компонента аттитюда.

Испытуемым была дана инструкция: «Прочитайте и закончите следующие незавершенные предложения, представив, что вы их высказываете по отношению к своим будущим сыну и дочери».

Анализ экспериментального материала проводился как в отношении содержания высказываний, так и в отношении их объема.

Классификация схожих по содержанию ответов позволила определить для каждого из шести блоков суждений его эмпирическую структуру. При этом межгрупповые различия, а также различия внутри групп, связанные с полом ребенка устанавливались при помощи многофункционального χ^2 – критерия Фишера.

Методика исследования родительских установок и реакций. Нами был использован опросник «Измерение родительских установок и реакций» (PARY) Е. Шефера, направленный на изучение наиболее общих особенностей родительского воспитания. Достоинством опросника является то, что он не связан с установками на воспитание конкретного ребенка. Испытуемые выражают свое мнение, касающееся воспитания детей вообще, что позволяет учесть их установки априорно [17, с. 144].

Опросник PARY (4-я форма) включает 115 утверждений, касающихся семейной жизни и воспитания детей. В него заложены 23 шкалы, в каждой из которых по 5 вопросов. Есть шкалы, связанные между собой. Опросник объединяет следующие шкалы: 1) Предоставление ребенку возможности высказаться; 2) Оберегание ребенка от трудностей; 3) Мать, которая выступает только в роли хозяйки дома; 4) Подавление воли ребенка; 5) «Жертвенность» родителей; 6) Страх причинить вред ребенку; 7) Супружеские конфликты; 8) Строгость родителей; 9) Раздражительность родителей; 10) Зависимость ребенка от матери; 11) Поощрение зависимости ребенка от родителей; 12) Подавление агрессивности ребенка; 13) «Мученичество» родителей; 14) Равенство родителей и ребенка; 15) Поощрение активности ребенка; 16) Избегание общения с ребенком; 17) Невнимательность мужа к жене; 18) Подавление сексуальности ребенка; 19) Власть матери; 20) Навязчивость родителей; 21) Товарищеские отношения между родителями и детьми; 22) Ускорение развития ребенка; 23) Необходимость посторонней помощи в воспитании ребенка.

Поскольку опросник PARY в нашей стране не использовался на выборках из лиц юношеского возраста, нами была проведена его процентильная стандартизация, результаты которой представлены в Приложении 5. Надежность опросника для юношеской выборки была проверена при помощи повторного тестирования на выборке из 25 юношей и 25 девушек. Коэффициенты корреляции лежали в следующих пределах:

для юношей $r = 0,606 - 0,855$; для девушек $r = 0,639 - 0,860$. В целом показатели надежности были признаны достаточными

Методика диагностики ценностных ориентаций. Иерархия ценностных ориентаций определялась в нашем исследовании наиболее распространенной в современной психологической литературе методикой М. Рокича, адаптированной для отечественной выборки А. Гоштаутасом, Н.А. Семеновым, В.А. Ядовым, которая основана на ранжировании списков терминальных и инструментальных ценностей. При этом под терминальными ценностями понимались убеждения о том, что та или иная конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться, а инструментальные ценности рассматривались как убеждения в том, что какой-то образ действий или личностная особенность является предпочтительной в любой ситуации. Такое понимание этих ценностей соответствует ставшему традиционным делению ценностей на ценности-цели и ценности-средства [217, с. 208].

Оригинальная методика предполагала ранжирование перечисленных в произвольном порядке 18 терминальных и 18 инструментальных ценностей. Однако стандартная процедура принудительного ранжирования была заменена нами привычной для испытуемых 5-балльной шкалой: каждую из перечисленных ценностей испытуемый должен был оценить по 5-балльной шкале с точки зрения ее значимости для него как цели жизни. При этом в инструкции подчеркивалось, что каждая ценность баллируется отдельно в соответствии с ее значимостью.

Методика исследования семейных ценностей представляла разработанный нами «Опросник семейных ценностей». Теоретической основой Опросника послужил проведенный М.С. Мацковским [170] анализ семейных.* Поисковый эксперимент позволил проанализировать суждения юношей и девушек о семейных ценностях, в результате чего было определено три блока семейных ценностей, по 10 суждений в каждом, которые отражали семейные ценности по отношению к их направленности на общество, на семью и на личность.

Надежность опросника для юношеской выборки была проверена при помощи повторного тестирования на выборке из 25 юношей и 25 девушек. Коэффициенты корреляции лежали в следующих пределах: для юношей $r = 0,830 - 0,915$; для девушек $r = 0,785 - 0,920$. В целом показатели были признаны достаточными.

* Подробнее см. Гл. 1.3. настоящей работы.

ГЛАВА 3

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И РОДИТЕЛЬСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК: РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

3. 1. НАПРАВЛЕННОСТЬ И ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ: АНАЛИЗ ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Логика изложения требует помещения результатов исследования ценностных ориентаций (ЦО) и их обсуждения в качестве введения в проблему гендерных различий семейных ценностей и родительских ориентаций в юношеском возрасте.

Для целей исследования была использована известная методика М. Рокича, включающая списки терминальных (Т-ценностей) и инструментальных (И-ценностей) ценностей. Испытуемым было предложено оценить каждую из них по пяти-балльной шкале в зависимости от ее значимости для испытуемого как цели жизни. Таким образом, стандартная процедура принудительного ранжирования, предложенная в оригинальной методике, была заменена нами менее трудоемкой и более привычной для испытуемых 5-балльной шкалой. По «ступеням» значимости ценности распределялись в зависимости от своего среднего балльного «веса». При этом средний балл определялся путем деления суммы всех оценок по этой ценности на число испытуемых в группе. Ценности, организованные сообразно полученным ими значениям, образовали иерархические структуры Т-ценностей и И-ценностей юношей и девушек. Высший ранг (1-й) присваивался ценности, набравшей наибольший средний балл, а низший (18-й) – ценности, набравшей соответственно самый наименьший.

В соответствии с целями исследования было поставлено несколько задач: во-первых, определить иерархическую структуру ЦО юношей и девушек отдельно для Т-ценностей и И-ценностей; во-вторых, выявить гендерные особенности дифференциации ценностей в юношеском возрасте; в третьих, определить согласованность иерархий ценностей между группами юношей и девушек, в четвертых, проанализировать место семейных ценностей в структуре ценностных ориентаций юношей и девушек.

Мы воспользовались схемой интерпретации, предложенной И.В. Дубровиной и соавторами. Исследователи исходили из положения о том, что ценности, попавшие в верхнюю часть этой структуры, определяют ведущую, основную ориентацию юношей и девушек на те или иные цели деятельности, что позволяет содержательно охарактеризовать

направленности личности испытуемых. Ценности, расположенные в нижней части, также характеризуют направленность личности, так как указывают на незначимость содержащихся в них целей. Ценности, сгруппировавшиеся в середине иерархической структуры, хотя и малоинформативны, но, вместе с тем, добавляют штрихи к общей оценке содержательной стороны ЦО личности [244, 245].

Полученные нами данные позволяют представить иерархическую структуру основных Т- и И-ценностей юношей и девушек.

Для юношей высшие баллы среди Т-ценностей получили «здоровье» (4,86 – здесь и далее – средний балл), «наличие хороших и верных друзей» (4,60), «интересная работа» (4,55). Середину иерархии (ранги с 8-го по 13-тый) ценностей у юношей заняли такие из них, как «счастливая семейная жизнь» (4,36), «свобода, самостоятельность» (4,34), «жизненная мудрость» (4,29), «возможность расширения кругозора» (4,26), «развитие, работа над собой» (4,21), «любовь» (4,01). Замыкают иерархию Т-ценностей «переживание прекрасного в природе и искусстве» (3,64) и «возможность творческой деятельности» (3,62).

В иерархии Т-ценностей девушек ценность «здоровье» также занимает первое место, ее средний балл составил 4,77. Следующими в иерархии по их «весу» поставлены «счастливая семейная жизнь» (4,76) и «любовь» (4,66).

В середине иерархии Т-ценностей у девушек расположились «свобода, самостоятельность» (4,37), «активная деятельная жизнь» (4,13), «продуктивная жизнь» (4,12), «возможность расширения своего кругозора» (4,10), «развлечения» (4,08), «развитие, работа над собой» (4,05). Замыкают список (ранги 16 - 18) - «возможность творческой деятельности» (3,77), общественное признание (3,74) и «переживание прекрасного в природе и искусстве» (3,50).

Аналогично Т-ценностям были распределены по 18-ступенчатой ранговой шкале и И-ценности испытуемых.

У юношей возглавляют иерархию такие ценности, как «умение здраво рассуждать», «ответственность» и «образованность» (соответственно – 4,45, 4,44 и 4,36).

Средние позиции в структуре И-ценностей юношей занимают «чуткость» (4,30), «честность, искренность» (4,28), «умение настоять на своем» (4,27), «чистоплотность» (4,26), «трудолюбие, продуктивность в работе» (4,25), «исполнительность, дисциплинированность» (4,13), «умение понять чужую точку зрения» (4,16).

У девушек первые три позиции в иерархии И-ценностей занимают «чистоплотность», «воспитанность» и «чуткость» (соответственно – 4,58, 4,45 и 4,40). Средние позиции в иерархии И-ценностей у девушек занимают такие из них, как «смелость в отстаивании своих взглядов» (4,28), «образованность» (4,26), «умение настоять на своем» (4,21),

«независимость» (4,19), «жизнерадостность» (4,18), «исполнительность, дисциплинированность» (4,13).

И, наконец, замыкают иерархию И-ценностей и у юношей, и у девушек, ценности «терпимость» (юноши - 3,72; девушки - 4,06), «высокие запросы» (3,66 и 3,74 соответственно) и «нетерпимость к недостаткам в себе и другим» (3,64 и 3,23 соответственно). Как видно из приведенных данных, малоценными и незначимыми и для юношей, и для девушек, оказались одни и те же ценности.

Попытаемся на основе полученных данных сконструировать ценностно-ориентационный портрет исследуемых групп юношей и девушек.

Для юношей он будет выглядеть следующим образом. Главное в жизни – здоровье и наличие хороших друзей, при условии, что имеешь интересную работу. Совсем неплохо быть уверенным в себе. Но этого можно добиться только на основе продуктивной, деятельной жизни. Вполне возможно, что все это может составить основу материального благосостояния. Хотя счастливая семейная жизнь и привлекательна, но дорога и свобода. Возможно, есть люди, мечтающие обрести любовь и связывающее свое счастье со счастьем и благосостоянием других. С этим можно согласиться, если предстоящие заботы будут такими же необременительными, как развлечения. И уж совсем не стоит тратить время на переживание прекрасного в природе или искусстве, тем более – расстраиваться, когда нет возможностей реализовать себя в творческой деятельности.

Главными целями-средствами должны стать умение здраво рассуждать и ответственность, а для этого необходимо получать образование. Неплохо быть независимым и смелым в отстаивании своих взглядов, но при этом сохранить жизнерадостность при условии, что все – под контролем. Воспитанность и исполнительность, несомненно, важные качества успешного в своем деле человека, но вполне можно обойтись и без них, тем более, если твои запросы невелики. И уж совсем не нужно обременять себя нетерпимостью к недостаткам, и своим, и чужим, впрочем, и терпимостью к ним не следует себя особо обременять.

Ценностно-ориентационный портрет девушек будет выглядеть примерно так. Главное в жизни – здоровье и счастливая семейная жизнь, основанная на любви. Работа тоже важна, ведь она дает возможность обеспечить себя материально. При этом неплохо, если рядом всегда будут надежные друзья. Думать о счастье и благосостоянии других - важно, но пока с этим можно и не спешить, и, тем более, не следует беспокоиться об общественном признании или тратить время на переживание прекрасного в природе или искусстве.

Средства-цели, на которые ориентированы девушки, можно представить следующим образом. Главное – чистоплотность и

воспитанность, но при этом важно быть чутким и ответственным. Умение здраво рассуждать, трудолюбие – все это может способствовать успеху, но при этом неплохо было бы получить и образование. Не следует обременять себя ни излишним самоконтролем, ни нетерпимостью к своим недостаткам, к недостаткам других, впрочем, быть терпимым к ним также не стоит. Пожалуй, следует отказаться от высоких запросов и не тратить времени на переживание прекрасного в природе и искусстве.

Статистическая значимость различий устанавливалась при помощи t-критерия Стьюдента. В направленности терминальных ценностей были обнаружены следующие различия. Так юноши более ориентированы на такие ценности, как «активная деятельная жизнь» ($p < 0,001$), «жизненная мудрость» ($p < 0,001$), «продуктивная жизнь» ($p < 0,001$). Девушки в большей степени ориентированы на такие ценности, как «любовь» ($p < 0,001$) и «семейная жизнь» ($p < 0,001$). В направленности инструментальных ценностей были выявлены следующие различия. Юноши, в большей степени, чем девушки, ориентированы на ценности «непримиримость к недостаткам в себе и других» ($p < 0,001$) и «самоконтроль» ($p < 0,001$), а девушки – «чистоплотность» ($p < 0,001$), «воспитанность» ($p < 0,01$) и «терпимость». ($p < 0,01$).

Выявленные различия могут говорить о несколько большей «инструментальной» направленности юношей, которая предполагает их большую активность, рациональность и агрессивность, и несколько большую «экспрессивную» направленность девушек, выражающуюся в их большей ориентированности на других, что согласуется с традиционным прочтением мужественности и женственности.

Рассмотрим, насколько согласуются ЦО юношей и девушек с традиционными представлениями о том, что должно для мужчины, и что – для женщины.

Для юношей главное – работа, активная и продуктивная жизнь, то есть все то, что лежит за пределами семейного круга. И методы, достойные поставленных целей выбираются ими: рассудительность и ответственность. При этом, семья для них выступает как традиционный «тыл», что вполне вписывается в традиционную схему мужской успешности.

Девушки, на первый взгляд, также традиционны, заявляя о том, что семья и любовь являются приоритетными. Но, при этом, ценность работы для них не ниже, чем для юношей. Если учесть, что к вполне традиционным для женщин целям-средствам воспитанности и чуткости они добавляют ответственность и умение здраво рассуждать, то станет ясно, что они совершенно не вписываются в традиционную схему женского успеха: «семья – муж – ребенок». То есть, что они готовы строить свое счастье своими руками, и больше не ждут «принцев».

В подтверждение высказанных положений обратимся к рассмотрению согласованности иерархий ЦО юношей и девушек. Использование коэффициента конкордации Кендалла позволяет утверждать, что иерархии терминальных и инструментальных ценностей юношей и девушек согласованы между собой при $p < 0,1$. Иначе говоря, выявленные различия не позволяют говорить о том, что иерархии ценностных ориентаций юношей и девушек принципиально различаются между собой. Это, на наш взгляд, может говорить о том, что базовые принципы социализации мальчиков (юношей) и девочек (девушек) уже в полной мере не учитывают традиционных социокультурных стереотипов о том, что социально должно для мужчин и для женщин.

Обратим внимание еще на один момент. В иерархии ЦО юношей и девушек ценность «счастливая семейная жизнь» занимает достаточно высокий ранг. Вместе с тем, ценность «счастье и благосостояние других» и у юношей, и у девушек занимает одну из самых нижних позиций. Согласно принятой нами трактовке, это может указывать на незначимость этой ценности для испытуемых. В связи с этим можно предположить, что, во-первых, и юноши, и девушки ориентируются преимущественно на индивидуалистские ценности (в первую очередь – на ценности личной социальной успешности); во-вторых, и юноши, и девушки вступление в брак рассматривают с точки зрения удовлетворения своих собственных потребностей, а не потребностей другого, что согласуется со ставшим всеобщим мнением о все большем возрастании психологических функций семьи; в-третьих, это может указывать и на то, что вступление в брак и создание семьи еще не является для них актуальным. Впрочем, два последних положения все же требуют дополнительной проверки.

Полученные данные позволяют утверждать, что юноши преимущественно ориентированы на традиционно мужские, для нашей культуры, ценности, а девушки – на ценности, как традиционно женские, так и традиционно мужские. Хотя ценность семьи достаточно высока и для юношей, и для девушек, ориентация на нее выстроена на фоне общей доминирующей у молодых людей направленности на ценности индивидуализма.

3. 2. ОБРАЗЫ СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Для изучения образов семьи у юношей и девушек мы использовали методику «Порождения прилагательных». Испытуемых просили записать прилагательные, которые описывали бы наиболее привлекательные, с точки зрения испытуемых, качества и признаки семьи. Полученный материал подвергся процедуре контент-анализа. (См. Табл. 2).

В результате анализа было выделено восемь тем, объединяющих в себя близкие по смыслу прилагательные. Прежде всего была выделена

большая группа прилагательных, которые были организованы в две большие темы: а) прилагательные, представляющие внешнюю (социальную) оценку: образованная, интеллигентная, (добро-)порядочная, (благо-)пристойная, самостоятельная, гармоничная; в) прилагательные, отражающие внутреннюю (индивидуальную) оценку: хорошая, счастливая, привлекательная, честная и подобные.

В третью тему были объединены прилагательные, представляющие взаимосвязь семьи с ее социальным окружением и раскрывающие характер этой взаимосвязи: открытая, дружелюбная, гостеприимная.

Четвертую тему составили слова, характеризующие материальное положение и достаток семьи: богатая, обеспеченная.

К пятой теме были отнесены прилагательные, отражающие структурное единство (статическое) семьи, нерушимость связей, ее составляющих, неизменность и стабильность ее структурных элементов: крепкая, сплоченная, стабильная, нерушимая, бесконфликтная.

Нами была выделена большая группа прилагательных, выражающих единство семьи как динамической системы, которые были организованы в две темы: а) эмоциональная стабильность семьи: понимающая, прощающая, бескорыстная, искренняя, радостная, и, б) ролевая стабильность: заботящаяся, помогающая, защищающая, поддерживающая, принимающая.

Восьмую тему составили определения, указывающие на детность семьи: многодетная, большая.

Таблица 2

Структура образа «идеальная семья» у юношей и девушек

Тема	Юноши		Девушки	
	Ранг	В %	Ранг	В %
Социальная оценка	3	16, 09	4	12, 79
Индивидуальная оценка	2	16, 78	2	19, 52
Связь с социумом	6	7, 36	7	4, 77
Материальный статус	7,5	4, 37	6	5, 86
Структурная стабильность	4	13, 10	3	17, 57
Эмоциональная стабильность	1	26, 21	1	27, 35
Ролевая стабильность	5	11, 72	5	11, 06
Детность семьи	7,5	4, 37	8	1, 08
Объем тем	365	100	412	100

Анализ полученного материала шел как в отношении содержания той или иной темы, так и в отношении ее количественной представленности. Представленность темы определялась числом испытуемых, использовавших ее в своих описаниях. При этом структура образа высчитывалась в процентах представленности данной темы по отношению к общему объему тем, поданных испытуемыми.

Различия между группами испытуемых устанавливались при помощи многофункционального критерия Фишера «ф». Помимо процентной, устанавливалась и ранговая структура. При этом высший ранг – первый – присваивался теме, набравшей наибольший объем от общего объема тем, предложенных испытуемыми, и, соответственно, наименьший ранг присваивался теме, набравшей наименьший объем.

В целях определения согласованности представлений юношей и девушек, ранговые структуры образов сравнивались между собой при помощи коэффициента конкордации (W) М. Кендалла и Б. Смита.

Были выявлены различия в представленности темы «Детность»: юноши чаще, чем девушки, указывают на многодетность, как на привлекательное качество идеальной семьи ($p < 0,04$). Приведенные различия могут свидетельствовать о том, что юноши в своих представлениях об идеальной семье в большей степени ориентируются на социокультурные предписания, которые закрепляют за женщиной в семье первую очередь материнские функции.

Следует отметить, что девушки чаще юношей указывают индивидуальную оценку семьи, нежели социальную ($p < 0,06$). Преобладание индивидуальных (семья для меня) оценок над социальными (семья для мира) у девушек и примерно равное число социальных оценок и индивидуальных у юношей свидетельствует о большей значимости оценки семьи обществом для юношей, чем для девушек. С одной стороны, это может быть свидетельством большей направленности юношей (как мужчин) на внесемейное общение, а, с другой, может свидетельствовать и о равной зависимости юношей в своих оценках собственной семьи, как от внешней ее оценки, так и от своего субъективного опыта семейного опыта а, следовательно, и несколько большую, чем у девушек, зависимость их представлений об идеальной семье от социокультурной традиции.

Применение коэффициента конкордации позволило установить, что образы семьи у юношей и девушек согласованы между собой ($p < 0,1$).

Таким образом, семья в сознании юношей и девушек предстает как структурное и динамическое единство ролевых и эмоциональных отношений, качество и характер которых должны соответствовать как внутренней субъективной оценке ее членов, так и оценке социума, частью которого она является.

Предложенные юношами и девушками прилагательные можно рассматривать как своеобразные принципы, в соответствии с которыми молодые люди хотели бы строить свою будущую семейную жизнь, т.е. как отражение их семейных ценностей.

В связи с этим, все темы были организованы в три большие группы. В первую вошли прилагательные, представляющие социальную оценку семьи и ее связь с социумом, - они рассматривались как отражение семейных ценностей в их ориентации на общество. Вторую группу

составили темы, отражающие материальный достаток семьи, ее структурную и ролевую стабильность и детность, - все они рассматривались как отражение семейных ценностей в их ориентации на семью. В третью группу были организованы прилагательные, представляющие индивидуальную оценку семьи и ее эмоциональную стабильность, они рассматривались как отражение семейных ценностей в их направленности на личность. (См. табл. 3).

Таблица 3

Структура семейных ценностей юношей и девушек, в %

Тип семейных ценностей	Юноши	Девушки
Направленность на общество	23,45	17,56
Направленность на семью	33,56	35,57
Направленность на личность	42,99	46,87

Предложенные юношами и девушками прилагательные можно рассматривать как некие принципы, на которых они хотели бы организовать свои будущие семьи, т.е. они могут служить своеобразным отражением их семейных ценностей. Таким образом, по своему психологическому смыслу семейные ценности юношей и девушек имеют социальную, социально-психологическую и индивидуально-психологическую нормативно-регулятивную направленность.

Как видно из приведенной таблицы, в структуре семейных ценностей, ценности, отражающие направленность семьи на личность, имеют наибольший удельный вес, а ценности, отражающие направленность семьи на общество, - наименьший. Это может свидетельствовать о том, что в своих представлениях об идеальной семье, юноши и девушки руководствуются, прежде всего, своими индивидуальными потребностями и, прежде всего, потребностями в личном психологическом комфорте. Кроме того, выявленный факт может свидетельствовать о продолжающейся (и закрепившейся) тенденции, - эволюции семьи от социального института, с жестко заданной структурой и системой ролей, к психологической группе, с преобладанием в ней функций, обеспечивающих психологический комфорт ее членов

Для уточнения полученных данных, в дополнительном исследовании, юношам (121 чел.) и девушкам (124 чел.) был предложен «Опросник семейных ценностей», состоящий из трех серий вопросов, отражающих все три уровня в организации семейных ценностей.

Испытуемым было предложено оценить каждую из них по пяти-балльной шкале в зависимости от ее значимости. По «ступеням» значимости ценности распределялись в зависимости от своего среднего балльного «веса». При этом средний балл определялся путем деления суммы всех оценок по этой ценности на число испытуемых в группе. Ценности, организованные сообразно полученным ими значениям,

образовали иерархические структуры каждого из трех блоков семейных ценностей юношей и девушек. В каждом из блоков высший ранг (1-й) присваивался ценности, набравшей наибольший средний балл, а низший (10-й) – ценности, набравшие соответственно самый наименьший. Результаты представлены в Таблицах 4,5,6.

В таблице 4 представлены результаты ранжирования семейных ценностей в их отношении к социальному окружению.

Таблица 4

*Структура семейных ценностей юношей и девушек
в их отношении к социальному окружению*

Наименование ценности	Юноши		Девушки	
	Ранг	Ср. вес	Ранг	Ср. вес
Проживание отдельно от родителей, наличие собственного жилья	1	4,68	1	4,87
Совместный внесемейный отдых	2	4,07	3	4,15
Добрые отношения и поддержка со стороны родственников	3	3,95	2	4,16
Приятие со стороны матери и отца супруга (супруги)	4	3,82	4	4,12
Уважение со стороны сослуживцев, коллег по работе	5	3,55	8	3,18
Наличие общих друзей и знакомых	6	3,54	5	3,55
Совместное участие в общественной жизни	7	3,35	6	3,46
Одинаковое социальное положение мужа и жены	8	3,18	7	3,34
Дружеские отношения с соседями	9	3,10	9	2,88
Приверженность национальным традициям	10	2,76	10	2,79
Суммарный вес ценностей	X	36,04	X	36,55

Из данных, приведенных в вышеназванной таблице, видно, что иерархии семейных ценностей в их ориентации на социальное окружение и у юношей, и у девушек достаточно близки между собой. Молодые люди ценят, прежде всего, самостоятельность и независимость от родителей. Наименее значимыми для них оказались ценности, связанные с приверженностью национальным традициям, а также, ценности статуса, принадлежность к одинаковому социальному статусу, то есть, отрицается «выход» на самый широкий социальный контекст. При этом, ценность отношений с родителями и родственниками все же выше, чем ценность друзей и коллег по работе.

Было установлено, что иерархии семейных ценностей в их отношении к социуму у юношей и у девушек согласованы между собой ($p < 0,05$).

Значительно большие различия выявлены в иерархиях семейных ценностей в их направленности на семью. Так, если для юношей наибольшим «весом» обладают ценности, связанные с сексуальной

жизнью супругов – «регулярность сексуальных отношений» и «верность супругов в браке», то для девушек, - «взаимное уважение» и «воспитание детей». При этом, и для юношей, и для девушек наименее значимы оказались одни и те же ценности: «общие интересы и вкусы» и «сходство религиозных и политических убеждений» и это, на наш взгляд, отражение социальной пассивности молодых людей, желание свести свою социальную активность к минимуму.

Средние позиции занимают ценности, связанные с взаимоотношением супругов, распределением ролей в семье и выражающие стабильность ее эмоционально-психологического фона. (См. Табл. 5).

Таблица 5

*Иерархия семейных ценностей юношей и девушек
в их направленности на семью*

Наименование ценностей	Юноши		Девушки	
	Ранг	Ср. вес	Ранг	Ср. вес
Регулярность сексуальных отношений	1	4,75	6	4,43
Верность супругов в браке	2	4,70	3	4,70
Взаимное уважение, понимание, терпение	3	4,69	1	4,83
Материальный достаток	4	4,57	4	4,61
Наличие детей, их совместное воспитание	5	4,55	2	4,71
Согласие в решении семейных проблем	6	4,47	5	4,50
Стабильность, ровность отношений	7	4,05	8	4,04
Согласие в распределении семейных обязанностей	8	4,04	7	4,13
Общие интересы, вкусы и эстетические предпочтения	9	3,70	9	3,73
Сходство религиозных и политических убеждений	10	2,62	10	2,93
Суммарный вес	X	42,18	X	42,66

Было установлено, что иерархии семейных ценностей в их направленности на семью у юношей и у девушек согласованы между собой ($p < 0,1$).

В иерархиях семейных ценностей, в их направленности на личность у юношей и девушек наблюдаются значительные различия. Хотя самый высокий (1-й) и самый низкий (10-й) ранги у них занимают одни и те же ценности, - «сексуальная удовлетворенность» и «ответственность за других», - но уже вторые позиции неким образом противостоящие друг другу: «чувство того, что кому-то нужен» и «возможность быть самим собой»; третьи позиции, - «свобода принятия решений» и «чувств заботы, локтя», - опять же, как бы противостоят между собой. Следует отметить, что этот уровень семейных ценностей в своей иерархии достаточно противоречив и у юношей, и у девушек. Так, юноши, ставя на 2-ю позицию ценность «чувство того, что кому-то нужен» как бы отрицают ее в 8-й

позиции (ценность «ощущение заботы»). То есть, с одной стороны утверждают ценности коллективизма, с другой, - отрицают их. Девушки, ставя на 2-ю позицию иерархии ценность «возможность быть самим собой», тем самым, утверждают ценность индивидуализма, но, поставив на 9-ю позицию ценность «свобода в принятии решений» эти ценности отрицают. Таким образом, если у юношей конфликтуют ценности коллективизма, предполагающие отказ от автономии и согласование своих действий и мнений с действиями и мнениями других, то у девушек конфликтуют ценности индивидуализма, они неким образом препятствуют созданию семьи, так как предполагают определенную отделенность и независимость от других. (См. Табл. 6).

Таблица 6

*Иерархия семейных ценностей у юношей и девушек
в их направленности на личность*

Наименование ценностей	Юноши		Девушки	
	Ранг	Ср. вес	Ранг	Ср. вес
Сексуальная удовлетворенность	1	4,70	1	4,62
Чувство того, что кому-то нужен	2	4,57	4	4,51
Свобода выбора, принятия решений	3	4,43	9	4,23
Возможность доверять другому	4	4,42	7	4,44
Возможность самореализации	5	4,41	6	4,45
Возможность быть «самим собой»	6	4,40	2	4,53
Переживание чувства любви	7	4,38	8	4,38
Ощущение заботы, «чувство локтя»	8	4,21	3	4,52
Чувство уверенности в будущем	9	4,17	5	4,46
Ответственность за других	10	3,56	10	3,81
Суммарный вес	X	43,31	X	44,01

В целом следует отметить, что иерархии ценностей этой группы у юношей и у девушек не согласованы между собой.

В результате проведенного исследования из полученных данных была составлена матрица, отражающая содержание каждого из 30 предложенных испытуемым утверждений опросника. Матрица с данными была подвергнута факторному анализу, экстракция факторов осуществлялась методом главных компонент. Ротация осуществлялась методом нормализованного «varimax»-вращения. В результате вращения была получена упорядоченная факторная матрица, давшая основание для содержательной интерпретации факторов. Были приняты следующие критерии вхождения переменных в фактор: факторный вес $p > 0,3$; наибольшая величина факторного веса при двойных вхождениях.

В группе юношей было выделено семь наиболее сильных факторов, объясняющих 63,72 % дисперсии.

В *первый фактор* (факторный вес – 4,62; 15,40 % дисперсии) вошли следующие шкалы: «материальный достаток» (0,53), «регулярность

сексуальных отношений» (0, 88), «сексуальная удовлетворенность» (0,81), «чувство того, что ты кому-то нужен» (0,58). Фактор отражает традиционность взглядов юношей на положение мужчины в семье: он должен зарабатывать деньги и сексуально удовлетворять супругу. Соответствие этим двум стандартам и определяет его субъективное ощущение «нужности» семье. Фактор также может говорить и о том, что чувство сексуальной удовлетворенности у юношей может быть детерминировано внешними событиями, предшествующими близости, а не ее субъективными психическими переживаниями. Фактор можно интерпретировать как *«Интимность»*.

Второй фактор (факторный вес – 2,94; 9,8 % дисперсии) включает в себя шкалы только третьего блока методики (семейные ценности в их направленности на личность). Его можно интерпретировать как *«Автономия»*: «ощущение заботы» (0,59), «возможность быть самим собой» (0,56), «возможность доверять другому» (0,63), «чувство уверенности в будущем» (0,69), «возможность самореализации» (0,73). Фактор говорит о том, что доверие к другому, возможность принять его помощь и заботу «увязана» с потребностью сохранять личную автономию. Ощущение заботы со стороны другого не должно посягать на личную независимость, только в таком случае возможно субъективное ощущение уверенности в будущем.

Третий фактор (факторный вес – 2,56; 7,6 % дисперсии) можно интерпретировать как *«Духовное единство»*. Он предполагает, что сходство убеждений супругов должно быть реализовано в социальной активности за пределами семьи: «совместное участие в общественной жизни» (0, 44), «приверженность национальным традициям» (0,77), «схожесть религиозных и политических взглядов» (0,78), «общие интересы и вкусы» (0, 67).

Четвертый фактор (факторный вес – 2,51; 7,53 % дисперсии) – *«Семейное окружение»* - составили шкалы только из первого блока суждений (семейные ценности в их направленности на общество). Это может говорить о том, что юноши четко отграничивают семейный союз от внесемейного окружения: «уважение со стороны сослуживцев» (0,72), «поддержка со стороны родственников» (0,69), «наличие общих друзей» (0,68), «дружеские отношения с соседями» (0,55). Внесемейное окружение имеет ценность само по себе, вне связи с внутрисемейными отношениями, ни целями человека, которые он реализует в семье. Этим, на наш взгляд, юноши утверждают принцип автономии семьи.

Пятый фактор (факторный вес – 2,33; 6,99 % дисперсии) можно интерпретировать как *«Согласие и ответственность»* - «верность супругов в браке» (0, 47), «согласие в распределении семейных обязанностей» (0,67), «возможность доверять другому» (0,66), «возможность испытывать ответственность за других» (0,72) – может

свидетельствовать о некоем «правовом догматизме» юношей во взглядах на принципы организации межсупружеского взаимодействия: доверия заслуживает только тот, кто неукоснительно соблюдает супружескую верность и следует договоренностям в распределении семейных обязанностей, а взаимная ответственность возможна только тогда, когда человек верен данному обещанию.

Шестой фактор (факторный вес – 2,23; 6,69 % дисперсии) – «Прародительская семья» - включает в себя только шкалы первого блока опросника (направленность семейных ценностей на общество): «принятие со стороны матери и отца супруги» (0, 70), «одинаковое социальное положение мужа и жены» (0,74). С одной стороны, здесь, опять же, «работает» принцип семейной автономии, когда воздействие внешнего семье окружения никак не увязывается с качеством внутрисемейных отношений, а, с другой стороны, может предполагать настроенность юношей на брак с представительницей своего социального слоя, при этом подразумевая общность «культурной программы», полученной в прародительской семье, как основа принятия родителями супруги и признания с их стороны.

Седьмой фактор (факторный вес – 2,21; 6,63 % дисперсии) мы интерпретировали как «Психологический комфорт». Объединив шкалы «взаимное уважение» (0,59), «взаимное согласие в решении семейных проблем» (0,66), «стабильность отношений» (0,53), «возможность испытывать чувство любви» (0,60) он как бы говорит, что чувство любви к другому (супруге) детерминировано бесконфликтностью, ровностью и постоянством взаимоотношений.

Три шкалы «совместный внесемейный отдых», «проживание отдельно от родителей» и «совместное воспитание детей» не вошли ни в один из семи выделенных факторов. Можно предположить, что эти ценности важны сами по себе. Это может говорить (соответственно перечисленным ценностям) о следующем: во-первых, некоей потребности со стороны юношей в контроле свободного времени своей будущей супруги; во вторых, о потребности в дистанцировании от прародителей; в третьих, о том, что потребность в детях, а, следовательно, и переживание их ценности, еще не является актуальной для юношей. Она не рассматривается ими в связи с семейной жизнью, что может указывать и на то, что ценность «дети» еще не интегрирована в систему семейных ценностей юношей.

Анализ позволил выделить в группе девушек шесть наиболее сильных факторов, объясняющих 58,68 % дисперсии.

В первый фактор (факторный вес – 4,34; 14,46 % дисперсии) – «Интимность» - вошли отдельные шкалы из всех трех блоков методики: «проживание отдельно от родителей» (0,74), «совместный внесемейный отдых супругов» (0,46), «материальный достаток» (0,31), «регулярность

сексуальных отношений» (0,72), «возможность испытать чувство любви» (0,57), «сексуальная удовлетворенность» (0,82), «чувство того, что ты кому-то нужен» (0,51). Фактор говорит о том, что чувство принадлежности у девушек может быть детерминировано не только личными субъективными переживаниями, но и широким социальным окружением: совместной внесемейной активностью супругов особыми отношениями с прародителями, предполагающими отдаленность от них, что неким образом ограничивает их вмешательство в супружеские отношения. Кроме того, содержание этого фактора может говорить о том, что переживание чувства любви у девушек связано как с внешними проявлениями супружеского благополучия (материальный достаток семьи), с регулярностью сексуального общения мужа и жены, так и с внутренним субъективным ее переживанием, проявляющимся в чувстве нужности другому.

Второй фактор (факторный вес – 3,41; 11,36 % дисперсии) составили шкалы третьего блока методики (семейные ценности в их направленности на личность): «возможность быть самим собой» (0,69), «чувство уверенности в будущем» (0,50), «возможность самореализации» (0,83), «свобода выбора и принятия решений» (0,76). Мы интерпретировали этот фактор как «Автономия». Содержательно он несколько отличается от одноименного фактора у юношей. Автономия для девушек не предполагает отдаленность от другого, это внутреннее субъективное чувство.

Третий фактор (факторный вес – 2,79; 9,3 дисперсии) – «Стабильность» – образовали шкалы второго блока методики (семейные ценности в их направленности на семью): «согласие в распределении домашних обязанностей» (0,60), «общие интересы, вкусы и эстетические предпочтения» (0,78), «стабильность, ровность отношений» (0,82). Шкалы, составившие его, как бы говорят о том, что стабильность супружеских отношений может пониматься девушками достаточно широко; это не только «правильность» организации межсупружеского взаимодействия, но и согласованность личностной направленности супругов на общий круг интересов.

Четвертый фактор (факторный вес – 2,58; 8,6 % дисперсии) – «Семейное окружение» - включает шкалы только из первого блока методики (семейные ценности в их направленности на общество): «добрые отношения с родственниками» (0,50), «наличие общих друзей» (0,76), «добрые отношения с соседями» (0,81), «совместное участие супругов в общественной жизни» (0,59). Определяя семейное окружение как ценность, девушки как бы «выводят» супружескую пару из замкнутого семейного круга и помещают ее в окружающий социальный контекст через совместное участие в общественной жизни. Этим, на наш взгляд, подчеркивается связь семьи с обществом, причем супруги выступают как

некое единство, однако, семейное окружение не допускается во внутрисемейную жизнь.

Пятый фактор (факторный вес – 2, 44; 8,13 % дисперсии) можно интерпретировать как «*Семейное единство*». Он включает в себя отдельные шкалы из всех трех блоков методики: «уважение со стороны сотрудников по работе» (0,43), «приверженность национальным традициям» (0,41), «наличие детей и их совместное воспитание» (0,41), «сходство религиозных и политических взглядов» (0,50), «ощущение заботы» (0,45), «возможность доверять другому» (0,46), «возможность испытать ответственность» (0,50). Таким образом, семейное единство не есть только субъективно ощущаемое, хотя личные переживания и значимы, оно основывается как на признании со стороны самого широкого социального окружения, так и на единстве убеждений супругов и общности ответственности за воспитание детей.

Шестой фактор (факторный вес 2,05; 6,83 % дисперсии) составили следующие шкалы: «принятие со стороны отца и матери супруга» (0,70), «взаимное уважение, понимание, терпение» (0,72), «взаимное согласие в решении семейных проблем» (0,56). Его можно обозначить как «*Согласие*». Возможна следующая его интерпретация: согласие между супругами предполагает взаимное уважение и поддерживается ближайшим семейным окружением, прежде всего, родителями.

Две шкалы («одинаковое социальное положение мужа и жены» и «верность супругов в браке») не вошли ни в один из выделенных факторов. Возможно, стоящие за ними реальности являются для девушек самостоятельными, не зависящими от других ценностями.

Таким образом, факторный анализ позволил выявить определенные гендерные различия в структурировании системы семейных ценностей юношей и девушек. Так, ценность интимности у юношей помещена в более широкий социальный контекст, чем у девушек, которые ограничивают ее лишь семейным кругом. И если ценность личной автономии юноши вплетена в контекст внутрисемейного межсупружеского взаимодействия, что предполагает участие другого как забота с его стороны, то у девушек это - субъективное внутренне переживаемое чувство, не учитывающее поступки и отношения другого.

Факторы, объединенные темами межсупружеского единства и согласия, так же различаются между юношами и девушками: единство для юношей это не только схожесть взглядов и интересов (социально-психологическое единство), но и совпадение социально-нравственной позиции, а для девушек супружеское единство помещено в контекст и интимности (возможность доверять другому) и особой физической близости (наличие детей). Ценность согласия для юношей связана с ценностью справедливости, взаимной договоренности о правах и обязанностях и их распределении между супругами, то у девушек

согласие, опять же, включает в себя и интимность, психологическую близость между мужем и женой.

Юноши и девушки по-разному определяют место прародительской семьи. Так юноши «выносят» ее в самый широкий социальный контекст, при этом они отделяют прародительскую семью от семьи супружеской, а девушки, напротив, включают семью своих прародителей в состав своей будущей супружеской семьи в качестве одного из ее составных элементов.

Таким образом, полученные эмпирические данные, результаты их статистической обработки и интерпретации свидетельствуют о следующем:

- в структуре семейных ценностей молодых людей наибольший удельный вес занимают семейные ценности в их направленности на личность. Вместе с тем, семейные ценности в их направленности на семью (социально-психологическая составляющая семейных ценностей) и у юношей, и девушек, внутренне противоречивы, что может свидетельствовать о том, что они еще находятся в процессе своего формирования и структурирования;

- анализ выявил согласованность социальных и социально-психологических составляющих семейных ценностей юношей и девушек, и отсутствие таковой в той их части, которая носит индивидуально-психологический смысл, а это может свидетельствовать о том, что юноши и девушки, будучи согласными в общих принципах организации семейного союза и норм, регулирующих взаимоотношения супругов в браке, имеют различное видение будущих «последствий» для себя от включения в него: юноши в своей будущей семье надеются сохранить личную автономию, а девушки – обрести духовное и психологическое единство.

3.3. Гендерные идеалы юношей и девушек

Приступая к изучению гендерных идеалов юношей и девушек, мы исходили из того, что они, отражая целостную идею представителей той или иной социальной группы, с одной стороны, служат образцами, а, с другой, - задают предпочтительные в межличностном взаимодействии качества партнера, тем самым как-бы фиксируя определенный и желаемый характер отношений между людьми. В связи с этим вполне уместно полагать, что образы-идеалы выполняют двойную функцию: и задают молодому человеку определенное направление личностного роста, и неким образом предопределяют его социальные установки и ожидания по отношению к своим будущим партнерам в определенных типах социальных и межличностных отношениях.

Исследование гендерных идеалов охватывало основные элементы семейной гендерной парадигмы, с необходимостью включающей в себя

образы-идеалы мужчины / женщины – мужа / жены – отца / матери – сына / дочери, и, тем самым, отражающей и представляющей семейно-гендерные отношения в их основных аспектах.

Идеалы мужчины и женщины. Анализ суждений юношей и девушек об идеалах мужчины и женщины позволил выделить девять тем, в которых были объединены значимые и привлекательные с их точки зрения качества. Они следующие: 1) особенности внешнего облика (красивая, привлекательная, стройная, спортивный, накаченный, ухоженная, опрятный); 2) качества, обозначающие социальный статус, признаки социальной успешности его носителя (богатый, материально обеспеченный, пробивной, образованный); 3) деловые качества и качества, проявляющиеся в труде (работающий, заботливая, деятельный, хозяйственный); 4) качества, проявляющиеся в межличностном общении (разговорчивая, веселый, понимающий, доброжелательный); 5) интеллектуальные и моральные качества (умный, продвинутый, смекалистый, интеллектуальная); 6) моральные и волевые качества (верный, честная, справедливый, порядочный, обязательный); 7) качества, традиционно используемые для обозначения мужественности или женственности (для мужчин: сильный, смелый, храбрый, уверенный в себе, мужественный, решительный; для женщин: милая, загадочная, нежная, женственная); 8) качества, характеризующие мужчину / женщину как родителя (любит детей, заботливая мать); 9) качества, проявляющиеся в супружеских (сексуальных) отношениях (любящий, страстная, сексуальная). Результаты контент-анализа представлены в таблице 7.

Таблица 7

Тематическая структура образов-идеалов мужчины и женщины у юношей и девушек

Тематические компоненты	Мужчины				Женщины			
	Юноши		Девушки		Юноши		Девушки	
	Ранг	В %	Ранг	В %	Ранг	В %	Ран	В %
Внешность	7	6, 2	5	10, 1	1	20, 9	3	14, 9
Социальный статус	5	8, 3	8	4, 7	8	4, 8	4	12, 4
Деловые / трудовые	2	18, 9	3	13, 2	5	8, 1	6	9, 1
Коммуникативные	3	17, 6	2	19, 9	3	18, 9	1	20, 4
Интеллектуальные	4	11, 5	4	12, 7	4	11, 4	2	19, 9
Моральные	6	6, 8	6	9, 8	6	6, 3	8	2, 9
Традиционные	1	23, 6	1	21, 8	2	20, 5	5	11, 7
Родительские	8	4, 8	9	2, 2	9	3, 6	9	1, 8
Сексуальные	9	2, 3	7	5, 6	7	5, 5	7	6, 9
Объем тем	X	427	X	458	X	495	X	488

Прежде рассмотрим различия, связанные с полом объекта описания: мужчина или женщина.

Так, юноши в своих описаниях, чаще отмечают особенности внешности женщин ($p < 0,0001$), чем мужчин; качествами, проявляющимися в супружеских (сексуальных) отношениях, опять же чаще наделяют женщин ($p = 0,09$), чем мужчин; однако у мужчин, чаще, чем у женщин ($p < 0,0002$), отмечают деловые качества.

Девушки отмечают у женщин чаще ($p = 0,011$), чем у мужчин, качества, обозначающие социальный статус; у них же чаще упоминают интеллектуальные качества ($p = 0,057$), но моральные качества чаще отмечают у мужчин ($p < 0,008$), чем у женщин. Особо следует обратить внимание и на то, что традиционно-гендерные качества они чаще отмечают у мужчин ($p < 0,014$ – традиционно мужские), чем у женщин (традиционно женские).

Рассмотрим различия в образах-идеалах, связанные с полом испытуемых: юноша или девушка.

Девушки чаще, чем юноши, наделяют мужчин качествами, проявляющимися в сексуальных (супружеских) отношениях ($p < 0,081$). Других значимых различий идеала мужчины между юношами и девушками обнаружено не было.

Было обнаружено, что идеалы мужчин у юношей и девушек заметно различаются между собой.

Так, девушки чаще, чем юноши, наделяют идеальную женщину качествами, обозначающими социальный статус ($p < 0,013$); чаще, чем юноши, у женщин отмечают интеллектуальные качества ($p = 0,029$). Однако на моральные ($p < 0,093$) и традиционно-гендерные качества ($p < 0,024$) у женщин они указывают реже, чем юноши.

Данные сравнительного анализа образов-идеалов мужчины и женщины могут свидетельствовать о том, что юноши в своих идеалах в большей степени следуют закрепленным традицией представлениям о мужественности / женственности. Образы, созданные ими, предполагают, что мужчина имеет более высокий социальный статус, по сравнению с женщиной; у женщин же юноши чаще отмечают внешность и родительские качества, что так же согласуется с социокультурным стандартом женственности. При этом следует заметить, что традиционно-гендерными качествами они женщин и мужчин наделяют примерно в равной степени, таким образом, как бы фиксируя традиционные гендерные стереотипы по отношению к каждому полу в равной степени.

Образы идеальной женщины у девушек не вписываются в традиционный стандарт мужественности и женственности. Так, женщин они наделяют более высоким социальным статусом, чем мужчин, при том что статус – традиционная «привилегия» мужчин. Их женщины более интеллектуальны, чем мужчины, а интеллект, опять же традиционно в большей степени приписывался мужчинам. И здесь следует обратить внимание на то, что, что сексуальными (супружескими) качествами они

наделяют своих идеальных женщин в большей степени, нежели родительскими. На наш взгляд, это может свидетельствовать и о том, что девушки уже не ставят в прямую зависимость свою самореализацию с реализацией себя в качестве матери.

Вместе с тем, образ идеального мужчины у девушек противоречив. С одной стороны, они наделяют их в большей степени, нежели женщин, традиционно-гендерными и моральными качествами (высокая моральная ответственность так же традиционно приписывается мужчинам), однако, «лишают» их высокого социального статуса и интеллекта. На наш взгляд, это может свидетельствовать и о готовности девушек конкурировать с юношами на поприще социальной успешности. Кроме того, в отличие от юношей, девушки, в большей степени приписывают традиционные качества мужчинам (традиционно мужские), но не женщинам (традиционно женские), тем самым как бы фиксируя обязательность традиционно-гендерного канона только для мужчин.

Здесь следует обратить внимание на один важный факт: и юноши, и девушки дифференцируют в образах мужчин и женщин сексуальные и родительские качества, это, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что последние они рассматривают как вполне самостоятельный, в смысле отделенности от сексуального, компонент мужской и женской гендерной роли.

Применение коэффициента конкордации позволило установить, что если относительно образа-идеала мужа юноши и девушки согласны ($p < 0,1$) между собой, то относительно образа-идеала женщины они не согласованы между собой.

Идеалы мужа и жены. Описания мужа и жены, предложенные испытуемыми, были распределены по следующим одиннадцати темам: 1) качества, описывающие внешность человека (красивая, хорошо сложенный, стройная); 2) качества, отражающие социальный статус человека или указывающие на признаки его социальной успешности (богатый, образованный); 3) качества, проявляющиеся в межличностном общении (добрый, разговорчивый, коммуникабельный, неконфликтный); 4) качества, связанные с трудом и деловой активностью за пределами семьи (имеет работу, зарабатывает деньги, работающий); 5) качества, проявляющиеся в домашнем труде, в заботе о благоустройстве и ведении дома (хорошо готовит, ходит в магазин, помогает жене, заботится об украшении дома); 6) качества, являющие эмоционально-духовную сторону супружеской жизни (любящий, понимающий, романтичный, доверяющий); 7) качества, раскрывающие морально-правовую сторону супружества (надежный, верный, постоянный, ответственный, честный); 8) качества характеризующие сексуальную сторону отношений между супругами – родителями ребенка (сексуальная, хорош в кровати); 9) качества супругов как родителей и воспитателей (любит детей, занимается воспитанием

детей, всегда с детьми); 10) качества, описывающие традиционные представления о мужественности и женственности (для жены: милая, застенчивая, нежная, женственная; для мужа: сильный, уверенный в себе, волевой, энергичный, мужественный); 11) качества, по которым можно судить о претензии испытуемых на руководство семейным союзом и принятие общезначимых решений (умный, мудрый, все берет на себя, умеет распоряжаться деньгами). Результаты контент-анализа представлены в Таблице 8.

Таблица 8

Тематическая структура образов-идеалов мужа и жены у юношей и девушек

Тематические компоненты структуры	Муж				Жена			
	Юноши		Девушки		Юноши		Девушки	
	Ранг	%	Ранг	%	Ранг		Ранг	%
Внешность	10	4, 1	7	7, 7	5	11, 1	5	9, 6
Статус	9	5, 8	9	5, 6	11	2, 3	9	4, 6
Коммуникативные	4	11, 0	4	11, 7	4	11, 9	2	14, 7
Деловые	1	13, 4	3	13, 3	10	3, 2	7	7, 3
Забота о доме	2	12, 8	5	9, 4	1	15, 1	3	13, 8
Эмоциональные	7	9, 3	1	15, 1	2	13, 5	1	16, 6
Нравственно-правовые	3	11, 6	2	13, 9	3	12, 7	6	7, 4
Сексуальные	11	3, 5	10	5, 0	9	4, 7	11	2, 7
Родительские	6	9, 8	8	6, 4	6	9, 5	10	3, 2
Традиционно-гендерные	8	8, 1	6	8, 3	7	8, 7	8	6, 9
Глава семьи	5	10, 6	11	3, 9	8	7, 3	4	13, 2
Объем тем	X	339	X	320	X	325	X	367

Прежде рассмотрим различия, связанные с полом объекта описания.

Юноши чаще упоминают внешность жен ($p < 0,016$), но качества, проявляющиеся в труде и деловой активности ($p < 0,074$), а также показатели социального статуса ($p < 0,001$) в большей степени приписывают мужьям. Главенство в семье юноши опять же чаще приписывают мужьям ($p < 0,018$).

Девушки деловые качества ($p < 0, 054$) и качества, раскрывающие нравственно-правовые основы супружества чаще приписывают мужьям ($p < 0, 046$), однако именно образ жены, а не мужа девушки в большей степени наделили качествами, необходимыми для руководства семейным союзом ($p < 0, 001$).

Теперь рассмотрим различия, связанные с полом испытуемых.

Описывая идеал мужа, юноши чаще, чем девушки, отмечают в нем качества, присущие главе семьи ($p < 0, 017$), а девушки, чаще, чем юноши, указывают на качества, характеризующие эмоционально-духовную составляющую супружеских отношений ($p < 0, 076$).

В идеале жены юноши чаще, чем девушки, отмечают нравственно-правовые качества ($p < 0,078$), а также качества жены как матери ($p < 0,0017$); в свою очередь, девушки чаще упоминают деловые качества ($p < 0,068$) и качества жены, как главы семьи ($p < 0,058$).

Рассмотрим качественную представленность тем.

Качества, при помощи которых можно описать внешность человека, у юношей и девушек чаще всего представлены словами «красивая / красивый» «симпатичный / симпатичная». Вместе с тем, описывая внешний вид мужей, юноши как бы подчеркивают в нем момент достижения: «следит за фигурой», «спортивный». Девушки особо подчеркивают, что мужья должны быть «опрятны», «аккуратны», «следить за собой».

Для описания социального статуса мужей / жен и юноши, и девушки обычно используют «богатый» (чаще о мужах и юноши, и девушки) «образованный» (чаще о женах), как бы подчеркивая различные каналы его достижения.

Набор качеств, проявляющихся в межличностном общении, предложенный испытуемыми, весьма разнообразен. Значительных различий как по отношению к полу испытуемого, так и по отношению к объекту описания выявлено не было. Чаще же всего упоминаются прилагательные «добрый / добрая», «веселый» / «веселая».

В качествах мужа / жены как хозяина / хозяйки дома ощущается влияние традиционных стереотипов разделения домашнего труда. У юношей мужья «заботятся о ремонте дома», «делают мужскую работу по дому», но, кроме этого, «помогают жене по хозяйству», «ходят в магазин», а жены, - «хорошо готовят», «ведут дом». Так же описывают домашнюю работу жены и девушки, однако, в их описаниях практически не представлена мужская работа по дому, - мужья у них «помогают жене», «заботятся», или ... «не мешают вести хозяйство».

Содержание тем, представляющих эмоционально-духовные отношения супругов, а также отношения между детьми и родителями качественно у юношей и девушек не различаются: и мужья, и жены должны быть «любящими», «понимающими», а по отношению к детям, - «хорошими отцами / матерями», «воспитателями детей», должны «заботиться о детях, об их будущем».

Качества, раскрывающие морально-правовые аспекты супружеских отношений в их отношении к женам, качественно не различаются между юношами и девушками: «верная», «честная», «справедливая», «постоянная». То же пишут и о мужьях, но при этом девушки еще добавляют: «непьющий», «не скандальный», «неконфликтный», - как бы этим вскрывая «трудные» аспекты супружеских взаимоотношений, вызывающих наибольший протест и неприятие со стороны жен.

Качества, проявляющиеся в сексуальном общении супругов, у девушек представлены только словом «сексуальный / сексуальная». Юноши более свободно говорят об этой стороне супружеской жизни, добавляя: «хороша в постели», «сексуально привлекательная», «эротичная», а о мужьях, - «мужчина до старости», «хороший сексуальный партнер», «не устает (как вариант: не ленится) работать в постели».

И, наконец, качества супруга или супруги как главы семьи. Девушки предлагают весьма разнообразные их варианты по отношению к жене: «умная», «мудрая», «умеет распорядиться деньгами». О мужьях они, как правило, довольствуются прилагательным «умный». Юноши главенство жены утверждают не явно, например: «умная», «экономная», «оберегает покой и порядок в семье»; главенство мужа в семье как бы подчеркивается юношами: «думает о семье», «умеет принимать решения», однако чаще всего оно утверждается в негативной форме: «не [находится] под каблуком жены», «не тряпка».

Мы не выделили в отдельную тему (она представлена только у юношей, в связи с чем не выделена в отдельную тему) проблему отношений с прародителями: «хороший зять», «уважает родителей», «не ссорится с тещей». Возможно, это связано с тем, что престарелые родители чаще всего проживают с дочерью (женой), и проблемы в отношениях с ними возникают именно у зятьев (мужей), а не дочерей (жен). Впрочем, это положение все же требует дополнительного изучения.

Рассмотрим созданные юношами и девушками образы в целом.

Согласно юношам, социальный статус мужа несколько выше, чем жены; именно он является в семье главным добытчиком, а, поэтому, может претендовать и на главенство в ней. Регулятором супружеских отношений становятся понятия о долге: муж требует от жены верности и постоянства, то же обещает ей. Жена красива (или хотя бы симпатична); она, как мать, ближе к детям, чем муж, как отец; обязанности по дому распределяются в соответствии с традиционным делением домашнего труда на мужской (ремонт, благоустройство квартиры) и женский (кухня, магазин, рукоделие), впрочем, муж может «помогать» жене в ведении дома.

Хотя девушки, как и юноши, видят в мужьях главных добытчиков семьи, ответственных за ее материальное благополучие, взнос жены в общесемейный бюджет все же существенен. При этом социальный статус жены не ниже, чем мужа; работу по дому и по воспитанию детей они делят поровну: муж, выполняя «мужскую работу по дому», не чужд и кухни, он «умеет готовить и накрывать на стол», «постоянно моет посуду». Главным регулятором отношений между мужем и женой становятся эмоционально-духовные факторы. Семья управляется и направляется женой, так как она «ведет дом», «умеет распорядиться деньгами» и «экономно их расходует».

Анализ показал, что у юношей и девушек идеалы мужа не согласованы между собой, а идеалы жены, напротив, согласованы ($p < 0,1$).

Существующие различия образов мужа и жены, у юношей и девушек, могут, на наш взгляд, стать источниками семейной нестабильности и супружеских конфликтов. Рассмотрим только несколько точек возможной напряженности:

- взаимные притязания супругов на лидерство в семье, соперничество за него между мужем и женой; при согласном взгляде на то, что муж должен взять на себя основную нагрузку по материальному обеспечению семьи, лишение их со стороны жен (девушек) права распоряжаться семейным бюджетом;

- рассогласованность представлений будущих жен (девушек) и мужей (юношей) о ведущих принципах, регулирующих отношения между супругами: для девушек таковыми могут стать эмоциональное единство супругов, а для юношей – следование взаимным обязательствам. В связи с этим, на завышенные ожидания жен (девушек) эмоциональных проявлений супружеской любви со стороны мужей, они (юноши) могут ответить некоторой «сухостью» и формализмом выстраиваемых отношений;

- возможна недооценка супругом (юноши) денежного вклада жены в семейный бюджет, а также непринятие с их стороны желаний жен (девушек) реализовать себя на поприще социальной успешности за пределами семьи.

И, наконец, мужья (юноши) готовы развивать деловую активность во благо семьи за ее пределами (деловая активность за пределами семьи - высший ранг в идеале мужа у юношей), а девушки ждут от них эмоционального соучастия (эмоциональная составляющая супружеских отношений - высший ранг в идеале мужа у девушек). Юноши с женой надеются получить домохозяйку (хозяйка дома - высший ранг в идеале жены у юношей), а девушки готовы дарить им любовь и понимание (эмоциональная составляющая супружеских отношений - высший ранг в идеале жены у девушек).

Идеалы отца и матери. Анализ суждений юношей и девушек об идеалах отца и матери позволил выделить следующие 10 тем, в которых проявились значимые или привлекательные, с их точки зрения, качества и шаблоны поведения «идеальных» отцов и матерей: 1) особенности внешности (красивая, привлекательная, спортивный); 2) черты характера и особенности поведения, проявляющиеся в межличностном общении – коммуникативные качества (веселая, жизнерадостная, гостеприимная, покладистый); 3) способы взаимодействия и особенности отношения к детям (ласковая, любящая / любящий, понимающая, прощающий); 4) черты характера и формы поведения, проявляющиеся преимущественно в заботе о материальном благосостоянии и бытовом комфорте членов семьи (заботливая, домовитая, хозяйственная / хозяйственный, зарабатывающий, обеспечивающий); 5) признаки социального статуса, социальную успешность его носителя (богатый, крутой); 6) качества и

формы поведения, проявляющиеся преимущественно в отношениях между супругами (поддерживающие друг друга, понимающие друг друга); 7) традиционно-гендерные (для отцов: сильный, строгий; для матерей: загадочная, тихая); 8) интеллектуальные качества и познавательные интересы (умный, многознающий, продвинутый, интеллектуальный, многознающий); 9) моральные и волевые качества (справедливый, честный, последовательный); 10) «не – определения» (определения с приставкой не). Мы рассматривали их как отражение тех форм поведения родителей, которые вызывают негативные реакции и неприятие со стороны детей (непьющий, некурящий, негулящий, нелживый, неворчливый, незлопамятный).

Рассмотрим количественное и качественное содержание полученного материала. Его тематическая структура представлена в Таблице 9.

Таблица 9

Тематическая структура образов-идеалов матери и отца у юношей и девушек

Тематические компоненты структуры идеала	Отцы				Матери			
	Юноши		Девушки		Юноши		Девушки	
	Ранг	В %	Ранг	В %	Ранг	В %	Ранг	В %
Внешность	9	2, 5	9	2, 5	5	7, 5	7	4, 0
Традиционные качества	1	17, 4	4	9, 1	4	13, 2	4	14, 1
Социальная оценка	7	7, 2	8	3, 0	8	3, 3	8,5	3, 8
Сфера семейного труда	4	15, 4	2	24, 1	3	16, 3	2	19, 0
Коммуникативные	2	17, 0	3	16, 2	2	20, 5	3	16, 4
Родительские	3	16, 4	1	27, 2	1	26, 3	1	27, 5
Интеллектуальные	6	8, 7	6	5, 3	6,5	5, 1	5,5	5, 2
Моральные качества	5	10, 4	5	7, 3	6,5	5, 1	5,5	5, 2
Супружеские	10	2, 3	10	2, 2	9	1, 4	10	1, 0
«Не-определения»	8	3, 2	7	3, 1	10	1, 3	8,5	3, 8
Объем тем	X	362	X	394	X	371	X	403

Описывая внешность матери, и юноши, и девушки используют такие прилагательные, как «красивая», «симпатичная», «приятная», «хрупкая», «привлекательная». Эти качества уже как бы заданы, и при этом несут в себе двойную нагрузку: помимо внешности человека, с их помощью можно описать и душевный склад его личности. В описаниях отцов прилагательные «красивый», «привлекательный» встречаются преимущественно у девушек. Качества, предложенные юношами, - «стройный», «спортивный», - акцентируют момент достижения, и предполагают, что их носитель должен приложить определенные усилия, чтобы их сформировать у себя.

Значительное место в описаниях матери и отца занимают традиционно-гендерные качества. Так, мать «застенчивая», «милая»,

«обаятельная», «поэтическая», «мягкая», «нежная». Все эти качества являют себя в межличностном общении и в значительной мере предполагают некоторую пассивность их носителя. Об отцах пишут, как о «сильных», «храбрых», «смелых». При этом, набор качеств, традиционно используемых для описания мужественности, у юношей значительно разнообразнее, чем у девушек.

Следует заметить, что в описаниях девушек образ отца заметно феминизирован: он «строгий, но не очень», «сильный» и одновременно «нежный», «мужественный» и «тонко чувствующий».

Заметим, что юноши чаще ($p < 0,03$) упоминают внешность матери, чем отца; описывая отца, чаще, чем девушки отмечают качества, традиционно обозначающие мужественность ($p < 0,024$).

Предлагая качества, проявляющиеся в заботе о семейном благополучии и комфорте, юноши и девушки говорят о матерях, как о «хозяйственных», «заботливых», «старательных», «практичных», «хорошо готовящих», а об отцах, как о «заботливых», «умелых», «с руками». Однако, при этом отец, согласно девушкам, должен «помогать по дому», «ходить в магазин сам», «не отлынивать от домашней работы». Девушки заметно расширяют традиционную сферу мужской заботы о семье, включив в нее и деятельность, традиционно закрепленную за женой, причем отец у них выступает как помощник, подмастерье матери-хозяйки. Число качеств отца, как хозяина дома, предложенное юношами, значительно меньше, того, что предложено девушками. Все же следует заметить, что при их разнообразии и у юношей, и у девушек, в их подборе прослеживаются традиционные представления о разделении домашней работы в семье между мужем и женой.

Качества, предполагающие социальную оценку родителей, в их отношении к матерям, чаще всего звучат как «хорошая», «достойная», «порядочная», «замечательная». Все они, в той или иной степени содержат и предполагают, прежде всего, и, по преимуществу, моральную оценку их носителя. Об отцах дети пишут как о «богатых», «обеспеченных». При этом, определения, предложенные юношами, куда более разнообразны: «крутой», «солидный», «влиятельный». В них социальная оценка отца трансформируется в оценку его социального статуса, при этом, опять же подчеркивается момент достижения.

В целом, юноши чаще указывают на внешнюю социальную оценку отца, чем матери ($p < 0,08$), чаще отмечают ее у отца, чем девушки ($p < 0,059$), то есть, в большей степени ориентируются на социокультурную традицию мужественности, которая предполагает, что мужчина – главный добытчик в семье, что отец имеет более высокий социальный статус, чем мать.

Не выявлено значимых различий между юношами и девушками в описании ими моральных и интеллектуальных качеств идеальных

родителей. Дети хотят видеть их «умными», «рассудительными», «верными», «добродетельными»

Весьма незначительно представлены качества родителей, проявляющиеся в их супружеских отношениях: «всегда вместе с женой», «любит мужа». Супружеские отношения традиционно скрыты от детей, а сами они еще не имеют опыта супружества. При этом юноши все же «сексуализируют» в своих описаниях отношения матери и отца: «сексуальная», «удовлетворяет жену».

Как было указано выше, «не-определения» могут служить своеобразным «индикатором» проблем как семьи в целом, так и детско-родительских взаимоотношений, в частности. Так, о матерях юноши и девушки пишут: «невспыльчивая», «несварливая», «нежадная». Все они отражают, в большей или меньшей степени, особенности внутрисемейных межличностных отношений. По отношению к отцам, картина несколько иная, в ней проступает более широкий социальный план, а детьми отвергаются более грубые и даже девиантные формы семейного поведения: «непьющий», «некурящий», «незлой», «негуляющий», «неконфликтный», «неагрессивный». Заметим, что по отношению к матерям девушки чаще, чем юноши, используют «не-определения» ($p < 0,097$).

Здесь следует обратить внимание и на факт своеобразного «усиления» юношами моральной составляющей образа отца, по сравнению с образом матери. Они достоверно чаще используют моральные и волевые качества в описании отцов, по сравнению с матерями ($p < 0,055$). Хотя многие моральные и особенно, волевые, качества традиционно закрепляются за мужчинами, все же их «избыточность» в образе отца, по сравнению с образом матери может говорить об определенной напряженности отношений юношей со своими отцами. Заметим, что соотношение морально-волевых качеств в образах отца и матери, построенных девушками, значимо не различается, как значимо не различается и соотношение этих же качеств в образах матери у юношей и девушек.

Качества, проявляющиеся в межличностном общении, и качества, представляющие детско-родительские отношения, наиболее представлены как по своей численности, так и по своему разнообразию как в описаниях отцов, так и в описаниях матерей, как у юношей, так и у девушек. О матерях дети говорят как о «душевных», «сердечных», «отзывчивых», «внимательных», «переживающих», «прощающих», и этим подчеркивают особо близкий, интимный характер отношений с ребенка с матерью. Качества, которыми наделяются отцы, как бы «снимают» их (отцов) мужскую агрессивность, несколько «убавляют» у них мужественности. Вот наиболее типичные из них: «уважительный», «улыбчивый», «разговорчивый», «красноречивый». Наиболее интересны в этом отношении качества, предложенные юношами: «трепетный», «милый»

«простодушный». Обычно их используют для описания женственности. Создается впечатление, что соответствие отцов социокультурному эталону мужественности неким образом препятствует их близости к детям. На это может указывать еще и то, что эти качества нередко сочетаются с качествами, традиционно обозначающими мужественность, например: «храбрый и душевный», «сильный и внимательный».

Подобную картину можно наблюдать и у девушек, но уже по отношению к образу матери. Подчеркивая ее женственность, они тут же «добавляют» ей мужественности («милая и строгая», «нежная и сильная»). Причем, число случаев такой «гендерной инверсии» у девушек численно намного больше по отношению к матерям, чем у юношей по отношению к отцам, тем более, если учесть факт того, что ряд качеств, проименованных нами как «морально-волевые» или «статусные» (например, «решительная», «богатая», «успешная») все же традиционно являются средством обозначения мускулинности.

Описывая отцов, юноши реже, чем девушки ($p < 0,018$) указывают на качества, проявляющиеся в детско-родительских отношениях. На наш взгляд, это отражает практику взаимодействия отцов с сыновьями, и может указывать на некоторую «сдержанность» отцов в их взаимодействии с сыновьями, на их «отстраненность» от сыновей. По всей видимости, проявление чувств мужчиной, хотя бы и мужчиной-отцом по отношению к сыну, может быть истолковано сыном, как некое отступление от нормы мужской твердости. Это ограничение на эмоциональную близость по всей видимости не работает во взаимоотношениях отцов с дочерьми. И на это, как нам думается, может указывать тот факт, что качествами, проявляющимися преимущественно в общении с детьми, юноши в большей степени наделяют мать ($p < 0,027$), чем отца; у девушек же этих различий выявлено не было.

Рассмотрим созданные юношами и девушками образы в целом.

Отцы юношей традиционно мужественны, но при этом, их «мужественная сдержанность и суровость» как бы снимается качествами, проявляющимися в межличностном общении (например, «разговорчивый», «веселый», «уважительный»), и с близкими им по смысловому звучанию морально-волевыми качествами и некоторыми интеллектуальными (например, «любопытный») значительно «перевешивают» качества традиционно принятые для описания мужественности. Таким образом, мужественность отцов, хоть и не явно, но сглаживается и даже отрицается. Образ матери у юношей в большей степени, как нам думается, приближается к традиционному гендерному ее стандарту: вершину его ранговой структуры составляют качества, проявляющиеся в детско-родительских отношениях и в домашнем труде. Хотя, при этом, качества традиционно-гендерные и «смещены» в центр иерархии (4-е место из десяти).

Девушки еще в большей степени «феминизируют» отцов: верхние позиции в иерархии тем их образа занимают качества, проявляющиеся в детско-родительских отношениях и проявляющиеся в заботе о доме и домашнем труде, при этом, гендерно-типичные «смещены» в середине иерархической структуры. Образ матери у девушек почти повторяет в своей структуре образ отца: гендерно-типичные качества матерей как женщин, опять же смещены к середине иерархии, а первые позиции занимают качества, проявляющиеся в детско-родительских отношениях и в сфере домашнего труда.

Анализ ранговых структур образов родителей при помощи коэффициента конкордации показал, что образ отца ($p < 0,01$) и образ матери ($p < 0,05$) в высокой степени согласованы между собой у юношей и девушек.

Мы ставили перед собой задачу установить, существует ли взаимосвязь между образами отца и матери у юношей и девушек. Вычисление коэффициента ранговой корреляции « τ » Кендалла позволило установить, что образы отца и матери у юношей не связаны между собой ($\tau = 0,58$), а у девушек между образами отца и матери существует заметная связь ($\tau = 0,84$; $p < 0,01$). Можно утверждать, что девушки в построении образов матери и отца используют некую общую ценностную матрицу, вследствие чего и происходит своеобразное «совмещение» идеалов матери и отца в некоем обобщенном образе-идеале родителя, причем этот обобщенный образ, не учитывая пол родителя, все же в большей степени наделен феминными чертами, чем маскулинными. Образы отца и матери у юношей дифференцированы по полу и не совпадают друг с другом.

Образы сына и дочери у юношей и девушек. Качества, которые хотели бы видеть юноши (как будущие отцы) и девушки (как будущие матери) в сыновьях и дочерях в результате свободного описания были сведены в семь тем. Они следующие: 1) качества, представляющие социальную успешность их носителя (образованный, культурный, воспитанный, богатый); 2) качества, выражающие дочерне-сыновнюю ролевую стабильность (послушный, помощник матери, доверяет отцу); 3) гендерно-нейтральные качества (умный, добрый, веселый, общительный); 4) качества, традиционно обозначающие женственность (милая, скромная, загадочная, тихий); 5) качества, традиционно обозначающие мужественность (сильный, уверенный в себе, волевой, смелый); 6) качества, обозначающие эмоционально-духовную составляющую детско-родительских отношений (любимый, любящий, принимающий, понимающий); 7) качества представляющие внешность ребенка (красивая, стройная, спортивный). Результаты контент-анализа представлены в Таблице 10.

Таблица 10

*Тематическая структура образов-идеалов сына и дочери
у юношей и девушек*

Компоненты тематической структуры	Сыновья				Дочери			
	Юноши		Девушки		Юноши		Девушки	
	Ранг	В %	Ранг	В %	Ранг	В %	Ранг	В %
Социальная успешность	4	18,00	4	13,90	6	5,71	6	9,63
Ролевая стабильность	2	22,47	2	21,39	1	27,71	2	17,46
Гендерно-нейтральные	1	24,71	1	23,52	2	25,72	1	25,30
Традиционно женские	6	3,37	7	4,81	3	17,13	7	7,83
Традиционно мужские	3	19,10	5	12,83	5	7,14	4	13,85
Детско-родительские	5	0,11	3	15,50	7	4,28	5	10,24
Внешность	7	2,24	6	8,05	4	12,31	3	15,69
Объем тем	X	297	X	333	X	306	X	327

Рассмотрим различия образов, связанные с полом объекта описания: мальчик или девочка.

Юноши видят сыновей социально успешными в большей степени, чем дочерей ($p < 0,001$), а дочерей, - более послушными ($p < 0,001$); вместе с тем, юноши чаще описывают внешность дочерей ($p < 0,001$) и наделяют их качествами, традиционно принятыми для обозначения женственности ($p < 0,001$). Примечательно, что юноши чаще отмечают эмоциональный фон детско-родительских отношений именно по отношению к сыновьям, а не к дочерям ($p < 0,038$).

Различия в представлениях девушек о сыне и дочери не столь многочисленны, как у юношей: только внешний вид ребенка девушки чаще упоминают у дочерей, чем у сыновей ($p < 0,027$). На наш взгляд, это дань убеждению о том, что именно красота и миловидность девочки – девушки играет значительную роль в «устройстве» ее судьбы, и, кроме того, стандарт красоты более высок для женщин, а, следовательно, для них и более желателен.

Обратимся к различиям в образах сына и дочери, связанных с полом испытуемых. Здесь выявлены следующие различия: юноши чаще, чем девушки, усваивают сыновьям традиционно мужские качества ($p < 0,083$), а девушки чаще упоминают их внешность ($p < 0,0015$); девушки чаще, чем юноши, отмечают эмоциональную сторону детско-родительских отношений по отношению к сыну ($p < 0,027$).

Образы дочери у юношей и девушек заметно различаются между собой. Так юноши, чаще, чем девушки, присваивают дочерям качества, традиционно обозначающие женственность ($p < 0,008$), а девушки, намного чаще, чем юноши, наделяют их традиционно мужскими качествами ($p < 0,035$); юношей в большей степени, чем девушек беспокоит ролевая стабильность будущих дочерей ($p < 0,024$), а девушек, -

эмоциональная сторона детско-родительских отношений с ними ($p < 0,032$).

Оценивая выявленные различия можно заключить, что юноши видят своих будущих сыновей социально успешными, а дочерей – красивыми; в большей степени «беспокоятся» за ролевую стабильность дочерей, однако в большей степени готовы устанавливать близкие эмоциональные отношения с сыновьями.

Для девушек, и сын, и дочь, прежде всего, - ребенок: и сыновей, и дочерей они в равной степени хотят видеть социально-успешными, а эмоционально-насыщенные отношения они в равной степени готовы устанавливать и с теми, и с другими. Весьма примечательно и то, что девушки готовы принять в сыновьях феминные качества, а в дочерях, - маскулинные, тогда как юноши более последовательны в своих гендерных схемах: они предпочитают сыновей видеть мужественными, а дочерей, - женственными. Заметим также, что и с сыновьями, и с дочерьми юноши несколько в меньшей степени, нежели девушки, предполагают строить эмоционально-близкие отношения.

Анализ согласованности (при помощи коэффициента конкордации) ранговых структур образов-идеалов сына и дочери, созданных юношами и девушками позволяет прийти к заключению, что образы сына у юношей и девушек согласованы ($p < 0,1$), а дочери, напротив, не согласованы между собой. В связи с этим можно предположить, что юноши (как будущие отцы) и девушки (как будущие матери) по отношению к сыну может быть более согласованным, чем по отношению к дочери.

Рассмотрим **соотношение гендерных идеалов** юношей и девушек по представленности в них маскулинных и феминных качеств. (См. Табл. 11).

Таблица 11

Соотношение гендерных идеалов юношей и девушек по маскулинности / феминности

Образ-идеал	Наиболее представленные качества образа и общая гендерная направленность образа		Уровень согласованности
	Юноши	Девушки	
Мужчина	Традиционно-гендерные, деловые, коммуникативные. Маскулинны	Традиционно-гендерные, коммуникативные, деловые. Маскулинны	$P < 0,1$
Женщина	Внешность, традиционно-гендерные, коммуникативные Фемининны	Коммуникативные, интеллектуальные, внешность Менее фемининны, чем у юношей	--
Муж	Деловые, хозяин дома, нравственные, Маскулинны	Эмоциональные, нравственные, хозяин дома. Менее маскулинны, чем у	--

		юношей	
Жена	Хозяйка дома, нравственные, эмоциональные Фемининны	Эмоциональные, коммуникативные, хозяйка дома Менее фемининны, чем у юношей, с элементами маскулинизации	--
Отец	Традиционно-гендерные, коммуникативные, родительские. Андрогинны	Родительские, сфера семейного труда, коммуникативные. Андрогинны	P < 0,01
Мать	Родительские, сфера коммуникативные, сфера семейного труда. Андрогинны	Родительские, сфера семейного труда, коммуникативные. Андрогинны	P < 0,01
Сын	Гендерно-нейтральные, ролевая стабильность, традиционно-гендерные. Маскулинны	Гендерно-нейтральные, ролевая стабильность, детско-родительские. Маскулинны	P < 0,1
Дочь	Ролевая стабильность, гендерно-нейтральные, традиционно-гендерные. Фемининны	Гендерно-нейтральные, внешность, детско- родительские. Менее фемининны, чем у юношей с элементами маскулинизации	--

Юноши в своих гендерных идеалах придерживаются приближенной к традиционной гендерной схеме, предполагающей доминирование и большую социальную компетентность мужчины, чем женщины: *мужчины–мужья–сыновья* - мужественны, а *женщины–жены–дочери* - женственны. У девушек строгое следование жесткой традиционной гендерной схеме нарушено. И, если, в мужской гендерной парадигме они еще ориентируются на традиционный гендерный стандарт (особенно в образах сына и мужчины), то в женской гендерной парадигме ни один из созданных ими образов в нее не укладывается. Это достигается за счет определенной «маскулинизации» образов, прежде всего, за счет включения в них различных элементов и качеств, традицией закрепленных за мужчинами. Так в образе женщины это достигается за счет «избыточного» (т.е. большего их числа, чем в созданных ими образах мужчин) включения в него качеств, обозначающих социальный статус; в образе жены, - за счет качеств, обозначающих социальный статус и качеств, обозначающих главенство в семье; в образе дочери, - за счет увеличения качеств, традиционно выражающих мужественность и социальную успешность. Кроме того, во всех образах женской гендерной парадигмы, созданных девушками, качеств, обозначающих традиционную женственность меньше, чем в аналогичных образах, созданных юношами. При этом, все,

созданные девушками, образы мужской гендерной парадигмы менее маскулинны, чем образы, созданные юношами.

Полученные результаты позволяют сделать несколько основных выводов:

- гендерные идеалы юношей отличаются определенной нереалистичностью в части их женской парадигмы, они не отражают сложившуюся в настоящее время в сфере гендерных отношений ситуацию, признающую равенство возможностей мужчин и женщин, а, следовательно, и изменение в поведении женщин как на микро- так и на макросоциальном уровнях; при этом, девушки более реалистично в своих идеалах отреагировали на положение женщин в обществе;

- наибольшая рассогласованность гендерных идеалов между юношами и девушками приходится на образы супругов, что, на наш взгляд, значительно повышает конфликтность этого типа отношений между мужчинами и женщинами

Наиболее сложны по сочетанию маскулинности / фемининности образы матери и отца. Так, образы отца у юношей включают в себя значительное число традиционных качеств мужчин и качеств, проявляющихся в межличностном общении и в детско-родительских отношениях, которые предполагают открытость по отношению к другому. Именно через них, как нам думается, неким образом «преодолевается» мужественность отца, а с ней и отстраненность отца от детей. Девушки еще в большей степени, чем юноши, наделяют образы отцов качествами, проявляющимися в межличностном общении и качествами, проявляющимися в общении с детьми. За счет этого достигается «андрогинизация» образа. Таким образом, отец – это тот, с кем ребенок общается.

Образы матери у юношей и девушек достаточно близки между собой, в них, со значительным перевесом преобладают качества, проявляющиеся в межличностном общении и в общении с детьми. То есть, опять же, преобладают качества, которые можно обозначить как межгендерные.

Здесь нелишне заметить, что высокая степень совпадения ранговых структур образов матери и отца между юношами и девушками может быть объяснена и тем, что этот тип семейных взаимоотношений (за которыми и стоят образы матери и отца) им знаком в большем объеме, чем другие, так и тем, что юноши имеют и реализуют схожие потребности во взаимоотношениях с отцом и матерью.

3. 4. СЦЕНАРИИ РЕАЛИЗАЦИИ РОДИТЕЛЬСТВА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Для исследования сценариев реализации родительства у юношей и девушек, которые рассматривались нами как сценарии реализации их собственного родительства, мы использовали метод «Свободных описаний». Испытуемым было предложено написать сочинение на тему: «Быть родителем... Что значит это лично для меня?». Хотя не была задана жесткая схема изложения, все же их просили в своем сочинении ответить на вопрос: «Каковы признаки того, что человек готов стать родителем?».

Контент-анализ суждений юношей и девушек о родительстве позволил выделить четыре большие тематические группы, каждая из которых состоит из ряда суждений, объединенных общей темой.

Представленность той или иной темы в рамках тематической группы определялась числом испытуемых, использовавших ее в своих описаниях. Процентная структура тематической группы определялась объемом высказываний каждой из ее тем в общем объеме высказываний, предложенных по данной тематической группе. Различия в представленности той или иной темы в рамках тематической группы между группами юношей и девушек определялись при помощи многофункционального ϕ – критерия Фишера.

Для четвертой тематической группы, которая объединила в себя высказывания, относящиеся к представлениям о готовности к родительству, устанавливалась, помимо процентной, и ранговая структура. При этом высший ранг – первый – присваивался теме, набравшей наибольший объем от общего объема тем, поданных по данной тематической группе, и, соответственно, наименьший ранг присваивался теме, набравшей наименьший объем.

Первую тематическую группу составили суждения, представляющие родительство в его отношении к обществу в целом. Это социальный уровень родительства, на котором оно выступает как институт социализации ребенка, а родители, как те, кто передает ребенку общепринятые образцы поведения, ценности культуры, и, наконец, как те, кто вводит его в мир социальных статусов, - как агенты первичной социализации. Здесь мы выделили три основных темы (См. Табл. 12).

Таблица 12

Тематическая структура социального уровня родительства у юношей и девушек, % представленности темы

Компонент	Юноши	Девушки
Воспитывать	44, 8	59, 7
Обучать	24, 1	24, 1
Вводить в мир социальных статусов	31, 1	16, 2
Объем высказываний	194	217

Из которых первая представляет родителей как тех, кто обучает ребенка, т.е. передает ему свои собственные умения и навыки, свой индивидуальный опыт: «нужно быть нацеленным на передачу собственного опыта, того, что сам умеешь делать». Пока ребенок еще маленький достаточно «быть с ним», «играть с ним». По мере взросления его надо «научить чему ни будь», тому, «что пригодится в жизни», «мастерить вместе с ним», дать «навыки работы по дому».

Во второй теме родители представлены как передатчики коллективного опыта (культуры) – воспитатели. Главная их задача, - передать ребенку «основные принципы жизни», «развивать в нем чувство красоты», «укрепить в мысли о том, что счастье строится не только на деньгах, но и на любви и взаимопонимании», «воспитать в ребенке ответственность за свои поступки». При этом «детей воспитывают не по часам, а постоянно, как только происходит контакт ребенка с родителем». При этом сверхзадачей воспитания есть «воспитание гармоничной личности». Таким образом, родители это те люди, которые «смогли дать обществу полноценную личность». Здесь родители представлены как трансляторы общезначимого социального опыта.

Третья тема представляет родителей как посредников, с чьей помощью ребенок включается в жизнь общества, приобретает в нем определенный социальный статус. Они «дают ему полноценное образование», «определяют его судьбу». Они выступают не только как проводники, но и как контролеры: «не только помогают и советуют, но где-то и указывают на ошибки». В конечном итоге социальный смысл родительского служения в том, чтобы «вести нового человека по круговороту жизни», чтобы он мог «устроиться в этом мире», «обрел свое место».

Вторая тематическая группа объединяет суждения, характеризующие проявление родительства на микросоциальном уровне (уровне семьи). Мы выделили здесь три основных темы (См. Табл. 13).

Таблица 13

Тематическая структура социально-психологического уровня родительства у юношей и девушек, % представленности темы

Тема высказываний	Юноши	Девушки
Обеспечивать, заботиться	41, 2	35, 3
Ласкать, понимать, терпеть и подоб.	31, 6	49, 6
Защищать, оберегать	26, 3	15, 1
Объем высказываний	508	496

Первая представляет родителей как тех, кто заботится о ребенке: чтобы ребенок «достиг больших высот, получил образование, был счастлив и здоров» необходимо «дать ему все, что в силах родителей». Следует «заботиться о его здоровье», «кормить и одевать» «обеспечить

условия проживания», «материально обеспечивать», а поэтому родители должны «работать и приносить в дом деньги», «досматривать его», «ухаживать за ним».

Вторая тема раскрывает отцовство и материнство как особый тип межличностных отношений. Родительство, – это ежедневное общение с ребенком: недостаточно «только кормить и стирать пеленки, нужно проводить с ним все свободное время», «постоянно быть рядом», «быть вместе с ним» Это особое отношение к нему, в основе которого лежит любовь, понимание, прощение, терпение, немного строгости, доверие, ласка, безусловное принятие.

Третья тема представляет родителей как тех, кто защищает и оберегает ребенка в то время, когда он не может сам за себя постоять: ребенок приходит в мир слабым и беззащитным, поэтому родительство в семье реализуется и как защита и оберегание ребенка, помощь ему и поддержка.

Таким образом, на уровне семьи родительство реализуется как забота и защита ребенка, как особый тип отношения к ребенку, в основе которого лежит высокая степень их эмоционального вовлечения в его жизнь.

Третья тематическая группа суждений юношей и девушек о родительстве раскрывает его проявление на личностно-смысловом уровне, в контексте потребности индивида в личной самореализации и самоактуализации. Тематическая структура этого уровня представлена в Таблице 14.

Таблица 14

Тематическая структура личностно-смыслового уровня родительства у юношей и девушек, % представленности темы

Тема высказываний	Юноши	Девушки
Родительство как факт биологической жизни	8, 8	7, 1
Родительство как изменение социального статуса	13, 3	2, 4
Родительство как особый тип ответственности	51, 1	75, 0
Родительство как самореализация	15, 5	5, 9
Родительство как новое качество супружеской системы	11, 3	9, 6
Объем высказываний	302	314

Родительство начинается с «появлением ребенка на свет». Это – «биологическое родительство» (1), но, это и знак того, что человек «перестал быть ребенком», «достиг определенного социального уровня» (2). Появление ребенка в семье приводит к изменениям внутри системы муж – жена (3). Теперь «все должно измениться», необходимо «отказаться от старых привычек», «делить время на троих», что, возможно, приведет к определенным трудностям: «новорожденный – главная забота. Все – для него. Если раньше муж и жена жили друг для друга, то теперь отношения

между ними могут измениться, и, возможно, у мужа даже появится ревность к ребенку».

Появление ребенка предполагает, что родитель «должен быть готовым к его рождению» (4). Эта готовность выражается в способности «отвечать за свои поступки и действия», «осознанно идти к его появлению», становиться «ответственным и уверенным в себе», «научиться отвечать не только за себя, но и за других». Все это предполагает не только умение «добывать деньги», но и новый уровень осознания своего бытия, выражающийся в чувстве моральной ответственности.

Еще одна тема представляет родительство как призвание, которое происходит от осознания того, что «ребенок – это часть тебя». Родительство начинается во времени, но «нельзя от него уволиться, как с работы», потому что, оно «возможно даже не роль, а даже образ жизни», это возможность «продлить себя и воплотить свои замыслы на более высоком уровне, чем сами смогли бы, а дети смогут». Для этого важно, «стать для ребенка примером», «стать для него целым миром, особенно когда он маленький».

Необходимо отметить, что родительство представляется юношам и девушкам как некое противоречие. С одной стороны, оно дает возможность себя реализовать, но, с другой, требует самоограничения и жертвы; переживается и как радость, счастье, и как страх, тревога.

Теперь рассмотрим различия между юношами и девушками в представленности той или иной темы.

На социальном уровне родительства девушки чаще, чем юноши ($p < 0,007$) говорят о своем желании передавать коллективный опыт (воспитывать), однако, юноши чаще, чем девушки ($p < 0,001$) предполагают быть для ребенка проводниками в мир.

На социально-психологическом уровне юноши предпочитают защищать и оберегать ребенка в большей степени, нежели девушки ($p < 0,013$), а девушки – больше с ним общаться ($p < 0,001$).

Таким образом, в родительстве юноши выступают за пределы семьи, выбирают более активные способы явления своего родительства, девушки, наоборот, сосредотачиваются на отношениях с ребенком.

На личностно-смысловом уровне юноши в большей степени, нежели девушки ($p < 0,001$) склонны воспринимать рождение ребенка как изменение своего социального статуса, доступное для наблюдения извне; девушки же рассматривают его рождение, как приобретение нового качества - ответственности ($p < 0,001$). Уместно предположить, что в своем видении родительства юноши выдвигаются далеко вперед во времени, в будущее, - ребенок для них в большей степени, нежели для девушек, выступает как наследник, как их завершение ($p < 0,004$).

Можно предположить, что если для девушек более важны отношения ребенок – мать, то для юношей – поступки по отношению к ребенку. Схему родительства одних можно представить как «мать с ребенком – отношения-сегодня», а схему родительства других как «отец для ребенка – результат-завтра».

На наш взгляд, юноши в своем родительстве ориентируются на традиционный стандарт мужественности, предполагающий активность и перспективность, а девушки – на стандарт женственности, предполагающий некоторую пассивность, а, поэтому, юношам (будущим отцам) свойственно ускорять социальное развитие ребенка, а девушкам (будущим матерям) фиксировать отношения.

Сравним процентную представленность каждой тематической группы. (См. Табл. 15).

Таблица 15

Соотношение тематических групп высказываний о родительстве у юношей и девушек, %

Уровни родительства	Юноши	Девушки
Социальный	19, 3	21, 1
Социально-психологический	50, 6	48, 3
Личностно-смысловой	30, 1	30, 6
Объем суждений	1004	1027

Как видно из приведенной таблицы, наибольшее число суждений о родительстве и у юношей и у девушек, составляют суждения о родительстве в его проявлении на микросоциальном уровне, уровне семьи. Таким образом, для юношей и девушек родительство, прежде всего, особый тип межличностных отношений. Можно предположить, что, в связи с тем, что именно этот уровень родительства уже практически знаком будущим родителям по опыту взаимоотношений с собственными родителями, а, поэтому, именно такой опыт и поставляет наибольший объем «строительного материала» для конструирования представлений о родительстве в юношеском возрасте.

В четвертую тематическую группу были объединены суждения, характеризующие представления юношей и девушек о готовности стать отцом или матерью. Всего было выделено девять тем, представленность которых в рамках тематической группы приведена в Таблице 16.

Таблица 16

Тематическая структура представлений юношей и девушек о готовности к родительству

Темы		Юноши		Девушки	
		Ранг	%	Ранг	%
1	Материальная обеспеченность	1	22,9	1	19,8
2	Социальная компетентность	5	10,5	6	9,2

3	Потребность в родительстве	6	9,7	5	11,7
4	Моральная зрелость	2	16,1	2	17,4
5	Социально-психологическая компетентность	3	13,2	3	14,4
6	Педагогическая компетентность	8	6,3	4	12,0
7	Прочность отношений с партнером	4	11,3	7	8,2
8	Биологическая готовность	7	7,1	8	5,7
9	Хронологический возраст	9	2,9	9	1,6
Всего суждений		x	380	x	415

Из таблицы видно, что наиболее представлены и у юношей, и у девушек темы «Материальная обеспеченность» и «Моральная зрелость»; наименее представлены – «Физическая готовность» и «Хронологический возраст».

Тема «Материальная обеспеченность» включает суждения, характеризующие финансовый достаток семьи, обеспеченность необходимыми вещами и предметами ухода за ребенком, наличие жилплощади или собственной квартиры: «семья должна быть материально обеспечена, чтобы хватило и одеть, и накормить и игрушек купить...», будущий родитель должен иметь «надежную материальную базу», семья должна быть «финансово благополучной», будущий отец должен быть «материально обеспечен, чтобы содержать семью», необходимо «проживать отдельно от родителей, в своей квартире».

Суждения темы «Социальная компетентность» как бы продолжают предыдущую, однако в ней говорится не о конкретных материальных благах, а об общей способности будущего родителя благоустроить свою жизнь и жизнь своего будущего ребенка. Так, родитель должен «справляться с возросшей материальной нагрузкой», а для этого необходимо «получить образование», «иметь профессию», «постоянную работу», «стремиться к лучшему». Все это и является основой материального благополучия семьи.

Кроме того, человек должен достигнуть определенного уровня своего нравственного развития. Суждения об этом объединены в третью тему: «Моральная зрелость». Это предполагает, что будущий родитель «готов отказаться от жизни только для себя», что он приобрел такие качества, как «ответственность», «самостоятельность», «умение здраво рассуждать», «обязательность».

Собственно, родительство начинается с «желания продолжить себя», с того, что человек испытывает чувство «готовности стать родителем, а не чувство сожаления о том, что ты им уже стал». Это, прежде всего, проявляется в том, что будущий родитель «начинает обращать внимание на чужих детей, примерять роль родителя на себя». Рожденный ребенок должен быть «желанным». Таким образом, четвертая тема представляет готовность к родительству как сознательно сделанный выбор, которому предшествует потребность личности быть родителем.

Пятая и шестая темы объединяют качества, которыми должен обладать будущий родитель, чтобы процесс воспитания был успешным. Это, прежде всего, социально-психологические качества, такие как «умение любить», «прощать», «заботиться», «терпеть». Т.е. будущий родитель должен быть компетентен социально-психологически. (Пятая тема). При этом необходимо осознать, что «ты – пример для подражания для маленького человека», а, поэтому, следует «обладать знаниями, чтобы воспитывать ребенка», «знать, что волнует его в данный момент», т.е. быть педагогически компетентным, - именно об этом говорится в шестой теме суждений.

Здесь следует отметить, что высказывания этой темы достоверно чаще представлены у девушек, чем у юношей ($p < 0,001$). И это, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что девушки, в большей степени, нежели юноши, предполагают общаться с ребенком, как воспитатели.

Юноши и девушки убеждены, что быть родителем, - это дело отца и матери. В седьмую тему объединены суждения испытуемых о том, каковы должны быть отношения между мужем и женой, если они хотят стать отцом и матерью. Супруги должны быть «уверены друг в друге»; предполагается, что в семье «благоприятная атмосфера», и это находит свое воплощение в том, что супруги «понимают друг друга», «согласны между собой», что их отношения построены «на любви», «на привязанности». К слову, только в сочинениях девушек представлены высказывания, предполагающие рождение ребенка в неполной семье, без будущего участия мужа в его воспитании и содержании. Хотя число их весьма незначительно, всего лишь три, однако это может быть симптомом того, что современные девушки настолько самостоятельны и независимы в своем положении, что могут обойтись и без участия партнера в воспитании ребенка.

Наименее представлены в суждениях темы, характеризующие телесную готовность человека к родительству. Таковая представлена в двух темах. В восьмой собраны суждения, подчеркивающие биологическую готовность к деторождению. Хотя по своему объему эти темы и не различаются между юношами и девушками, однако, качественно или содержательно, они различаются заметно. Все высказывания юношей подразумевают или прямо говорят о половой зрелости, выражающейся в способности к совокуплению и извержению семени в лоно женщины. У девушек выявлены только единичные высказывания такого плана. Для них биологическая готовность, помимо вышеназванной, включает еще и «здоровый образ жизни будущего отца или матери», «хорошее здоровье обоих родителей», а также предполагает отказ от вредных привычек, таких как употребление спиртного и курение. Все это может говорить о более ответственном отношении девушек к зачатию ребенка.

Тема «Хронологический возраст» наименьшая по объему из всех, вмещающих в себя представления юношей и девушек о готовности к родительству. Будущий родитель «должен быть совершеннолетним» или же, как вариант называется конкретный возраст, при этом нижняя граница обозначается в 20 лет, а верхняя – 25 лет. Можно предположить, что во временном плане рождение ребенка в представлениях юношей и девушек привязано ко времени окончания учебного заведения, получения специальности, трудоустройства и первых карьерных успехов, так как именно это и составляет основу «финансовой и экономической независимости».

Использование коэффициента конкордации выявило совпадение представлений юношей и девушек о готовности к родительству ($\rho < 0, 1$). При этом, материальное благосостояние и социальная компетентность, иначе говоря, способность зарабатывать деньги, признаются наиболее важными, а биологическая готовность и хронологический возраст менее важными составляющими готовности мужчин и женщин к рождению и принятию ребенка в семью. Это, на наш взгляд, может свидетельствовать о том, что принятие решения о рождении ребенка в значительной степени может быть детерминировано субъективными представлениями будущих родителей о материальных возможностях семьи.

3. 5. ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ УСТАНОВОК НА ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Для решения задач исследования нами была использована анкета «Моя семья» (в нашей модификации), предложенная Г.В.Акоповым [5]. Она представляет собой опросник, включающий две серии незавершенных предложений, по 10 в каждой. Каждая из серий структурируется в шесть блоков суждений. Опросник структурируется в шесть блоков суждений. В первом блоке определяются желаемые (нежелаемые) формы поведения детей; во втором – целевые установки в их социально-психологической интенции; в третьем, – эмоционально значимые сферы детско-родительских взаимоотношений; в четвертом – воспроизводится реакция родителей на ситуации затруднения у детей; в пятом - моделируются ситуации несогласия детей и выявляются соответствующие формы встречной активности родителей. И, наконец, в шестом блоке незаконченных предложений моделируется ситуация несогласия родителей с поведением детей.

Анализ экспериментального материала проводился как в отношении содержания высказываний, так и в отношении их объема.

Классификация схожих по содержанию ответов позволила определить для каждого из шести блоков суждений его эмпирическую структуру. При этом межгрупповые различия, а также различия внутри групп, связанные с полом ребенка устанавливались при помощи многофункционального F – критерия Фишера.

Для первых трех блоков суждений структура ответов оказалась идентичной; она включает в себя категории здоровья, определенных качеств личности, позитивных / негативных психических состояний и переживаний, социальных успехов детей, сыновне-дочерней ролевой стабильности.

В индивидуально-психологической интенции когнитивной проекции родительской установки, отраженной в сознании детей, отмеченные категории представлены в следующих основных своих типах: 1) категория здоровья: «не болела», «была здоровой»; 2) категория качеств личности: «был добрый», «был честный и мужественный», «вырос настоящим человеком»; 3) категория психических состояний: «никогда не грустил», «был всегда веселый»; 4) категория социальной успешности: «хорошо вышла замуж», «закончил учебу и удачно распределился» «устроился в жизни», «приобрел хорошо оплачиваемую специальность»; 5) ролевой стабильности: «был более сговорчивым», «была с ней открытой», «чтобы не пил и не гулял поздно».

Количественное соотношение различных аспектов индивидуально-психологической интенции когнитивного компонента родительской установки представлено в Таблице 17.

Таблица 17

Структура индивидуально-психологической интенции когнитивного компонента родительских установок юношей и девушек, в %

Компоненты структуры	Юноши		Девушки	
	Сын	Дочь	Сын	Дочь
Здоровье	10,9	6,2	11,6	14,2
Качества личности	52,7	63,9	61,1	54,5
Психические состояния	2,7	4,1	2,1	1,0
Социальная успешность	19,1	15,5	15,8	8,0
Ролевая стабильность	14,6	10,3	9,4	22,3
Объем суждений	262	258	286	298

Из представленных в табл. 17 данных видно, что в индивидуально-психологической интенции когнитивного компонента родительской установки доминирует фактор качеств личности; он составляет более половины всех ответов и юношей, и девушек, как по отношению к сыновьям, так и по отношению к дочерям.

По отношению к полу ребенка у юношей не выявлено значимых различий в структуре интенции, тогда как девушки, по отношению к сыновьям чаще, чем по отношению к дочерям ($p < 0,015$), отмечают

фактор «социальная успешность», а по отношению к дочерям чаще, чем по отношению к сыновьям, указывают на фактор «ролевая стабильность» ($p < 0,001$).

Анализ выявил следующие межгрупповые различия в структуре индивидуально-психологической интенции когнитивного компонента родительской установки, связанные с полом ребенка.

Так, по отношению к сыновьям юноши чаще, чем девушки ($p < 0,1$), отмечают фактор «ролевая стабильность», девушки так же по отношению к дочерям чаще, чем юноши ($p < 0,003$), указывают на этот фактор, но при этом они реже, нежели юноши, отмечают у дочерей фактор «социальная успешность» ($p < 0,025$).

Возможна следующая интерпретация полученных данных: в своих индивидуально-психологических интенциях будущие родители прежде всего ориентируются на воспитание в детях определенных качеств личности. При этом юноши (будущие отцы) пристальнее предполагают контролировать сыновей, а девушки (будущие матери) – дочерей. И если для отцов (юношей) социальная успешность детей – сына и дочери – в равной степени значима, то для матерей (девушек) более значима социальная успешность сыновей, чем дочерей.

Уменьшение эмоциональной составляющей (замена «хочу» на «важно») в формуле неоконченных предложений первого блока позволяют выявить структуру когнитивного компонента родительской установки юношей и девушек (См. Табл. 18).

Таблица 18

Структура социально-психологической интенции когнитивного компонента родительских установок юношей и девушек, в %

Компоненты структуры	Юноши		Девушки	
	Сын	Дочь	Сын	Дочь
Здоровье	5,1	2,2	8,9	10,8
Качества личности	25,5	19,8	22,2	21,5
Психические состояния	13,8	8,1	4,4	3,2
Социальная успешность	33,7	28,6	41,1	38,7
Ролевая стабильность	21,9	41,3	23,4	25,8
Объем суждений	262	142	272	276

Хотя ответы, данные испытуемыми на вопросы второго блока, подобны ответам на вопросы первого, в структуре социально-психологической компонента родительской интенции (в отличие от ее индивидуально-психологической интенции) доминируют факторы ролевой стабильности, социальной успешности и качеств личности. Анализ не выявил внутригрупповых различий по отношению к полу ребенка у девушек; что касается юношей, то они по отношению к сыновьям чаще, чем по отношению к дочерям ($p < 0,031$), отмечают социальную

успешность, а по отношению к дочерям, - ролевую стабильность ($p < 0,002$).

Выявлены различия между группами испытуемых, связанные с полом ребенка. Они следующие: а) по отношению к сыновьям юноши чаще, чем девушки, отмечают психические состояния ($p < 0,079$), а девушки - социальную успешность ($p < 0,075$); б) по отношению к дочерям девушки чаще отмечают фактор здоровья ($p < 0,001$), а юноши, - ролевую стабильность ($p < 0,023$).

Таким образом, за сыновьями юноши закрепляют сферу социальной успешности, пространство, которое простирается за пределами семьи, при этом предоставляя им большую свободу ролевого семейного поведения, чем дочерям, а за дочерями – сферу семьи, при этом в большей степени контролируя стабильность их семейного ролевого поведения, чем поведения сыновей. Девушки, в отличие от юношей, в равной степени закрепляют и за сыновьями, и за дочерями и сферу социальной успешности (простирается вне семьи) и сферу детско-родительских отношений. Следует заметить, что для юношей и для девушек характерно определенное напряжение между индивидуально-психологической и социально-психологической интенциями когнитивного компонента родительской установки (напряжение между «хочу» и «важно»). Так юноши в своих индивидуально-психологических интенциях реагируют на условия современной социальной жизни, предоставляющие равные возможности для самореализации как для мужчин, так и женщин, однако в социально-психологической интенции они, напротив, ориентируются на традиционный гендерный стандарт социальной успешности, который для мужчин определяет пространство вне семьи, а за женщинами закрепляет сферу семьи. Девушки, напротив, в своих индивидуально-психологических интенциях воспроизводят традиционные гендерные представления о мужской и женской успешности, а в социально-психологической интенции ориентируются на реалии настоящего времени, предполагающие равные возможности социальной успешности и для мужчин, и для женщин.

Блок аффективного компонента родительской установки эмпирически структурируется аналогично предыдущим, однако количественное распределение компонентов в нем, как видно из Таблицы 19, несколько иное.

Таблица 19

*Структура эмоционального компонента
родительских установок юношей и девушек, в %*

Компоненты Структуры	Юноши		Девушки	
	Сын	Дочь	Сын	Дочь
Здоровье	2,7	1,2	2,1	2,2
Качества личности	17,2	16,7	18,4	16,6
Психические состояния	8,3	3,4	6,8	8,8

Социальная успешность	36,8	8,5	24,7	40,0
Ролевая стабильность	35,0	40,2	48,0	32,2
Объем суждений	255	253	231	239

В переживаниях и юношей, и девушек, примерно в равном объеме представлена ролевая стабильность («помогает матери», «поздно приходит домой», «всегда слушает совета») и социальная успешность детей («получит образование», «не станет пьяницей»). Сознание будущих родителей фиксирует тот факт, что именно социальная успешность и ролевая стабильность детей являются основным источником как положительных, так и отрицательных эмоций родителей.

Заметим, что юноши чаще отмечают психические состояния у сыновей ($p < 0,045$), нежели у дочерей, и это, на наш взгляд, может свидетельствовать как о том, что юноши предполагают быть несколько ближе эмоционально к сыновьям, чем к дочерям, а, с другой стороны, может указывать и на то, что им (юношам) «легче» интерпретировать эмоциональные состояния мужчин, чем женщин.

Девушки чаще, чем юноши, отмечают ролевую стабильность сыновей, чем дочерей ($p < 0,09$), а также чаще, чем юноши, отмечают ее у сыновей ($p < 0,09$), чем у дочерей. И это становится понятным, если учесть, что именно на долю матерей приходится основной объем переживаний, связанных с жизнедеятельностью детей. При этом девушки, как будущие матери, фиксируют тот факт, что поведение сыновей традиционно рассматривается как проблемное, а, следовательно, и более эмоционально затратное в восприятии его родителями.

В четвертом блоке неоконченных предложений (структура ответов представлена в Табл. 20) моделируется реакция будущих родителей на предполагаемые ситуации затруднения у детей.

Здесь имеет место пять типов реакций: утешу, успокою, развеселю; тоже расстроюсь; постараюсь понять; постараюсь помочь; нет отклика.

Таблица 20

Структура реакций юношей и девушек в ситуации предполагаемого затруднения детей, в %

Компоненты структуры	Юноши		Девушки	
	Сын	Дочь	Сын	Дочь
Утешу, успокою, развеселю	33,7	54,1	48,2	61,3
Тогда расстроюсь	8,2	3,1	1,1	4,3
Постараюсь понять	25,5	10,2	16,1	12,9
Постараюсь помочь	29,6	31,6	28,7	21,5
Нет отклика	3,0	1,0	5,9	—
Объем суждений	254	260	262	280

Наиболее часто декларируемые реакции юношей и девушек, – «утешу, успокою, развеселю» (примерно половина всех ответов девушек по

отношению к сыновьям и к дочерям, и примерно половина ответов юношей по отношению к дочерям), и «постараюсь помочь» (около трети всех ответов).

В структуре реакций юношей и девушек на предполагаемые затруднения у детей выявлены следующие различия: юноши чаще предполагают «утешать, успокаивать» дочерей ($p < 0,0001$), чем сыновей; постараются понять ($p < 0,0001$) и тоже расстроятся ($p < 0,034$) чаще по отношению к сыновьям, чем дочерям. Девушки предполагают утешать ($p < 0,017$), помогать ($p < 0,09$) и, опять же, расстраиваться ($p < 0,09$) чаще по отношению к дочерям, чем к сыновьям.

Между юношами и девушками, по отношению к полу ребенка, выявлены следующие различия в предполагаемой реакции на затруднения детей: а) по отношению к сыну девушки чаще, чем юноши, говорят о том, что станут утешать ребенка ($p < 0,007$), а юноши, чаще, чем девушки, по отношению к ним постараются понять причину затруднения ($p < 0,03$) и тоже расстроятся ($p < 0,0001$). По отношению к дочерям различия не так многочисленны: юноши отмечают, что постараются помочь, чаще, чем девушки ($p < 0,032$).

В целом можно отметить, что стратегии поведения, выбираемые юношами и девушками в ситуации предполагаемого затруднения у детей, будут различаться как по полу адресанта (юноша либо девушка), так и по полу адресата воздействия (сын либо дочь).

Таким образом, юноши, в большей степени склонны «разбираться в ситуации», т.е. пытаться решить ее при помощи логики, а девушки – эмоционально ее пережить и сопереживать. Заметим, что и юноши, и девушки в большей степени готовы помогать дочерям, тем самым как бы подчеркивая их большую, в отличие от юношей, некомпетентность (дань традиционным представлениям о «слабом поле»). Примечательно также и то, что юноши в большей степени готовы расстраиваться в ответ на затруднения у сыновей, а девушки – на затруднения у дочерей, таким своеобразным образом как бы «маркируя» свои эмоциональные приоритеты в детско-родительских отношениях.

Пятый блок вопросов моделирует ситуацию несогласия детей и предполагаемые реакции на нее юношей и девушек. Выявлено шесть типов реакций: 1) убеждают («постараюсь переубедить в правильную сторону», «докажу свою правоту»); 2) принимают несогласие («не буду настаивать на своем мнении», «соглашусь с ней», «предоставлю выбор ему»); 3) попытаются понять причины несогласия детей («постараюсь понять его точку зрения», «выясню причину несогласия»); 4) предполагают достичь компромисса («совместно найдем конструктивное решение»); 5) принуждают ребенка принять свою точку зрения («заставлю со мной согласиться», «буду воспитывать, пока не поймет, что ошибся»); 6)

самоустранятся («позову на помощь мужа», «пусть с ней разбирается мать»). (См. Табл. 21).

Таблица 21

Структура реакций юношей и девушек в ситуации предполагаемого несогласия детей с родителями, в %

Компоненты структуры	Юноши		Девушки	
	Сын	Дочь	Сын	Дочь
Убеждают, доказывают	29,8	33,7	23,1	25,3
Принимают несогласие	23,7	17,9	29,7	21,8
Пытаются понять	24,7	21,1	28,6	33,3
Идут на компромисс	16,5	7,4	15,4	14,9
Принуждают, заставляют	5,3	10,4	2,2	4,7
Самоустраняются	—	9,5	1,0	—
Объем суждений	254	260	254	286

Наиболее часто декларируемые реакции на несогласие детей – убедить, доказать свою правоту и попытаться понять поведение ребенка

Рассмотрим выявленные внутригрупповые, связанные с полом ребенка. Так, юноши предполагают принимать несогласие ($p < 0,093$), а также идти на компромисс ($p < 0,012$) с сыновьями чаще, чем с дочерьми; по отношению же к последним, юноши чаще, чем по отношению к сыновьям, предполагают прибегнуть к принуждению ($p < 0,074$). Девушки также чаще предполагают принять несогласие сыновей, а не дочерей ($p < 0,074$).

Рассмотрим различия, связанные с полом испытуемых. По отношению к сыновьям, юноши чаще, чем девушки, предполагают прибегнуть к принуждению ($p < 0,03$). Других значимых различий не выявлено.

Выявлены значительные различия в реакциях юношей и девушек в предполагаемой ситуации несогласия дочерей. Так, юноши чаще, чем девушки, предполагают убеждать ($p < 0,07$) и принуждать ($p < 0,014$) дочерей, а девушки предполагают их понять ($p < 0,024$) или согласиться на компромисс.

Выявленные различия позволяют утверждать, что юноши (будущие отцы) в ситуации несогласия с ними детей, предполагают действовать более авторитарно, чем девушки (будущие матери). При этом, и юноши, и девушки в большей степени склонны принимать несогласие сыновей, тем самым, как бы признавая их большую автономию, а по отношению к дочерям и те, и другие предполагают чаще применять методы скрытого давления – уговаривать, тем самым как бы подчеркивая «детскость» дочерей, ведь именно детей в нашей культуре принято «уговаривать».

Примечателен и факт того, что юноши только по отношению к дочерям, а девушки, - по отношению к сыновьям избирают стратегию

самоустранения («посоветуюсь с мужем», «пусть разбирается жена», «призову на помощь мать»).

Последний блок моделирует реакции будущих родителей на поведение детей, не одобряемое ими («Когда сын /дочь/ сделает что-то не так...»).

Выявлено шесть типов реакций: 1) постараются понять причину такого поведения («разберусь, в чем дело», «поговорю с ним»); 2) исправляют или показывают, как сделать правильно («покажу ему, как надо», «наставлю на путь истинный»); 3) прощают («вспомню свою молодость и не накажу», «прощу»); 4) наказывают, сердятся («рассержусь и накажу», «если виноват, - накажу»); 5) огорчаются и расстраиваются («буду переживать», «огорчусь»); 6) самоустраняются («пусть разбирается жена», «наказывать – дело отца», «подожду, пока сам не захочет поговорить об этом»).

Наиболее часто декларируемая реакция в этой ситуации, - исправить, научить делать правильно, - почти половина всех ответов (См. Табл. 22).

Таблица 22

*Структура реакций юношей и девушек
в ситуации не одобряемого ими поведения детей, в %*

Компоненты структуры	Юноши		Девушки	
	Сын	Дочь	Сын	Дочь
Попытаются понять	11,6	9,8	21,7	24,5
Исправят, научат, помогут	51,6	39,1	51,1	55,3
Прощают	16,8	18,5	10,9	8,5
Наказывают	15,7	19,6	9,8	4,3
Огорчаются, обижаются	4,3	7,6	4,3	7,3
Самоустраняются	—	5,4	2,2	—
Объем суждений	254	260	248	264

Рассмотрим выявленные внутригрупповые различия, связанные с полом ребенка. Так, юноши чаще предполагают исправлять сыновей, а не дочерей ($p < 0,023$), а девушки, в большей степени, чем дочерей, предполагают сыновей наказывать ($p < 0,039$).

Выявлены следующие межгрупповые различия: девушки предполагают понять причины поведения сыновей чаще, чем юноши ($p < 0,014$), но юноши чаще, чем девушки, указывают на то, что их простят ($p < 0,083$), однако наказывать их они так же предполагают чаще, чем девушки ($p < 0,076$).

По отношению к дочерям, девушки, чаще, чем юноши, предполагают понять причины их поведения ($p < 0,0001$), а так же предполагают оказать им помощь в исправлении того, что, по их мнению, сделано «не так» ($p < 0,003$). Юноши как и в случае с сыновьями, чаще, чем девушки, предполагают прощать дочерей ($p < 0,007$), и их наказывать ($p < 0,001$).

Вполне очевидно, что реакции юношей (как будущих отцов) в ситуации не одобряемого ими поведения детей более амбивалентны и внутренне противоречивы, чем реакции девушек (будущих матерей): проблемное поведение детей они чаще предполагают и наказывать, и прощать. При этом поведение девушек предполагает быть в большей степени личностно вовлеченным, чем поведение юношей: они чаще, чем юноши, предполагают, что постараются понять поведение детей. Здесь следует также заметить, что будущие родители – юноши и девушки – предполагают более либеральную реакцию на не одобряемое ими поведение ребенка одного с ними пола.

Сравнение структуры различных компонентов родительских установок юношей и девушек между собой, а так же по отношению к полу ребенка внутри групп позволяет сделать следующие выводы:

- юноши предполагают быть более авторитарными по отношению к детям, чем девушки;

- девушки предполагают более эмоциональное участие в жизни детей, чем юноши, поведение же юношей как будущих отцов, предполагает быть более рациональным, чем поведение девушек как будущих матерей;

- существует эмоциональное предпочтение будущими родителями детей одного с ними пола, юношами – сыновей, а девушками – дочерей;

- со стороны будущих родителей предполагается признание и предоставление сыновьям большей автономии, за поведением дочерей предполагается несколько больший контроль, вместе с тем, в ситуации не одобряемого родителями поведения ребенка предполагается более «жесткая» реакция будущих родителей на поведение сына, чем на поведение дочери.

Следует также отметить и тот факт, что поведение юношей как будущих отцов, предполагает быть более последовательным с точки зрения традиционных гендерных стандартов родительского поведения, чем поведение девушек. Для последних характерно не только «заимствование» некоторых традиционных элементов отцовского поведения, но и определенная его гендерная «нейтральность».

Таким образом, уже в юношеском возрасте родительские установки юношей и девушек не только различаются по полу их носителей, но и носят гендерно-ориентированный характер, т.е. отражают пол ребенка, на которого она направлена.

3. 6. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК И РЕАКЦИЙ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ПРИ ПОМОЩИ ОПРОСНИКА PARY

Использованный нами опросник «Измерение родительских установок и реакций» (PARY) Е. Шефера удобен тем, что он не связан с установками

на воспитание конкретного ребенка, а направлен на изучение общих особенностей родительского воспитания, что позволяет учесть установки испытуемых априорно [17, с. 144]. Мы использовали его четвертую форму, включающую 115 утверждений, объединенных по 5 вопросов в 23 шкалы.

Испытуемым было предложено по 4-х балльной шкале, в зависимости от своих убеждений в правильности того или иного суждения, оценить каждый вопрос.

На **первом** этапе при помощи t – Стьюдента были оценены различия величин средних по каждой шкале между двумя подвыборками: юношей и девушек [109, с. 169].

Было установлено, что показатели по шкалам «1. Предоставление ребенку возможности высказаться» ($p < 0,001$), «6. Страх причинить вред ребенку» ($p < 0,001$), «11. Поощрение зависимости ребенка» ($p < 0,001$), «14. Равенство родителей и ребенка» ($p < 0,005$), «21. Товарищеское отношение к ребенку» ($p < 0,005$), и «23. Помощь в воспитании» ($p < 0,0001$) у девушек достоверно выше, чем у юношей.

Возможна следующая интерпретация полученного результата: девушки, в большей степени, чем юноши, ориентированы на демократизм и равенство в отношениях с ребенком, однако, они и в большей степени склонны «удерживать ребенка возле себя», поощрять его зависимость, инфантилизировать. Однако юноши в большей степени уверены в себе, как в воспитателе, и в меньшей степени, чем девушки, ориентированы на получение помощи извне при взаимодействии с ребенком.

На **втором** этапе из полученных данных для каждой группы испытуемых были составлены матрицы, отражающие содержание использованной методики. Матрицы с данными были подвергнуты факторному анализу, экстракция факторов осуществлялась методом главных компонент. Ротация осуществлялась методом нормализованного «varimax»-вращения. В результате ротации были получены упорядоченные матрицы, давшие основания для содержательной интерпретации факторов. Были приняты следующие критерии вхождения переменной в фактор: факторный вес $> 0,3$; наибольшая величина факторного веса при двойных вхождениях.

В группе юношей было выделено четыре наиболее сильных фактора, имеющих, соответственно, вес: 7,38; 3,40; 2,56; 2,26, объясняющих 67,82 % дисперсии.

Первый фактор объясняет 32,08 % дисперсии и включает следующие шкалы (в скобках указан факторный вес): 3. Мать, только хозяйка дома (0,42); 4. Подавление воли ребенка (0,68); 5. Жертвенность родителей (0,42); 8. Строгость родителей (0,66); 10. Зависимость ребенка от матери (0,48); 11. Поощрение зависимости ребенка (0,72); 12. Подавление агрессивности ребенка (0,36); 20. Навязчивость родителей (0,71). Этот фактор можно проинтерпретировать как «*Авторитарность*». Хотя

родитель и навязывает себя ребенку, родительство воспринимается как жертва, тягота; подавление воли и агрессивности ребенка сопровождается строгостью родителя, при этом поощряется зависимость ребенка от матери. Можно предположить, что авторитаризм в воспитании связан с традиционным взглядом на распределение ролей в семье: жена видится только в качестве хозяйки дома.

Во второй фактор, который можно проинтерпретировать как «Дистанцирование» (14,78 % дисперсии), вошли следующие шкалы: 2. *Дистанцирование*. В фактор вошли следующие шкалы: 2. Оберегание ребенка от трудностей (0,74); 16. Избегание общения с ребенком (0,56); 18. Подавление сексуальности ребенка (0,56); 19. Власть матери (0,62); 22. Ускоренное развитие ребенка (0,67); 23. Помощь в воспитании (0,52). Выраженность данного фактора указывает на то, что родитель сознательно дистанцируется от ребенка. С одной стороны, он, признавая зависимость ребенка от взрослых, стремится ускорить его развитие, а, с другой, передает его во власть матери, при этом неким образом его инфантилизует (подавление сексуальности). Дистанцирование происходит на фоне осознания необходимости посторонней помощи в воспитании ребенка.

Третий фактор (11,13 % дисперсии) преимущественно вошли шкалы, описывающие супружеское взаимодействие: 5. Жертвенность родителей (0,37); 7. Супружеские конфликты (0,60); 9. Раздражительность родителей (0,76); 13. Мученичество родителей (0,59); 17. Невнимательность мужа к жене (0,31); 21. Товарищеское отношение к ребенку (-0,36). Взаимодействие с ребенком воспринимается как «мученичество» и вызывает у родителя раздражение; оно строится на фоне нарушенной межсупружеской коммуникации, т.о. отношение к ребенку опосредуется отношением к супруге. Фактор можно проинтерпретировать как «Конфликтность».

Четвертый фактор (9,83 % дисперсии) можно интерпретировать как «Демократизм». Его содержание составили следующие шкалы: 1. Ребенок может высказаться (0,72); 6. Страх причинить вред ребенку (0,46); 14. Равенство родителей и ребенка (0,56); 15. Поощрение активности ребенка (0,49) 21. Товарищеские отношения к ребенку (0,62). Они свидетельствуют о преимущественной ориентации родителя на демократизм в отношениях с ребенком, что предполагает восприятие его как равноправного партнера по взаимодействию и поощрение его активности.

В группе девушек было выделено четыре наиболее сильных фактора, имеющих, соответственно, вес: 3,14; 2,34; 2,28; 2,04, объясняющих 72 % дисперсии.

Первый фактор можно интерпретировать как «Подавление» (33 % дисперсии). Его содержание составили следующие шкалы: 4. Подавление воли ребенка (0,56); 8. Строгость родителей (0,74); 11. Поощрение

зависимости ребенка (0,71); 12. Подавление агрессивности ребенка (0,56); 17. Невнимательность мужа к жене (0,56); 20. Навязчивость родителей (0,35); 22. Ускоренное развитие ребенка (0,39). Высокие баллы по шкалам, образующим фактор, могут говорить о том, что будущая мать, поощряя зависимость ребенка, стремится подавить его волю и проявления агрессивности. Поощрение зависимости ребенка происходит на фоне нарушенной супружеской коммуникации.

Второй фактор (20 % дисперсии) составили следующие шкалы: 3. Мать, только хозяйка дома (0,73); 16. Избегание общения с ребенком (0,48); 18. Подавление сексуальности ребенка (0,42); 19. Власть матери (0,56); 21. Товарищеское отношение к ребенку (-0,46). Девушки, имеющие высокие показатели по шкалам фактора, ориентированы на традиционное распределение обязанностей в семье между мужем и женой. При этом общение с ребенком может рассматриваться ими как «посягательство» на их обязанности хозяйки. По всей видимости, поведение ребенка может рассматриваться ими как нарушение «семейного порядка», в связи с чем они пытаются распространить на него свою власть, и, через подавление его сексуальности, инфантилизировать его. Фактор можно интерпретировать как «*Дистанцирование*».

Третий фактор (11 % дисперсии) – «*Инфантилизация*» - составили следующие шкалы: 2. Оберегание ребенка от трудностей (0,63); «Жертвенность» родителей (0,47); 6. Страх причинить ребенку вред (0,78); 10. Зависимость ребенка от матери (0,42); 23. Помощь в воспитании (0,41). Девушки, имеющие высокие показатели по этим шкалам, склонны опекать ребенка, поощряя его зависимость, вместе с тем, они рассматривают свое родительство как жертву, чувствуя себя неуверенными в общении с ребенком и нуждаясь в посторонней помощи по уходу за ним.

Четвертый фактор можно интерпретировать как «*Демократизм*» (8 % дисперсии). Следующие шкалы составили этот фактор: 1. Ребенок может высказаться (0,72); 14. Равенство родителей и ребенка (0,71); 15. Поощрение активности ребенка (0,68); 21. Товарищеское отношение к ребенку (0,38). Шкалы, входящие в этот фактор, говорят о таком поведении будущей матери, которое ориентировано на взаимодействие с ребенком, как с равным. Девушки, имеющие высокие показатели по этим шкалам, ориентированы на поощрение активности ребенка, на уважение и учет его мнения в решении вопросов, связанных с жизнью семьи.

Заметим, что у юношей и девушек частично совпадают между собой содержание только двух факторов: «Дистанцирование» и «Демократизм». На наш взгляд, это может служить подтверждением того, что уже предполагаемое поведение юношей и девушек, как будущих родителей, носит гендерный характер: оно различается по полу родителя. Кроме того, вхождение шкал, описывающих межсупружеские отношения, и шкал, характеризующих позиции юношей или девушек как будущих родителей, в состав общего

фактора может свидетельствовать о том, что установки юношей и девушек на детско-родительские отношения взаимосвязаны с их самыми широкими семейными представлениями, такими как распределение ролей в семье, установками и ожиданиями по отношению к своему будущему супругу (супруге). В этой связи можно ожидать, что чем «пессимистичнее» воспринимается будущая семейная жизнь, тем более «проблемными» (авторитарными, отстраненными или даже конфликтными) видятся отношения будущего родителя с ребенком.

Таким образом, можно предположить, что родительские установки юношей и девушек взаимосвязаны с их брачно-семейными представлениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Юность является важнейшим этапом формирования родительства как социально-психологического образования личности. Это обуславливается следующими обстоятельствами: в юношеском возрасте в основном завершается рост тела, его органов и систем, завершается процесс полового созревания, что предполагает возможность зачатия и рождения ребенка; молодые люди осваивают взрослый тип мышления; они приступают к овладению профессией, в связи с чем происходит перестройка из взаимоотношений с ближайшим социальным окружением: родителями, значимыми взрослыми и сверстниками; юноши и девушки впервые получают социально значимый опыт взаимодействия с противоположным полом, осваивают роль сексуального партнера; в юности происходят значимые изменения в их гендерной идентичности, а это ведет к значительному расширению аспектности их гендерных ролей; происходят значительные изменения в их личности. В сознании юношей и девушек родительство представлено всеми своими основными элементами: семейными ценностями, родительскими сценариями, установками и ожиданиями в супружеских и родительских отношениях, гендерными идеалами. При этом ментальная репрезентация родительства в юношеском возрасте, в его доступной для наблюдения и изучения вербальной проекции, отражает не только возрастные и гендерные особенности молодых людей, но и те изменения, которые произошли в гендерной стратификации общества, в содержании его гендерных норм, в том числе, и в их отношении к семейным гендерным ролям.

Вместе с тем существуют гендерные различия в ментальной репрезентации родительства в юношеском возрасте, которые обнаруживаются на всех уровнях личностных диспозиций юношей и девушек.

Так, на уровне ценностных ориентаций, в направленности терминальных ценностей, юноши в большей степени, чем девушки, ориентируются на ценности социальной успешности, а девушки на ценности создания семьи; в направленности инструментальных ценностей

девушки в большей степени, чем юноши, ориентируются на ценности межличностных отношений. В своих семейных ценностях юноши в большей степени ориентируются на автономию от семьи, а девушки, - на создание прочных внутрисемейных эмоционально окрашенных отношений. Кроме того, ценность воспитания детей у юношей не связана с другими семейными ценностями.

В своих семейных идеалах юноши ориентируются на большее число детей в семье, чем девушки; в гендерных идеалах юношей мужские образы маскулинны, а женские – фемининны, в то время, как у девушек мужские образы менее маскулинны, а женские, - менее фемининны, чем у юношей.

Сценарии реализации родительства юношей и девушек различаются между собой на всех трех своих (социальном, социально-психологическом и личностно-смысловом) уровнях. На социальном уровне юноши, в большей степени, чем девушки, предполагают быть для ребенка проводниками в мир социальных статусов, а девушки – воспитывать его, передавать коллективный опыт; на социально-психологическом уровне юноши, в большей степени, чем девушки, предполагают защищать ребенка, а девушки - с ним общаться; на личностно-смысловом уровне юноши, в большей степени, чем девушки, рассматривают рождение ребенка как изменение своего социального статуса, а девушки – как приобретение нового социально-психологического качества (ответственности).

На уровне установок детско-родительского взаимодействия это проявляется в том, что юноши предполагают быть более авторитарными по отношению к ребенку, чем девушки; девушки предполагают большее эмоциональное участие в жизни ребенка, чем юноши; девушки в большей степени, чем юноши, ориентированы на демократизм в отношениях с ребенком, и в большей степени, чем юноши, на поощрение зависимости ребенка от родителей. Кроме того, юноши, в меньшей степени, чем девушки, ориентированы на получение помощи извне при взаимодействии с ребенком.

Существуют различия в родительских установках юношей и девушек в связи с полом объекта их направленности. Так, образы сына у юношей более маскулинны, а дочери – более феминны, чем у девушек. Выявлено эмоциональное предпочтение будущими родителями детей одного с ними пола; юношами – сыновей, девушками – дочерей; со стороны будущих родителей предполагается признание за сыновьями большей автономии, чем за дочерьми, однако и более жесткие реакции на непослушание сыновей, чем дочерей.

Сознание юношей и девушек отражает ценностно-нормативные изменения современного общества. Хотя ценность семьи для молодых людей достаточно высока, ориентации на нее выстроены на фоне общей доминирующей направленности на ценности личной социальной

успешности, что подчеркивает общую индивидуалистскую направленность ценностных ориентаций юношей и девушек.

Семейные ценности юношей и девушек в их части, отражающей направленность на семью (социально-психологическая составляющая семейных ценностей), достаточно противоречивы: в их иерархической структуре конфликтуют ценности автономии от семьи и ценности семейного единства.

В образах семьи, идеалах мужчины и женщины компоненты, выражающие детность семьи и качества мужчины и женщины, как родителя, являются наименее представленными.

В своих семейных сценариях, в той их части, которая отражает представления молодых людей о готовности к родительству, компоненты материального благосостояния и социальной компетентности занимают наибольший удельный вес. Это может говорить о том, что принятие решения о рождении ребенка у будущих родителей может быть детерминировано их субъективными представлениями о материальных возможностях семьи.

Изменения, происшедшие в гендерной стратификации общества, по-разному отражены в сознании юношей и девушек. Это проявляется, прежде всего, в их гендерных идеалах. Так, гендерные идеалы юношей более традиционны и в мужской, и в женской гендерных парадигмах: в мужских образах преобладают мужские, а в женских – женские традиционно-гендерные качества. Гендерные идеалы девушек, и в женской, и в мужской, их парадигмах, заметно отличаются от образов, созданных юношами. В образах мужской парадигмы в меньшей степени, чем у юношей, представлены традиционно мужские, а в образах женской – традиционно женские гендерные качества. Кроме того, все образы женской гендерной парадигмы, созданные девушками, в значительном объеме включают качества, традиционно используемые для описания мужественности.

Все, изложенное выше, позволяет говорить о том, молодые люди имеют достаточно развитый «образ родительства»; вместе с тем, рассогласованность представлений юношей и девушек о супружестве и родительстве, и противоречивость их семейных ориентаций в будущем, по их вступлении в брак, может стать причиной как межсупружеской, так и детско-родительской дисгармонии. Все это с необходимостью ставит перед педагогами задачи по гармонизации брачно-семейных ориентаций молодежи. Это становится особо актуальным еще и потому, что в брачно-семейных ориентациях молодежи просматривается достаточно тревожная тенденция, смысл которой заключается в том, что девушки готовы создавать неполные семьи и воспитывать детей вне брака, даже без всякого участия отца ребенка, а юноши, в свою очередь, готовы им это позволить и соглашаются с таким положением вещей [94].

В кратких тезисах постараемся представить наше видение проблемы.

Как и любой педагогический процесс, воспитание к супружеству и родительству, передавая определенный набор ценностей, само, в свою очередь, покоится на неких метаценностных основах. Каковы же могут быть эти ценности-основания?

Прежде всего, – положение о том, что человек – существо биосоциальное, а это предполагает, что человек в своем двуединстве, с одной стороны, обладает ценностью сам по себе, но, с другой, что общество, как «вместилище человеков» обладает ценностью не меньшей. Это предполагает, во-первых, что любое сексуальное воспитание должно стремиться преодолеть напряжение, возникающее как по оси «личность – личность», так и по оси «личность – общество». То есть, воспитывать в человеке уважение и к своему собственному телу, и к телу другого человека (к телу, как к широкому проявлению человеческой телесности), воспитывать уважение общества к потребностям человека и уважение человека к возможностям общества их принять. Во-вторых, это может предполагать, что в результате воспитания и преподавания будет снято противоречие «дух – тело». То есть, человеческое тело со всеми его телесными проявлениями не будет противопоставлено деятельности человеческого духа. Такой подход покоится на том основании, что нет духа без тела, а тело без духа – не тело человека: не существует вне телесной духовности, а тело, только одухотворенное человеческой культурой, становится воистину телом человеческим. Следование двум этим принципам позволит взрастить в ребенке чувство уважения и терпимости к человеческой свободе (к своей собственной и к свободе того, кто рядом с тобой), но только к такой, которая уважает свободу другого человека и не посягает на благополучие многих.

Ключевыми аспектами воспитания будущих супругов и родителей должны стать следующие.

Социальный аспект, который представляет собой воспитание в мальчиках и девочках чувства социальной ответственности между людьми как мужчинами и женщинами, убеждения о том, что в сфере сексуальных отношений человек не является независимым от общества и его ценностно-нормативных оснований.

Социально-психологический аспект предполагает, что у воспитанников будут раскрыты способности понимания и уважения чувств других людей, учитывать половые особенности в совместной деятельности. Основное острие этого аспекта может быть направлено на становление взрослеющих юношей и девушек как будущих родителей, на формирование у них потребности иметь прочную семью, достойно выполнять родительские обязанности, проявлять заботу о своих престарелых родителях.

Индивидуально-психологический аспект воспитания к супружеству и родительству предполагает формирование в растущем человеке стремления к принятию собственной сексуальности, к интеграции ее в сексуальную сферу общества, на признание того, что она не может быть реализована вне рамок существующего культурного поля, без учета сексуальности других людей. Кроме того, молодые люди должны открыть для себя личностно-экзистенциальную ценность брака и семьи

Прикладными задачами этого аспекта могут стать воспитание в ребенке ценностного отношения к своему собственному здоровью и здоровью своего сексуального партнера, как его необходимом условии, убеждения о недопустимости легкомысленных и безответственных поступков, связанных с проявлением собственной сексуальности и сексуальности других людей. Этот аспект призван дать знания и об основах сексологической безопасности.

Совершенно ясно, что такое воспитание не может быть компанией «одного дня». Это – долговременная программа, рассчитанная на различные возрасты человека, учитывающая его актуальные возможности и ориентированная на его ближайшие потребности. При этом, курс семейведения должен быть упреждающим, но не стимулирующим. Думается, что весь период от предпубертатного до старшего юношеского возраста и начала взрослости должен быть охвачен соответствующей работой, направленной и на решение проблем конкретного возраста и на упреждающую подготовку растущего человека к бурям очередного возрастного кризиса.

Следует признать, что такая масштабная подготовка к созданию семьи и родительству потребует длительного подготовительного этапа, прежде, чем сможет быть реализована. Что же можно сделать уже сейчас, чтобы помочь воспитанию достойных родителей? Думается, необходимо обратиться к опыту преподавания курса «Этика и психология семейной жизни», однако, отказавшись от узкой направленности его или на формирование репродуктивных установок, или на половое просвещение, но не исключая их, значительно восполнить его задачами формирования практических навыков полноценного межличностного общения, позволяющих молодым людям преодолеть барьеры гендерных и сексистских стереотипов. Причем все это можно осуществить в рамках одно-, двухлетней программы.

Не секрет, что многие современные родители не уделяют достаточно времени своим детям, чаще ссылаясь на занятость в связи с участием в процессе производства. Многие из них признают, что не уверены в себе, как в воспитателях и остро ощущают недостаток педагогических знаний [78, 79]. В связи с этим необходимо учитывать и то, что работа образовательного учреждения по формированию и оптимизации установок молодых на семью и родительство должна охватывать и родителей

будущих отцов и матерей. Таким образом, деятельности учебного заведения по оптимизации детско-родительских отношений является еще одной возможностью направлять и корректировать формирование супружеских родительских установок подростков и молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраменкова В.В. Половая дифференциация и сексуализация детства: горький вкус запретного плода // Вопросы психологии. – 2003. - № 5. – С. 103-120.
2. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 413 с.
3. Айзенк Г.Ю. Язык счастья. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 312 с.
4. Акивис Д.С. Отцовская любовь. – М.: Профиздат, 1989. – 208 с.
5. Акопов Г.В. Социальная психология образования. – М.: Флинта, 2000. – 296 с.
6. Алешина Ю.Г., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. – 1991. - № 4. – 74 – 82.
7. Ананьев Б.Г. К постановке проблемы развития детского самосознания // Психология развития. / Сост. и общ. ред. авт. коллектив каф. психологии развития и дифференциальной психологии СПбГУ. – СПб.: Питер, 2001. – С. 177 – 214.
8. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
9. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: МГУ, 1980.- 416 с.
10. Андреева Т.В. Семейная психология: Учеб. пособие. – СПб.: Речь, 2004. – 24 с.
11. Антонов А.И. Кризис семьи и родительство // Проблемы родительства и планирования семьи. – М.: Институт социологии РАН, 1992. – С. 11 – 27.
12. Антонов А. И. Социология рождаемости: Теоретические и методологические проблемы. – М.: Статистика, 1980. – 271 с.
13. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи: Учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по направл. и спец. «Социология». – М.: МГУ, 1996. – 304 с.
14. Аристова Н.Г. Социализация подрастающего поколения и семья // Семья и социальная структура. – М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1987. – С. 106 – 121.
15. Арутюнян М.Ю. Педагогический потенциал семьи и проблема инфантилизма молодежи // Отец в современной семье [Отв. ред. Н.Я.

- Соловьев]. – Вильнюс: Институт философии, социологии, права АН Лит. ССР. – 1988. – С. 27 – 31.
16. Арутюнян М.Ю. Распределение обязанностей в семье и отношения между супругами // Семья и социальная структура [Отв. ред. М.С. Мацковский]. – М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1987. – С. 53 – 70.
 17. Архиреева Т.В. Методика измерения родительских установок и реакций // Вопросы психологии. – 2002. - № 5. – С. 144 – 153.
 18. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во УГУ, 1999. - 415 с.
 19. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. – М.: Мысль, 1976. – 156 с.
 20. Афанасьев В.Г. Системность и общество. – М.: Политиздат, 1980. – 368 с.
 21. Баздырев К.К. Как быть счастливым в браке. – М.: Мысль, 1987. – 222 с.
 22. Баранник О.С. Влияние семьи на формирование тревожности у дошкольников // Ананьевские чтения – 99: Тезисы научно-практической конференции. – СПб., 1999. – С. 176 – 177.
 23. Баттерворт Дж., Харрис М. Принципы психологии развития. – М.: Когито-Центр, 2000. – 349.
 24. Белова В.А. Число детей в семье. – М.: Статистика, 1975. – 175 с.
 25. Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. – М.: Статистика, 1972. – 144 с.
 26. Бендас Т.В. Гендерная психология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2005. – 431 с.
 27. Берн Ш. Гендерная психология. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-Пресс, 2001. – 318 с.
 28. Бергер Б. Нуклеарная семья как первооснова цивилизации в исторической перспективе // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. – 2003. - № 3. – С. 93 – 100.
 29. Битянова М.Р. Социальная психология. Наука, практика и образ мыслей. Учебное пособие. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 561 с.
 30. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
 31. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. – М.: Московский психолого-социальный института, 2001. – 352 с.
 32. Бойко В.В. Малодетная семья: социально-психологический аспект. – М.: Мысль, 1988. – 237 с.
 33. Бойко В.В. О посреднической роли детей в жизнедеятельности отцов // Отец в современной семье [Отв. ред. Н.Я. Соловьев]. – Вильнюс: Институт философии, социологии, права АН Лит. ССР. – 1988. – С. 33 – 46
 34. Большой толковый психологический словарь. В 2 т. Т. 1: А-О / Авт. сост. А. Ребер. – М.: Вече: АСТ, 2000. – 592 с.

35. Большой толковый социологический словарь (Collins). В 2-х т. Том 1 (А – О) / Пер. с англ. – М.: Вече: АСТ, 2001. – 544 с.
36. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. – М.: Статистика, 1976. – 248 с.
37. Босанац М. Внебрачная семья. – М.: Прогресс, 1981. – 208 с.
38. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Академический Проект, 2004. – 237 с.
39. Бочаров В.В. Антропология возраста: Учебное пособие. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 192 с.
40. Браун Дж., Кристенсен Д. Теория и практика семейной психотерапии. – СПб.: Питер, 2001. – 351 с.
41. Брутман В.И., Панкратова М.Г., Ениколопов С.Н. Некоторые результаты обследования женщин, отказавшихся от своих новорожденных // Вопросы психологии. – 1994. - № 5. – С. 31 – 36.
42. Бубнова С.С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. – 1999. - Т. 20. – № 5. – С. 38 – 44.
43. Бурова С.Н. Гендерные аспекты подготовки молодежи к браку и семейной жизни // Социология. – 2000. - № 4. – С. 37 – 45.
44. Бурова С.Н. Совершенствование взаимоотношений в семье как основной фактор воспитания // Психолого-педагогические проблемы семейного воспитания. Часть 1. – Могилев: МгГПУ им. А. Кулешова, 1985. – С. 41 – 43.
45. Васильева Э.К. Семья и ее функции: Демографо-статистический анализ. – М.: Статистика, 1975. – 181 с.
46. Визгина А.В., Пантлеев С.Р. Проявление личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин // Вопросы психологии. – 2001. - № 3. – С. 91-100.
47. Винникот Д.В. Разговор с родителями. – М.: Класс, 1994. – 112 с..
48. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 287 с.
49. Вишневский А.Г. Социальное управление рождаемостью // Вопросы философии. – 1978. - № 6. – С. 85-100.
50. Волков А.Г. Семья – объект демографии. – М.: Мысль, 1986. – 269 с.
51. Воднева А.И. Молодежь о браке и семье: идеалы, иллюзии, реальность // Адукацыя і выхаванне. – 2000. – № 4. – С. 31 – 36.
52. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 6. / Под ред. М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1984. – 400 с.
53. Гаврилюк В.В. Маскулинность в социализации городских подростков // Социологические исследования. – 2004. - № 4. – С. 98-104.
54. Гарбузов В.И. Неврозы у детей и их лечение. – Л.: Медицина, Ленинградское отд-ние, 1977. – 272 с.
55. Геодакян В.А. Эволюционная теория пола. // Природа. – 1991. - № 8. – С. 60-69.

56. Герасимова И.А. Структура семьи. – М.: Статистика, 1976. – 168 с.
57. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
58. Говако Б.И. Студенческая семья / Редкол.: Э.К. Васильева (пред.) и др. – М.: Мысль, 1988. – 158 с.
59. Голод С.И. Сексуальность, гендер и семья: социологическая интерпретация // Человек. – 2004. - № 5. – С. 152-159.
60. Голод С.И. Социально-психологические и нравственные ценности семьи // Молодая семья [Сб. статей] / М-во высш. и сред. спец. образования СССР, Науч.-технич. совет, Секция народонаселения [Ред. коллегия: Д.И. Валентей (гл. редактор) и др.]. – М.: Статистика, 1977. – С. 47–56.
61. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты / Под ред. Г.М. Романенковой. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984, - 136 с.
62. Горбатенкова Л.М. Отец и семья. – Минск.: Полымя, 1993. – 127 с.
63. Гордон Т. Р.Е.Т. Повышение родительской эффективности // Фромм А., Гордон Т. Популярная педагогика. – Екатеринбург: АртЛТд., 1997. – С. 321 – 607.
64. Гребенников И.В. Основы семейной жизни. – М.: Просвещение, 1991, - 157 с.
65. Громько М.М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия. – 1991. – 447 с.
66. Гуд У. Социология семьи // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века. – М.: Прогресс, 1965. – С. 194 – 216.
67. Гудвин Дж. Исследования в психологии: методы и планирование. – СПб.: Питер, 2004. – 558 с.
68. Гурко Т.А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социологические исследования. – 2000. - № 11. – С. 90 – 97.
69. Гурко Т.А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социологические исследования. - 2004. - № 9. – С. 85 – 90.
70. Дарский Л.Е. Формирование семьи: Демографо-статистическое исследование. – М.: Статистика, 1972. – 208 с.
71. Девярых С.Ю. Взаимоотношения в семье как фактор становления социальной направленности личности по А. Адлеру // Человек в окружающем мире: духовные ценности и проблемы самореализации. Материалы международного научного симпозиума. – Витебск: ВГУ, 2003. – С. 96 – 99.
72. Девярых С.Ю. Взаимоотношения с родителями и становление личности ребенка: прочтение Фрейда в психоанализе Э. Фромма и К. Хорни // Психология личности: новые подходы в исследовании: Сб. науч. статей [Под общ. ред. С.Л. Богомаза]. – Витебск: ВГУ, 2004. – С.72 – 77.

73. Девярых С.Ю. Воспитание в семье как фактор преодоления социальной напряженности между полами по А. Адлеру // Личность – Слово – Социум: Материалы 3-й международной науч.-практич. конференции. В трех частях.– Минск: ИСЗ, 2003. - Часть 1. - С. 73 – 75.
74. Девярых С.Ю. Восприятие юношами и девушками поло-ролевой дифференциации в семье // Профессиональная подготовка специалистов социальной и образовательной сфер в условиях трансформации современного общества: проблемы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. – Витебск: ВГУ, 2005. – С. 156-158.
75. Девярых С.Ю. Гендерные идеалы в юношеском возрасте // Наука и образование в условиях социально-экономической трансформации общества: Сб. ст. VII Международной науч.-методич. конференции.– Брест: С.Б. Лавров, 2004. – Часть 1. - С. 72 – 75.
76. Девярых С.Ю. Идеалы мужа и жены в юношеском возрасте: прогноз супружеских отношений // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава. – 2004. - № 4 (34). – С. 45 – 49.
77. Девярых С.Ю. К вопросу об источниках представлений юношей и девушек об идеальных родителях// Актуальные проблемы гармонизации социально-трудовых отношений. Материалы шестой международ. науч.-практич. конференции. – Витебск: МИТСО, Витебский фил., 2003. – С. 29 – 33.
78. Девярых С.Ю. К вопросу о состоянии педагогической культуры родителей // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава. – 2003. - № 4 (30). – С. 34 – 39.
79. Девярых С.Ю. Компетентные родители – залог здорового общества // Восточнославянские страны в эпоху глобализации: выбор путей развития. Материалы международ. науч. конференции. – Гродно: Гр.ГУ им. Я. Купалы, 2003. – С. 473 – 476 .
80. Девярых С.Ю. К типологии установок на родительство в юношеском возрасте // Личность – Слово – Социум: V международная научно-практическая конференция. – Минск: ИСЗ, 2005. – С. 96-99.
81. Девярых С.Ю. Направленность и иерархия ценностных ориентаций в юношеском возрасте: анализ гендерных различий // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава. – 2005. - № 3 (37). – С. 71-75.
82. Девярых С.Ю. Неполная семья как ближайшая перспектива: из опыта исследования репродуктивных установок студенческой молодежи // Региональная социология: состояние, проблемы, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. – Горки: БГСХА, 2005.- С. 66-68.

83. Девярых С.Ю. Нужно ли учить родителъству со школьной скамьи? // Пачатковае навучанне: сям`я, дзiцячы сад, школа. – 2004. - № 2. – С. 41 – 43.
84. Девярых С.Ю. Образ семьи в оценочных эталонах юношей и девушек // Вестник Витебского государственного медицинского университета. – 2003. - Том 2. - № 4. – С. 112-115.
85. Девярых С.Ю. Образы-идеалы ребенка (сына и дочери) в юношеском возрасте // Личность – Слово – Социум: V международная научно-практическая конференция. – Минск: ИСЗ, 2005.- С. 99-101.
86. Девярых С.Ю. Образы-идеалы матери и отца как обобщенная система установок на родительство в юношеском возрасте // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава. – 2004. - № 1 (31). – С. 11 – 17.
87. Девярых С.Ю. Оценочные эталоны матери в юношеском возрасте // История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур: актуальные проблемы из исторического прошлого и настоящего. Материалы международ. науч.-теоретич. конференции. – Витебск: ВГУ, 2003. – С. 365 – 267.
88. Девярых С.Ю. Оценочные эталоны отца у юношей и девушек // Актуальные проблемы гармонизации социально-трудовых отношений. Материалы шестой международной науч.-практич. конференции. – Витебск: МИТСО, Витебский фил., 2003. – С. 33 – 37.
89. Девярых С.Ю. Представления о родителъстве в юношеском возрасте // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадских навук. – 2004. - №2 (39). – С. 50 – 55.
90. Девярых С.Ю. Проблема установок на родительство в польской педагогической психологии // Личность – Слово – Социум: V международная научно-практическая конференция. – Минск.: ИСЗ, 2005.- С. 96-99.
91. Девярых С.Ю. Семья в системе оценок юношей и девушек // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава. – 2005. - № 2 (36). – С. 144-145.
92. Девярых С.Ю. Скажи мне, как меня зовут... (Имя ребенка в детско-родительских отношениях) // Личность – слово –социум: Материалы 4-й Международной науч.-практич. конф. / Отв. ред. В.В. Фалалеев. – Минск: ИСЗ, 2004. – С. 239 – 241.
93. Девярых С.Ю. Современная семья в оценочных эталонах юношей и девушек // Человек в окружающем мире: сущность и проблемы глобализации. Сб. ст. по материалам международ. науч. семинара. – Витебск: ВГУ, 2004. – С. 136 – 141 .
94. Девярых С.Ю. Социология юношеской сексуальности: сексуальное поведение и установки студенческой молодежи. Пособие для

- специалистов социально-педагогического и санитарно-гигиенического профиля. – Витебск: ВГУ, 2005. – 51 с.
95. Девярых С.Ю. Феномен родительства: социально-психологический аспект. Монография / Под ред. В.А. Сониной. – Витебск: ВГУ, 2005. – 104 с.
96. Девярых С.Ю. Школа как фактор формирования установок на родительство у старшеклассников // Новые технологии в современном процессе обучения. Материалы I Республиканской научно-практической конференции. – Новополоцк: ПГУ, 2003. – С. 42 – 43.
97. Девярых С.Ю. Юность детей и их взаимоотношения с родителями (Опыт эмпирического исследования) // Современные психологические технологии влияния на личность: Сб. науч. статей [Под общ. ред. С.Л. Богомаза]. – Витебск: ВГУ, 2005. – С. 159-166.
98. Девярых С.Ю. // Юноши и девушки как будущие отцы и матери // Социально-психологические проблемы ментальности: VI Международ. науч.-практич. конференция. Часть 1. – Смоленск: СГПУ, 2004. – С. 140-146.
99. Девярых С.Ю., Данич О.В. Гендер в социальных науках: основные итоги XX века // Ученые записки Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. Выпуск 4. – Витебск: ВГУ, 2005. – С. 193 - 209.
100. Девярых С.Ю., Крупский В.В. Особенности гендерных идеалов воспитанников ВТК // Личность – слово – социум: Материалы 4-й Международной науч.-практич. конф. / Отв. ред. В.В. Фалалеев. – Минск: ИСЗ, 2004. – С. 241 – 244.
101. Девярых С.Ю., Крупский В.В. Особенности идеалов матери и отца у воспитанников ВТК // Актуальные проблемы государства и права Беларуси: Материалы Республиканской науч.-практич. конференции. – Витебск: ВГУ, 2005. – С. 23-25.
102. Демоз Ллойд. Психоистория. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 512 с.
103. Джеймс М. Брак и любовь. – М.: Прогресс, 1985 - 191 с.
104. Домострой // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. – М.: Художественная литература, 1985. – С. 85 – 93.
105. Дружинин В.Н. Психология семьи. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 199 с.
106. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. – СПб.: Питер, 2002. – 320 с.
107. Дубровина И.В., Круглов Б.С. Психологические аспекты формирования ценностных ориентаций и интересов учащихся // Ценностные ориентации и интересы школьников. – М.: Просвещение, 1983. – С. 27-36.

108. Елизаров А.Н. К проблеме основного интерпретирующего фактора семьи // Вестник МГУ. Сер. 1. Психология. – 1996. - № 1. – С. 42 – 49.
109. Ермолаев О.Ю. Математическая статистика для психологов: Учебник. – М.: Флинта, 2002.- 336 с.
110. Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1980. – 150 с
111. Жуков Ю.М. Ценности как детерминанты принятия решений. Социально-психологический подход к проблеме // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М.: Наука, 1976. – С. 254-277.
112. Журавлева И.В. Репродуктивное здоровье подростков и проблемы полового просвещения // Социологические исследования. – 2004. - № 7. – С. 133 – 142.
113. Захаров А.И. Ребенок до рождения и психотерапия последствий психических травм.– СПб.: Союз, 1998. – 144 с.
114. Захаров А.И. Происхождение детских неврозов и психотерапия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 448 с.
115. Здравомыслов А.Г. Потребности. Ценности. Интересы. – М.: Политиздат, 1986. – 233 с.
116. Здравомыслова О.М. Цикл развития семьи: исследования и проблемы // Психология семьи: Хрестоматия [Ред.-сост. Д.Я. Райгородский]. – Самара: БАХРАХ-М, 2002. – С. 82 - 91.
117. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVII – XIX вв.). – М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 1997. – 302 с.
118. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. – СПб.: Питер, 2000. – 444 с.
119. Зотова О.И., Бобнева М.И. Ценностные ориентации и механизм социальной регуляции поведения // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1975. – С. 241 – 254.
120. Иваницкий В.Г. Русская женщина и эпоха «Домостроя» // Общественные науки и современность. – 1995. - № 3. – С. 161 – 174.
121. Ивченкова Н.П, Ефимова А.В., Аккузина О.П. Установки подростков по отношению к началу половой жизни // Вопросы психологии. - 2001. - № 3. – С. 49-57.
122. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб.: Питер, 2002. – 544 с.
123. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2002. – 512 с.
124. Исаев Д.Н., Каган В.Е. Половое воспитание и психогигиена пола у детей. – Л.: Медицина. Ленинградское отд., 1980. – 184 с.

125. Каган Е.В. Когнитивные и эмоциональные аспекты гендерных установок у детей 3-7 лет // Вопросы психологии. – 2000. - № 2. – С. 65-69.
126. Каган В.Е. Семейные и полоролевые установки у подростков // Вопросы психологии. – 1987. - № 2. – С. 54 – 61.
127. Казмин Н.В. Современное семейное воспитание в России // Семейное воспитание. Хрестоматия / Сост. П.А. Лебедев. – М.: Академия, 2001.- С. 48 – 66.
128. Капрара Дж., Сервон Д. Психология личности. – СПб.: Питер, 2003. – 640 с.
129. Карцева Л.В. Семья в трансформирующемся обществе // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. – 2004. – № 1. – С. 65 – 72.
130. Каптерев П.Ф. Задачи и основы семейного воспитания // Семейное воспитание. Хрестоматия / Сост. П.А. Лебедев. – М.: Академия, 2001.- С. 203 – 230.
131. Каптерев П.Ф. Из истории нравственного развития детей // Семейное воспитание. Хрестоматия / Сост. П.А. Лебедев. – М.: Академия, 2001.- С. 94 – 106.
132. Каптерев П.Ф. Родители и дети // Семейное воспитание. Хрестоматия / Сост. П.А. Лебедев. – М.: Академия, 2001.- С. 79 – 94.
133. Келли Г. Основы современной сексологии. – СПб.: Питер, 2000. – 896 с.
134. Кемпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях: Пер. с англ. / Сост. и общ. ред. М.М. Бобновой. – М. Прогресс, 1980. – 391 с.
135. Кикалейшвили Л. Педагогические проблемы освоения подростками роли отца // Отец в современной семье /Отв. ред. Н.Я. Соловьев. – Вильнюс: Институт философии, социологии, права АН Лит. ССР. – 1988. – С. 104 – 109.
136. Кириллова Н.А. Ценностные ориентации в структуре интегральной индивидуальности старших школьников // Вопросы психологии. – 2000. – № 4. – С. 29 – 37.
137. Клейн Л.С. Другая любовь: Природа человека и гомосексуальность. – СПб.: Фолио-Пресс, 2000. – 864 с.
138. Ковалев А.Г. Психология личности. – М.: Просвещение, 1970. – 391 с.
139. Ковалев С.В. Психология современной семьи. Информационно-методические материалы к курсу «Этика и психология семейной жизни». Кн. для учителя. – М.: Педагогика, 1988. – 207 с.
140. Козина И. Что определяет статус «кормильца» семьи? // Социологические исследования. – 2000. - № 11. – С. 83 – 90.
141. Колесов Д.В. Биология и психология пола. – М.: Флинта, 2000. – 175 с.

142. Колесов Д.В. Введение в общую психологию. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2002. – 736 с.
143. Коломинский Я.Л., Мелтсас М.Х. Ролевая дифференциация пола у дошкольников // Вопросы психологии. – 1985. - № 3. – С. 165 – 171.
144. Кон И.С. Введение в сексологию. – М.: Медицина, 1988. – 320 с.
145. Кон И.С. Дружба. – 4-е изд., доп. - – СПб.: Питер, 2005. – 330 с.
146. Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века. – Дубна: Феникс+, 2001. – 208 с.
147. Кон И.С. Психология старшеклассника: Пособие для учителей. – М.: Просвещение, - 192 с.
148. Кон И.С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива / АН СССР Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1988. – 269 с.
149. Кон И.С. Ребенок и общество: Учеб. пособие. – М.: Владос, 2003. – 336 с.
150. Кон И.С. Социологическая психология: Избранные психологические труды. – М.: МОДЭК, 1999. – 560 с.
151. Кон И.С. Социология личности (Над чем работают, о чем спорят философы). – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.
152. Кони Ф. Собрание сочинений. В 8-ми т. / Под общ. ред. В.Г. Базанова и др. Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1967 – 542 с.
153. Конусов Ю.А. Мужчина в семье: типы поведения // Семья и социальная структура. – М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1987. – С. 97 –106.
154. Корнилова Т.В. Экспериментальная психология: Теория и методы. Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 381 с..
155. Крайг Г. Психология развития. – СПб.: Питер, 2000.- 992 с.
156. Кричевский Р.Л., Дубровская Е.М. Социальная психология малой группы: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 318 с.
157. Крысько В.Г. Социальная психология. Словарь – справочник. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. – 688 с.
158. Курильски-Овжен Ш. Русская культурная модель и эволюция нормативного регулирования семьи // Общественные науки и современность. – 1995. - № 5 - С. 155 – 168.
159. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. – СПб.: Речь, 2000. – 408 с.
160. Лев-Старович С. Партнерский секс. – М.: Интербук, 1990. – 284 с.
161. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2001. – 511 с.
162. Либин А.В. Дифференциальная психология: На пересечении европейских, российских и американских традиций. – М.: Смысл, 2000. – 549 с.

163. Личко А.Е. Подростковая психиатрия: Руководство для врачей. – Л.: Медицина. Ленинградское отд.-ние, 1985. – 416 с.
164. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю.М. Забродин, Е.В. Шорохова. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
165. Лыткина Т.С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социологические исследования. – 2004. - № 9. – С. 85 – 90.
166. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. – М.: Речь, 2000. – 149 с.
167. Масионис Дж. Социология. – СПб.: Питер, 2004. – 752 с.
168. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / В 30-ти т./ Изд. 2-е. Том 3. – М.: Госполитиздат, 1955. – 630 с.
169. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / В 30-ти т./ Изд. 2-е. Том 21. – М.: Госполитиздат, 1961. – 745 с.
170. Мацковский М.С. Социология семьи: Проблемы, теории, методология и методики. – М.: Наука, 1989. – 112 с.
171. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
172. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – перв. полов. XIX в.). / Отв. ред. М.М. Громыко. – Новосибирск: Наука, Сибирское отд., 1979. – 350 с.
173. Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX - начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. Сб. статей. Под. ред. А.Г. Вишневого. – М.: Статистика, 1977. – С. 83 – 105.
174. Миронов Б.Н. Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // Психология семьи: Хрестоматия / Ред. – сост. Д.Я. Райгородский.- Самара: БАХРАХ-М, 2002. – С. 213 – 237.
175. Митина О.В. Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспектах // Общественные науки и современность. – 1999. - № 3. – С. 179 – 190.
176. Митина О.В., Касперт А., Низовских Н.А. Идеология маскулинности в России: постановка проблемы и экспериментальное исследование // Общественные науки и современность. – 2003. - № 2. – С. 164 – 176.
177. Митрикас А.А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 65 – 73.
178. Муксинов Р. Образ отца и матери в представлениях молодежи (опыт эмпирического исследования) // Отец в современной семье / Отв. ред. Н.Я. Соловьев. – Вильнюс: Институт философии, социологии, права АН Лит. ССР. – 1988. – С.126 – 132.

179. Навайтис Г. Семья в психологической консультации. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 1999. – 224 с.
180. Надирашвили Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии. – Тбилиси.: Мецниереба, 1974. – 170 с.
181. Нельсон Т. Психология предубеждений. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-Пресс, 2003. – 384 с.
182. Немени М. Роль внутрисемейного общения в процессе социализации подростка // Семья и социальная структура / Отв. ред. М.С. Мацковский. – М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1987. – С. 141 – 154.
183. Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. – СПб.: Речь, 2003. – 295 с.
184. Обуховский К. Психологическая теория строения и развития личности // Психология формирования и развития личности / Отв. ред. Л.И. Анцыферова. – М.: Наука, 1981.- С. 45 – 67.
185. Общая социология. Учебное пособие / Под общ. ред. А.Ф. Эфендиева. – М.: Инфра-М, 2000. – 653 с.
186. Овчарова Р. В. Психологическое сопровождение родительства. – М.: Институт Психотерапии, 2003. – 319 с.
187. Основы психологии семьи и семейного консультирования / Под общ. ред. Н.Н. Посысоева. – М.: Владос, 2004. – 328 с.
188. Острогорский А.Н. Семейные отношения и их воспитательное значение // Семейное воспитание. Хрестоматия / Сост. П.А. Лебедев. – М.: Академия, 2001.- С. 139 – 175.
189. Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.
190. Палуди М. Психология женщины. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.
191. Петровский А.В. Дети и тактика семейного воспитания. – М.: Знание, 1981. – 96 с.
192. Петровский А., Петровский В.А., Всегда ли правы родители? Психология воспитания. – М.: Астрель: АСТ: Ермак, 2003. – 399 с.
193. Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2003. – 192.
194. Пиз А, Пиз Б. Язык взаимоотношений: Мужчина – женщина. – М.: ЭКСМО, 2000. – 399 с.
195. Попеное Д. Упадок американской семьи (1960 – 1990): обзор и оценка // Психология семьи: Хрестоматия / Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара: БХРАХ-М, 2002 – С. 153 – 166.
196. Попова И.М. Ценностные представления и «парадоксы» самосознания // Социологические исследования. – 1984. - № 4. – С. 29 – 36.

197. Популярная психология для родителей / Ю.Е. Алешина, О.В. Баженова, Ю.В. Басина и др.; Под общ. ред. А.С. Спиваковской. – СПб.: Союз, 1997. – 304 с.
198. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.К. Клециной. – СПб.: Питер, 2003. – 478 с.
199. Психология / Под ред. А.А. Крылова. – М.: Проспект, 2001. – 583 с.
200. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – 718 с.
201. Психология подростка: Полное руководство / Под ред. А.А. Реана. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 432 с.
202. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.И. Артамонова, Е.В. Екжанова, Е.В. Зырянова и др. / Под ред. Е.Г. Силаевой. – М.: Академия, 2002. – 192 с.
203. Психология человека от рождения до смерти / Под общ. ред. А.А. Реана. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-Пресс, 2002. – 656 с.
204. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. – М.: Мысль, 1989. – 286 с.
205. Рабжаева М.В. Семейная политика в России XX век: историко-социальный аспект // Общественные науки и современность. – 2004. - № 2. – С. 166 – 176.
206. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.: Питер, 2000. – 624 с.
207. Райх В. Сексуальная революция. – СПб.: Университетская книга; М.: АСТ, 1997. – 352 с.
208. Рапопорт Р., Рапопорт Р. Отношение мужей к профессиональной деятельности жен // Изменение положения женщины и семья / Отв. ред. А.Г. Харчев. – М.: Наука, 1977. – С. 187 – 196.
209. Рассадина Т.А. Традиционные ценности: к вопросу о понятии // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. – 2004. - № 3. – С. 80 – 96.
210. Регуш Л.А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. – СПб.: Речь, 2003. – 351 с.
211. Роджерс К. Становление личности. Взгляд на психотерапию. - М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.- 415 с.
212. Розинаёва Г. Супружество, материнство и отцовство. – Минск: Полымя, 1984 – 143 с.
213. Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси. Историко-бытовые очерки XI – XIII вв.- М. – Л.: Наука. Ленинградское отд., 1966. – 240 с.
214. Рубин Я.И. Право на счастье: О проблемах семьи и детей. – Минск: Беларусь, 1986. – 174 с.
215. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. – 508 с.

216. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2003. – 705 с.
217. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. – Л.: Наука, Ленинградское отд., 1979 – 264 с.
218. Сатир В. Как строить себя и свою семью. – М.: Педагогика-Пресс, 1992. – 192 с.
219. Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси – Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1983. – 238 с.
220. Семенов И. Ю. Происхождение брака и семьи. – М.: Мысль, 1974.- 309 с.
221. Семья и общество / Отв. ред. А.Г. Харчев. – М.: Наука, 1982. – 127 с.
222. Синягина Н.Ю. Психолого-педагогическая коррекция детско-родительских отношений. -М.: Владос, 2001. – 96 с.
223. Ситников В.Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых. – СПб.: Химиздат, 2001. – 288 с.
224. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. Учебное пособие. – М.: МГУ, 1980. – 174 с.
225. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. – М.: МГУ, 1989. – 213 с.
226. Сонин В.А. Социально-психологические аспекты семьи и брака. – Смоленск: Б. и. [Обл. тип. им. Ю. Смирнова], 1985. – 87 с.
227. Социальная психология личности / Отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. – М.: Наука, 1979. – 344 с.
228. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Под ред. А.Л. Журавлева. – М.: Per Se, 2002. – 350 с.
229. Спиваковская А.С. Обоснование психологической коррекции неадекватных родительских позиций // Семья и формирование личности: Сб. науч. тр. / Под ред. А.А. Бодалева.- М.: НИИОП АПН СССР, 1981, С. 38-45.
230. Спиваковская А.С. Психотерапия: игра, детство, семья. В 2-х томах. – Том 2. – М.: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 462 с.
231. Стецкевич А. Христианское воспитание в семье. – Калининград: Адальбертинум, 1998. – 128 с.
232. Стоюнин В.Я. Наша семья и ее исторические судьбы // Семейное воспитание. Хрестоматия / Сост. П.А. Лебедев. – М.: Академия, 2001. – С. 29 – 41.
233. Струнников В.А. Пол. // Большая Советская Энциклопедия. – Том 20. – М.: Советская энциклопедия, 1975. – С. 171 – 174.
234. Сысенко В.А. Молодежь вступает в брак. – М.: Мысль, 1986. – 225 с.
235. Сысенко В.А. Супружеские конфликты. – М.: Мысль, 1989. – 172 с.
236. Сысенко В.А. Устойчивость брака: Проблемы, факторы, условия. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 199 с.

237. Теория статистики: Учебник / Под ред. Г.Л. Громыко. – М.: Инфра-М, 2002. – 413 с.
238. Титаренко В.Я. Семья и формирование личности. – М.: Мысль, 1987. – 352 с.
239. Ткаченко А.А. Сексуальные извращения – парафилии. – М.: Триада-Х, 1999. – 461 с.
240. Томпсон Дж., Пристли Дж. Социология. – Львов: Инициатива; М.: АСТ, 1998. – 491 с.
241. Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР / Сб. статей под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Статистика, 1977. – С. 138 – 153.
242. Узнадзе Д.Н. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001. – 414 с.
243. Файнбург З.И. Проблема эмоциональных факторов формирования семьи // Изменение положения женщины и семья / Отв. ред. А.Г. Харчев. – М.: Наука, 1977. – С. 133 – 138.
244. Филиппова Г.Г. Психология материнства. – М.: Институт психотерапии, 2002. – 239 с.
245. Формирование личности в переходный период: От подросткового к юношескому возрасту / [А.Д. Андреева, Н.И. Гуткина, И.В. Дубровина] Под ред. И.В. Дубровиной, НИИ общ. и пед. психологии АПН СССР. – М.: Педагогика, 1987. – 184 с.
246. Формирование личности старшеклассника / [А.Д. Андреева, Н.И. Гуткина, И.В. Дубровина] Под ред. И.В. Дубровиной, НИИ общ. и пед. психологии АПН СССР. – М.: Просвещение, 1989. – 169 с.
247. Форсова В.В. Православные семейные ценности // Социологические исследования. – 1997. - № 1. С. 64-72.
248. Фрейд А. Теория и практика детского психоанализа. В 2-х томах. Том 2. – М.: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 400 с.
249. Фрейд З. Психоаналитические этюды. – М.: Изд.- во АСТ, 2004. – 219 с.
250. Фрейд З. Психология бессознательного: Сборник произведений – М.: Просвещение, 1990. – 448 с.
251. Френкин Р. Мотивация поведения. – СПб.: Питер, 2003. – 651 с.
252. Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. – М.: АСТ, 2000. – 448 с.
253. Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – 430 с.
254. Фэйк-Хобсон К., Робинсон Б.Е., Скин П. Развитие ребенка и его отношений с окружающими. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1993. – 511 с.
255. Харчев А.Г. Брачность населения СССР. – М.: Мысль, 1979. – 367 с.
256. Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы (Социально-демографическое исследование). – М.: Статистика, 1978. – 224 с.

257. Харчев А.Г., Янкова З.А. Некоторые методологические положения изучения женщины и семьи // Изменение положения женщины и семья / Отв. ред. А.Г. Харчев. – М.: Наука, 1977. – С. 6 – 20.
258. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. – 860 с.
259. Хилл Ф. Современные тенденции в развитии семьи // Социальные исследования. Выпуск 4: Проблемы брака, семьи и демографии / Академия наук СССР, Институт конкретных социальных исследований, Советская социологическая ассоциация. – М.: Наука, 1970. – С. 136 - 152.
260. Холл К., Линдсей Г. Теории личности. – М.: Апрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 591 с.
261. Хоментаскас Г.Т. Семья глазами ребенка. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – 224 с.
262. Шапарь В.Б. Методы социальной психологии: Учебное пособие. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 288 с.
263. Шихирев П.Н. Социальная установка как предмет социально-психологического исследования // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М.: Наука, 1976. – С. 278 – 295.
264. Шнейдер Л.Б. Психология семейных отношений. Курс лекций. – М.: Астрель-Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 512 с.
265. Шпиц Р. Психоанализ раннего детского возраста. – М.: Университетская книга, 2001 – 159 с.
266. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI – XIV вв. / АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1972. – 338 с.
267. Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X – XIII веков. – М.: Наука, 1989. – 228 с.
268. Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. – М.: РГГУ, 1996. – 376 с.
269. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Питер, 2000. – 652 с.
270. Эриксон Э. Детство общество. – СПб.: Речь, 2000. – 416 с.
271. Эриксон Э. Идентичность, юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. – 340 с.
272. Юферева Т.И. Образы мужчин и женщин в сознании подростков // Вопросы психологии. – 1985. - № 3. – С. 84 – 90.
273. Юркевич Н.Г. Советская семья. Функции и условия стабильности. – Минск: БГУ, 1970. – 208 с.
274. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М.: Наука. 1975. – С. 98 – 105.
275. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. – М.: Наука, 1987. – 248 с.

276. Якобсон П.М. Эмоциональная жизнь школьника (Психологический очерк). – М.: Просвещение, 1966. – 291 с.
277. Янкова А.О. Городская семья. – М.: Наука, 1979. – 184 с.
278. Янкова А., Ачильдиева Е.Ф., Лосева О.К. Мужчина и женщина в семье. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 80 с.
279. Ясная Л.В. Соотношение семейных ролей мужчин и женщин. Влияние на социализацию детей // Проблемы родительства и планирования семьи. – М.: Институт социологии РАН, 1992. – С. 123 – 134.
280. Allport G. Attitude // Social Psychology: Readings a century of research. – N.-Y.: Mc Graw – Hill, 1990. – P. 31 – 38.
281. Baber K., Allen K. Women and Families. Feminist Reconstruction. – New York – London: The Guilford Press, 1992. – 276 p.
282. Baumrind D. (1991). The influence of parenting style on adolescent competence and substance use // Journal of Early Adolescence. - № 11. – P. 56 – 95.
283. Braun-Galkowska M. Patologia i terapia postaw rodzinnych // Wykłady z psychologii w KUL w roky ac. 1984 - 85 / Red. Z. Babska, A. Biela, T. Twitkowski. – Lublin, Wyd. KUL, 1985. – S. 343 – 360.
284. Crooks R., Baur K. Our Sexuality. – Redwood City: The Benjamin / Cumming Company, Inc., 1990. – 850 p.
285. Field T. (1978). Interaction behaviors of primary vs. secondary caretaker fathers // Developmental Psychology. - № 14 (2). – P. 183-184.
286. Fromm E. Miłość, płęć i matriarchat. – Poznań: Dom Wydawniczy Rebis, 1999. – 223 s.
287. Maccoby E.E. Gender and relationships: a developmental account // American psychologist. – 1990. – Vol. 17. № 6. P. 24 – 31.
288. McGlone J. Sex Differences in the Human brain asymmetry: A critical survey // Behavior and Brain Sci. – 1980 - Vol. 3- № 2. – P. 215-263.
289. Pilkewicz M. Postawy wychowawcze dzieci i młodzieży. - Warszawa.: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1967. – S. 238.
290. Rembowski J. Postawy rodzicielskie w odczuciu młodzieży dorastającej // Rodzina i dziecko / Red . M. Żemka. – Warszawa.: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. – S. 203 – 232.
291. Rembowski J. Z problematyki postaw rodzicielskich // Psychologia Wychowawcza. – 1970. - № 3. – S. 318 – 327.
292. Roe A. Early determinants of vocational choice //Journal of Counseling Psychology. – 1957. - № 4. – P. 212 – 217.
293. Scanzoni J. Contemporary Families and Relationships. - New York: McGraw-Hill, Inc., 1995. – 474 p.
294. Schaefer E.S. Children's reports of parental behavior as inventory // Children development. – Vol. 36. – P. 413 – 424.

295. Sonin W.A. Społeczno-psychoogiczne aspekty związców rodzinnych i małżeńskich // Rodzina: Przeszłość – Teraźniejszość – Przyszłość /Pod. Red. A. Tchorzewskiego. – Bydgoszcz: Wyd. WSP, 1988. – S. 392 – 400.
296. Steinberg L. Adolescence: Second Edition (1991) N-Y.: McGraw Hill Publishing Company. – 468 p.
297. Zanden J. W. (1987) Social Psychology. – NY.: Random House. – 480 p.
298. Żemska M. Postawy rodzicielskie i ich wpływ na osobowość dziecka // Rodzina i dziecko / Red . M. Żemska. – Warszawa.: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979. – S. 21 – 79.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа «Ответственное супружество и родительство»

Семья, являясь основой человеческого общежития, призвана обеспечить воспроизводство населения, передачу образа жизни, сохранение и приумножение достижений культуры. Являясь колыбелью физического и духовного рождения человека, семья призвана обеспечить психологический комфорт и возможности самореализации каждого своего члена. Для каждого человека большое счастье иметь хорошую семью, ощущать мир и морально-психологический комфорт в семье. Вместе с тем семейное счастье и благополучие есть результатом внешних по отношению к семье условий и обстоятельств, семейное счастье – дело, по меньшей мере, двух людей, – мужа и жены. Поэтому семейное благополучие во многом зависит от подготовленности молодых людей к выполнению супружеских и родительских обязанностей.

Целью настоящей учебной программы является оптимизация брачно-семейных представлений юношей и девушек с учетом изменившихся социокультурных условий функционирования института брака и родительства.

Следующие **задачи** будут способствовать достижению поставленной цели:

- дать представления о биологической и социальной детерминации гендера, гендерных различиях и их социокультурной динамике;
- раскрыть биологические и социальные корни человеческой любви, супружества и родительства;
- помочь слушателям в теоретическом, психологическом и практическом освоении настоящих и будущих семейных ролей, прав и обязанностей;

- способствовать раскрытию в них личностно-смыслового отношения к супружеству и родительству;
- представить основные психологические проблемы современной семьи, пути их решения;
- способствовать интеграции их сексуальности в нормативное поле современной культуры;
- способствовать взаимопониманию между юношами и девушками, преодолению ими гендерных стереотипов, затрудняющих межличностные отношения между мужчиной и женщиной;
- воспитание ответственности за свое сексуальное поведение и его последствия; воспитание ценностного отношения к своему здоровью и здоровью своего сексуального партнера.

Тема 1. *«Биология и психология пола».*

Бесполое и половое размножение. Понятие пола. Раздельнополость. Механизмы возникновения полового размножения и его эволюция. Как определяется пол. Генетический пол. Гонадный пол. Внутриутробный гормональный пол. Внутренний морфологический пол. Мужской и женский мозг. Пубертатный гормональный статус и внешний морфологический пол. Анатомо-морфологические характеристики мужских и женских половых органов. Гигиена половых органов. Основные проявления нормальной мужской и женской сексуальности. Характеристики мужской и женской половой функции. Психосексуальное развитие и половое созревание. Половое влечение и сексуальная ориентация.

Тема 2. *«Гендер как социальный конструкт».*

Пол и гендер. Гендерная дифференциация и гендерные различия. Психологические различия мужского и женского пола. Гендерные нормы. Гендерная идеология. Гендерные стереотипы. Гендерная социализация и ее механизмы. Пол по воспитанию. Гендерная идентичность и психологический пол. Гендерные стереотипы и их влияние на поведение человека. Влияние гендерных стереотипов на поведение человека.

Тема 3. *«Отношение полов, любовь и сексуальность в истории человеческого общежития».*

Историческое развитие половых и сексуальных взаимоотношений. Общественное регулирование сексуальных отношений. Секс и воспитание детей в Библии. Греция и Рим. Христианство и семейные отношения. Средневековье. Новое время. Тенденции сексуально-брачных отношений на современном этапе.

Тема 4. *«Любовь и дружба как психологические феномены человеческого бытия».*

Психология дружбы. Аттракция. Психология личных отношений в дружбе. Самораскрытие. Понимание, симпатия и эмпатия. Мужская и женская дружба. Дружба в юности. Психология первой любви. Признаки влюбленности. Любовь с первого взгляда. Динамика отношений в любви. Типология отношений в любви. Любовь и сексуальная близость. Психология ухаживания. Мотивы выбора брачного партнера.

Тема 5. *«Психология семейных отношений».*

Психологическое содержание понятия «семья». Семья как жизненное пространство личности. Семья как социальный институт и малая группа. Функции семьи. Типы семей. Жизненный цикл семьи и его стадии. Задачи развития семьи. Формы внутрисемейной коммуникации. Модели брака. Семейные роли.

Супружеские отношения. Адаптация супругов в браке. Сексуальные отношения супругов в браке. Сексуальное благополучие и долголетие супругов в браке. Биомедицинские технологии и репродуктивное здоровье человека. Контрацепция. Аборты.

Психология детско-родительских отношений. Родительство как психологический феномен. Формирование родительских позиций. Подготовка семьи к рождению ребенка. Психологическая характеристика пренатального периода. Семья как персональная микросреда развития ребенка. Типы семейного воспитания. Проблемы детско-родительских отношений и благополучия ребенка в семье. Родители и отношения детей в семье. Половое (гендерное и сексуальное) воспитание детей в семье.

Психология отношений с прауродителями.

Проблемная семья. Супружеские конфликты. Психология измены. Ревность. Факторы, разрушающие семейные отношения. Стадии развода. Дети и развод. Психология отношений разведенных родителей. Детско-родительские конфликты.

Тема 6. *«Современные проблемы партнерских, семейных и сексуальных отношений».*

Семья и социальное здоровье личности. Современные тенденции семейных (супружеских и детско-родительских отношений) и сексуальных отношений. Неполные семьи. Сводные семьи. Родители-одиночки. Психология свободного партнерства. Проблема нормы и отклонения в сексуальном поведении. Феномен «иной любви». Сексуальность и эротизм как элемент современной культуры. Порнография и агрессия. Сексуальность и психическое здоровье человека.

Тема 7. *«Сиротство как социальная проблема».*

Сиротство как социальная проблема: общая характеристика. Особенности социализации детей-сирот. Правовые проблемы усыновления и удочерения. Психологические проблемы воспитания приемных детей.

В.А. Петровский

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕЦЕНЗЕНТА

Автором получены весьма интересные факты. Я говорю о фактах, которые представляют интерес, думаю, с разных точек зрения. И социологической, и социально-психологической, и социально-педагогической, и, я думаю, психолого-консультационной. Но ядро работы и притязания автора, прежде всего, психологические. Поэтому я был бы склонен подчеркнуть интересность этих фактов с точки зрения психологии развития (в которую, конечно, встроена активная психолого-педагогическая, «психолого-воспитательная» образующая).

Первая группа фактов. Я назову эти факты так: «Гендерный контроль будущих родителей над *умами* девочек-дочерей». Если сыновья не согласны, это в порядке вещей, - так думают будущие родители обоих полов. Но вот если дочь не согласна, то извините, другой разговор. Будущие родители одинаково согласны с тем, что нужно оказывать на них психологическое давление. В то же время имеет место «гендерный контроль над *поведением* мальчиков». Будущие родители обоих полов одинаково нетерпимы к отклоняющемуся поведению, прежде всего мальчиков-сыновей, а не девочек (хотя это проявляется по-разному: юноши намерены исправлять поведение будущих сыновей, а девушки – наказывать). Факты предполагаемого гендерного контроля над поведением и над умами противоположны. Иными словами, почему «девушка не должна быть умнее родителей», а «мальчики не должны вести себя иначе, чем требуют от них родители»? Может быть, дело в том, что мысль исторически более молодое (не устоявшееся) образование, чем поведение (более древнее). И здесь-то, как раз, может еще раз подтвердить свою силу теория Геодакяна – единственная, я бы сказал, теория, вносящая ясность в проблему полового диморфизма. «Мужское», в отличие от женского,

заключает в себе инновационный момент; «женское», в отличие от мужского – консервативный, инерционный момент. Не следует ли из этого, что контроль над *мыслью* (более молодое, нарождающееся образование) более вероятен во взаимоотношениях с девочками? Если так, то можно сказать, что социум буквально вгоняет девочек в эволюционную колею, а мальчикам прощает эволюционно приемлемое свободомыслие. Несколько длиннее путь теоретической реконструкции факта нетерпимости к отклонениям в *поведении* мальчиков. Что значит «отклонение в поведении»? Вряд ли здесь имеется в виду что-то уникально творческое, полетное, надситуативное (хотя и такое возможно). Чаще всего это регрессивное поведение: «Что ты ведешь себя как маленький!», «Я уже запрещал (запрещала) это делать!» и т.п. Разумеется, оба пола склонны пресекать дезадаптивное поведение. Юноши – потому что в таком поведении отсутствует тенденция к прогрессу, инновациям. А девушки – потому что такое поведение противоречит целям воспроизводства традиции, репродукции полезных завоеваний. И даже в этом пункте юноши оставляют какой-то простор сыновьям: не только наказывают, но и прощают... Смысл гендерного контроля над поведением мальчиков: «Ты - в колею, ни шагу назад! Однако можешь пофантазировать, как ты выходишь за пределы проложенной колеи» В довершение к сказанному о параллелях между полученными фактами и теорией Геодакяна, сошлюсь на очень интересные данные, описанные в работе, и состоящие в том, что девушки чаще говорили о своем желании передавать детям коллективный опыт, в отличие от юношей, которые бы предпочли, как они говорят, быть для ребенка проводником в мир (полном непредсказуемости, непредрежденности – добавили бы мы). На мой взгляд, это вообще очень интересная и нерешенная проблема – соотнесение биологических и социальных аспектов геодакяновской модели пола, полового диморфизма в становлении человека человеком, личности личностью.

Вторая группа фактов: восприятие родительских фигур в системе идеалов юношей и девушек. После того, как факты получены, кто из психологов отмахнется от психоаналитической интерпретации этих фактов. Присмотримся: идеальные образы матери и отца андрогинны. По сути, - лишены половой специфичности. Я бы сказал, «бесполы». Может ли быть иначе (в норме, конечно), если речь идет о детско-родительских отношениях в период, отделенный от фрейдовской «латентной фазы» развития либидо гигантским промежутком времени в шесть-восемь лет? Естественно, в этот период юношества восприятие родителей как сексуальных партнеров табуировано, а сам объект либидо смещен в сторону от них? Я думаю, что «андрогинность» здесь – эвфемизм бесполости родителей в глазах их подросших детей (они, правда, в большинстве своем не знают пока этих слов: «андрогинность» и «эвфемизм»).

Третья группа фактов. Автор пишет: «Было установлено, что *юноши* в своих гендерных идеалах придерживаются схемы, приближенной к традиционной, что предполагает доминирование и большую социальную компетентность мужчины, чем женщины: *мужчины-мужья-сыновья – мужественны*, а *женщины-жены-дочери женственны*. Сам по себе этот факт, может быть, и не произвел бы на рецензента такого впечатления, если бы не другой факт, полученный автором исследования. Оказывается, ни один из созданных девушками образов идеальной *женщины-жены-дочери* в традиционные гендерные стереотипы не попадает. Это происходит, пишет автор, за счет определенной «маскулинизации» образов, прежде всего, за счет включения в них различных элементов, традиционно закрепленных за мужчинами. При этом все, созданные девушками образы мужской гендерной парадигмы менее маскулинны, чем образы, созданные юношами.

За счет чего это происходит? Здесь, на мой взгляд, мы опять сталкиваемся с фундаментальными идеями психоанализа, – причем классического психоанализа. У мальчиков, согласно Фрейду, стремление обладать матерью проходит раньше, так как мальчик боится наказания со стороны отца (мальчику есть что терять); а девочке, в сущности, бояться нечего, она ничего уже не сможет потерять; хотя она тоже хочет в начале обладать матерью, а потом переключается на отца (ведь у него есть то, чего нет у девочки). Мальчик боится отца, и, защищаясь, интроецирует его фигуру, то есть превращается в отца, а девочка тоже стремиться к этому, но ей бояться нечего, поэтому процесс интроекции – перенимания черт отца – затягивается на неопределенный срок. Вот и автор этого исследования показывает нам, как отчетливо юноши интроецировали отца, и как нечеток, «размыт» эффект интроекции отца девушками.

Во всех случаях, которые мы рассмотрели, просматриваются некие теоретические схемы, – будь то теория Геодакяна или психоанализ Фрейда, – позволяющие, если и не предвосхитить, то, по крайней мере, осветить полученные факты, дать им интерпретацию, и, тем самым, продвинуть теорию личности. Тот факт, что феноменология автора богата теоретическими импликациями, – замечательная заслуга автора.

Но здесь же и *упрек*. Автор рассматривает в теоретической части исследования разработки предшественников. Но все-таки у меня сложилось впечатление, что какой-либо проверяемой теоретической конструкции автор не предложил в качестве общей гипотезы и не использовал таковой конструкции в качестве способа интерпретации полученных фактов. Жаль! Может быть, у него уже есть или он мог бы предложить другие интерпретации полученным материалам?

Но этот упрек, может быть, не столько в адрес автора данной работы, сколько в адрес уже сложившейся безымянной традиции проводить интересные эмпирические разработки, приумножая опыт, но не пытаясь

подтвердить или отбросить какую-либо гипотезу, которая, в свою очередь, вытекала бы из какой-то общей теории... Автор не виноват в этом, таковы образцы, на которые он опирался.

Надо отдать должное автору – он действительно владеет литературой. Кроме того, работа – на стыке психологических и социологических разработок. Существуют ли в *социологии* модели, позволяющие строить продуктивные гипотезы, интерпретировать интересные факты, подобные полученным в данном исследовании? В психологии – есть. Мы рассмотрели только некоторые из них. Слово здесь должны сказать также социологи. Попутно замечу, что теоретическое значение работы не в том, что автор фиксирует некую динамику общественных отношений и ментальности социума, а в том, что он описывает инварианты развития ценностных ориентаций, обусловленных полом.

Сделанные замечания не умаляют значимости проведенного исследования, но лишь подчеркивают возможность его продуктивного продолжения. Работа, я думаю, будет продолжена, но уже сейчас она представляет собой завершенное научное произведение, *достоверное* по своей фактологии, *новое* по своей тематике, *теоретически* и *практически* значимое по своим результатам.

Работа, содержащая богатую феноменологию, в которой неискушенные авторы могли бы попросту запутаться, написана ясным, отчетливым языком.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	
ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН РОДИТЕЛЬСТВА И ЮНОСТЬ КАК ЭТАП ЕГО СТАНОВЛЕНИЯ.....	
1.1. Отцовство и материнство как реализация гендерных различий мужчины и женщины.....	
1.2. Родительство в контексте социокультурной эволюции семьи.....	
1.3. Родительство как социально-психологическое образование личности.....	
1.4. Юность как этап становления родительства.....	
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И РОДИТЕЛЬСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК.....	
2.1. План эмпирического исследования и его организация.....	
2. 3. Методы, методики и процедуры исследования.....	
ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И РОДИТЕЛЬСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК	
3.1. Направленность и иерархия ценностных ориентаций в юношеском возрасте.....	
3.2. Образы семьи и семейные ценности у юношей и девушек.....	
3.3. Гендерные идеалы юности.....	
3.4. Представления о родительстве в юношеском возрасте.....	
3.5. Гендерные особенности структуры родительских установок юношей и девушек.....	
3.6. Опыт исследования родительских установок и реакций юношей и девушек при помощи опросника	

PARY.....

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....

ЛИТЕРАТУРА.....

ПРИЛОЖЕНИЕ. Программа «Ответственное супружество и родительство»

В.А. Петровский ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕЦЕНЗЕНТА

Научное издание

Девярых Сергей Юрьевич

**Семейные ценности и родительские ориентации
юношей и девушек: анализ гендерных различий.**

Корректор: -----

Компьютерный дизайн: -----